

- [Джеймс Оливер Кервуд](#)
 - [Глава I. ЛЕДЯНОЕ «КРЕЩЕНИЕ»](#)
 - [Глава II. ТАЙНА ЧЕРНОГО ОХОТНИКА](#)
 - [Глава III. КВЕБЕК](#)
 - [Глава IV. ПОЦЕЛУЙ НЭНСИ ЛОБИНЬЕР](#)
 - [Глава V. ЗАПАДНЯ](#)
 - [Глава VI. В ПОСЛЕДНЮЮ МИНУТУ](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
-

Джеймс Оливер Кервуд
Черный охотник

Глава I. ЛЕДЯНОЕ «КРЕЩЕНИЕ»

Это происходило в поздний летний вечер приблизительно сто семьдесят лет тому назад. Теплая нега бабьего лета окутала сонную, почти необитаемую глушь. У ног двух молодых людей, глядевших на этот рай тишины и покоя, протекала таинственная река Ришелье, спеша соединиться с рекой Святого Лаврентия, отстоявшей на двадцать миль на север.

На юге, милях в шестидесяти от этого места, находилось озеро Шамплейн, а за ним ненавистные англичане и могавки — «красная чума» лесных братьев, — яростно оскалившие зубы на Новую Францию.

Все это, а пожалуй даже больше, было вырезано на пороховом роге тончайшими линиями, словно паутинки, и на это молодой колонист потратил несколько недель неустанного труда.

Он гордился своей работой. В выражении его глаз сквозило самолюбие художника, когда он впервые представил свое произведение на суд другого человека.

Юноша обещал вскоре превратиться в мужчину, и в этом немалую роль играла неумолимая дисциплина жизни в лесах, которым, казалось, не было конца. Ему шел двадцатый год. На первый взгляд он не казался ни крупным, ни крепко сложенным. У него была тонкая фигура, и казалось, что он всегда готов к какому-то быстрому Движению. Голова его была покрыта густой шапкой светлых волос, серые глаза смотрели пристально и открыто, и ни один индеец не мог бы быстрее его и более тщательно охватить все детали горизонта.

Его звали Дэвид Рок¹, но, несмотря на свое английское имя, он душой и телом принадлежал Новой Франции, историю которой он вырезал на своем пороховом роге.

Про девушку, стоящую рядом с ним, можно было сказать, что она еще более прекрасна, чем эта чудесная страна. Ее голова приходилась чуть-чуть выше плеча молодого человека. По ее спине до самого пояса спадали две толстые косы. На лице у нее горел румянец, глаза сверкали от счастья и гордости, когда она принялась рассматривать пороховой рог, который подал ей ее возлюбленный.

Ее звали Анна Сен-Дени.

— Мне даже не верится, что это сделано человеческими руками! — воскликнула девушка. — О, я так горжусь тобой! Я была бы счастлива, если бы только могла показать это матушке Мэри и подругам по школе. Когда я вернусь в Квебек, я расскажу им, что мой Дэвид — художник.

— Я страшно рад, что тебе это нравится, — сказал юноша, и лицо его залилось краской.

— О, это даже красивее, чем ее картины, которые развешаны по стенам нашей монастырской школы. И подумать только — неужели это сделано ножом?

— Да, только ножом, — ответил Дэвид Рок. — На крепком буйволовом роге, купленном мной у одного индейца. А тот забрал его у врага, которого он убил в бою два года тому назад.

— Уф! — с дрожью в голосе отозвалась девушка.

— Но ведь это несколько не портит рога, — не правда ли, Анна?

— Нет, несколько, это верно. Но я ненавижу войну, ненавижу убийства... несмотря на то, что в нашей стране кровопролитие не прекращается ни на один день. И я предпочла бы, чтобы человеческая кровь не была замешана здесь.

— Ты лучше переверни этот рог, Анна, — сказал молодой человек прерывающимся голосом. — Там еще кое-что есть... чего ты еще не видела.

Девушка повернула рог и пристально взгляделась. Над рисунком, изображавшим густую чащу сосен на небольшом холмике, были выцарапаны две строки. Она ближе поднесла рог к глазам и прочла:

— «Я люблю тебя. Я до последнего издыхания готов биться за тебя. Д. Р. Сентябрь 1754».

— Это относится к тебе, Анна, — снова заговорил юноша. — И то, что я написал здесь, правда. Я готов вступить в бой со всем миром ради тебя.

Он говорил, глядя вдаль через голову девушки, и старался владеть собой и говорить твердым голосом, но невольно в его словах чувствовалось какое-то еле ощутимое подозрение, нечто вроде детского страха или слабости, которое он стал испытывать в последнее время.

Это не ускользнуло от внимания девушки. В течение нескольких секунд она продолжала стоять, прижимая к груди драгоценный рог. Потом она уронила его на мягкую зеленую траву и быстро повернулась к своему возлюбленному. Ее руки ласково прикоснулись к его лицу. Юноша крепко обнял ее и прижал к себе, а пальцы его ласкали густые шелковистые косы.

В течение некоторого времени Анна глядела на него, и в ее глазах светилась безграничная любовь, которую молодые люди питали друг к другу почти с самого детства. Она протянула ему губы и прошептала:

— Поцелуй меня, Дэвид.

Спустя некоторое время она осторожно высвободилась из его объятий.

— Тебе не придется ни с кем драться за меня, Дэвид. Ты это хорошо знаешь. Знаешь, что я тебе скажу...

Глаза девушки внезапно загорелись шаловливым огоньком.

— Представь себе, я даже осмелилась сказать матушке Мэри, что горю желанием скорее окончить школу, так как в противном случае я не могу выйти замуж за тебя!

— Как бы я хотел, чтобы уж больше не было этой школы! — воскликнул Дэвид Рок.

— Неужели ты это серьезно говоришь? — изумилась девушка.

— Совершенно серьезно. Для меня никакой другой школы не существует, кроме лесов. Тебе не нравится мысль, что мне приходится драться, а между тем мне ничего другого не остается делать. В лесах никогда не прекращается война. И никогда не прекратится. И мы, которые не знаем школ, должны неустанно наполнять порохов свой рог и драться с англичанами и ирокезами. А в это время в городе Квебеке, — в котором, говорят, теперь живет уже восемь тысяч человек! — мужчины живут празднично, как короли, молодежь растет джентльменами-белоручками, а из девушек выходят важные дамы...

— И важные дамы влюбляются, конечно, в джентльменов, — закончила за него Анна. — Почему ты прямо не скажешь то, что у тебя на уме, Дэвид?

— Я ничем не могу помочь себе в этом.

— Но зато мой «джентльмен» одет в лосиную кожу, которая мягка на ощупь, как бархат. И это одеяние — истинный панцирь храбрых рыцарей с реки Ришелье и всегда им останется! — воскликнула девушка.

— Но все-таки я боюсь, Анна, и мой страх растет в последнее время с каждым днем, — продолжал Дэвид Рок.

Наконец-то он собрался открыть то, что угнетало его вот уже сколько месяцев!

— Ты боишься? Но чего, Дэвид?

Резким, порывистым жестом Дэвид Рок указал ей на ружье, которое он раньше прислонил к стволу упавшего дерева.

— Вот все, что у меня есть, — да еще моя мать. И больше ничего.

— Наша мать, ты хочешь сказать, — укоризненно заметила девушка. — Ты забываешь, Дэвид, что она наполовину моя.

Безудержная радость звучала в голосе юноши, когда он снова заговорил, но, по мере того как он продолжал, эта радость стала мало-помалу исчезать.

— Ты знаешь, что я хочу сказать, Анна. Твой отец — сильный барон и самый

могущественный сеньор в окрестностях. А твой дом — большой замок, между тем как мы живем в бревенчатой хижине в глубине леса.

— Ну и что же? — прервала его Анна, капризно мотнув головой.

— И ты слишком прекрасна...

— Не более прекрасна, чем твоя работа на этом роге, — снова прервала его девушка.

— ...ты любишь богатые наряды и красивые шелка и кружева.

— Я люблю их видеть на красивых девушках.

— ...но это все подходит к батистовому белью и золотым оторочкам на костюмах мужчин! — горячо продолжал юноша. — Это больше подходит к обществу клинков и изящных треуголок, чем к этому ружью и пороховому рогу.

— Прямо изумительно, как ты правильно рассуждаешь, — согласилась Анна и опустила глаза, чтобы ее молодой возлюбленный не прочел затаенного смеха.

— А теперь, к тому же, из Квебека направляется сюда целая процессия молодых джентльменов и дам. И главный интендант короля тоже едет сюда, и вместе с ним, говорят, возвращается из Монреаля этот Водрей, который в будущем году, вероятно, будет губернатором Новой Франции, если только Биго, интендант, поставит на своем.

— И какая чудесная компания с ними, должна сказать! — в тон юноше заметила Анна. — Пять самых красивых девушек из Квебека, — подумай только, Дэвид. И я убеждена, что еще раньше, чем они все уедут, я успею приревновать тебя к каждой из них.

Дэвид Рок хранил молчание.

— Нэнси Лобиньер с ее голубыми глазами и золотистыми волосами поклялась отобрать тебя у меня, — продолжала девушка насмешливым тоном. — И Луиза Шарметт, и Анжела Рошмонтье, и Жозефина Лавальер, и Каролина де Буланже — все они горят желанием увидеть тебя.

— Скажи мне, Анна, все эти девушки, которых ты перечислила, тоже живут в сеньориях вдоль реки Святого Лаврентия? — спросил Дэвид Рок.

— Да, за исключением Луизы Шарметт. Она дочь торговца и, между прочим, ужасная кокетка. Я очень боюсь ее! — ответила Анна.

— Пьер Ганьон рассказывал мне, что этот интендант Биго самый порочный человек во всей Новой Франции, — заметил Дэвид Рок.

— Еще бы не знать Пьеру Ганьону! — ответила Анна. — Ведь ему все на свете известно. Но ты должен знать, Дэвид, что интендант Биго — самый могущественный человек в Новой Франции — после короля.

Анна подняла глаза и посмотрела на юношу, который вперил взор в их бездонную глубину, и слова, которые он намеревался произнести, замерли у него в горле.

— Дэвид, я не особенно внимательно прислушивалась к тому, что ты мне говорил... Я пыталась набраться храбрости и попросить тебя подарить мне этот пороховой рог. Пожалуйста, можно мне считать его своим? Я бы не променяла его ни на какие богатства в мире!

Дэвид Рок понял, что весь смысл его слов пропал даром, поскольку это касалось девушки.

— Анна... Ты действительно правду говоришь?

— Ну конечно!

— И не только для того, чтобы сделать меня счастливым? Скажи мне правду!

Густая краска начала медленно заливать лицо девушки, ее глаза стали темнеть, пока наконец их темная синева не превратилась в совершенно черный цвет.

— Дэвид! Этот рог и те слова, что ты вырезал на нем, значат для меня больше, чем все школы в мире и все важные джентльмены на свете... Если только правда то, что ты написал здесь.

— Если это неправда, то ты вправе забыть меня навсегда, Анна! — горячо воскликнул юноша. — Можно мне взять его?

— Можно.

Девушка радостно расхохоталась, и ее звонкий смех вполне гармонировал с красотой, окружавшей их.

— В таком случае ты можешь оставить на другой раз все, что ты собирался сказать об этих глупых джентльменах, и школах и так далее. Я непременно должна знать скорее, что означает все, что вырезано на этом роге.

Теперь, когда тревога покинула сердце Дэвида Рока, он снова сияющим взором смотрел на ту чудесную страну, которую он запечатлел острием ножа на пороховом роге; он взял его из рук девушки, которая прижалась щекой к его рукаву, чтобы не упустить ни одного слова и не проглядеть какой-либо детали. Юноша расхохотался тем мягким смехом, за который Анна любила его еще тогда, когда они оба были детьми; он наклонился и прижался губами к шелковистым волосам девушки, а потом выпрямился и указал на синюю даль, теряющуюся за горизонтом.

— Вот там — англичане, которые день и ночь строят заговоры, чтобы уничтожить нас, и покупают наши скальпы у индейцев наравне со шкурками бобров. Если бы они могли, то с удовольствием предали бы каждого француза ирокезам, чтобы те сожгли нас на медленном огне.

В голосе юноши слышались теперь злоба и горечь; Анна Сен-Дени обеими руками обхватила его руку и прижалась к нему; она знала, что каждый раз, когда Дэвид говорит об англичанах и о их союзниках-индейцах, он представляет себе своего замученного и убитого отца.

— О, как я ненавижу их, — воскликнул он. — Всех этих англичан, которые заселили места, отмеченные здесь крестиками.

Девушка только кивнула головой в ответ, и трепет прошел по всему ее телу под действием страстной нотки в голосе возлюбленного. Она вполне понимала его, так как в глубине души она не меньше его любила Новую Францию.

— А вот здесь река, — продолжал Дэвид, проводя пальцем по линии, вырезанной на роге. — Это единственная линия, которая отделяет нас от наших врагов. Потому-то король и подарил таким воинственным сеньорам, как твой отец, земли вдоль реки Ришелье, чтобы они могли преградить путь неприятелю в случае его вторжения и задержать его продвижение в глубь страны.

— Здесь на озере (которое мы называем Сакраменто, а англичане — Озером Георга) расположена первая английская крепость — форт Эдвард — и форт Вильям-Генри. Вот почему я возле каждого из этих фортов вырезал лающего пса, ибо они тоже лают на нас и кусают, когда только представляется возможность.

— И ты думаешь, что они когда-нибудь доберутся до нас?.. И когда-нибудь их лающие псы сделают с нами то, что они хотят? — шепотом спросила девушка.

— Нет, если только ваши джентльмены из больших городов будут иметь достаточно мужества, чтобы драться, — ответил ей Дэвид Рок.

— Вовсе не мои джентльмены, — упрекнула его девушка. — Вовсе не мои.

— И от этих лающих псов, — продолжал юноша после недолгого молчания, в продолжение которого он, казалось, продумывал ее слова, — мы переходим к нашему собственному озеру Шамплейн. Вот здесь, где я вырезал французский флаг на верхушке разбитой сосны, находится место, которое индейцы племени минго называют Тикондерога, и тут мы в скором времени

начнем строить форт.

— Ты говоришь как человек, все помыслы которого сосредоточены на войне, — сказала Анна. — Почему это «мы будем строить форт», Дэвид? Зачем тебе вмешиваться во все это? Разве не построят его без тебя солдаты короля?

Тихим, размеренным голосом Дэвид ответил:

— Наступает время, Анна, когда каждая винтовка Новой Франции нужна будет для того, чтобы преградить путь этим варварам. И это время уже недалеко. Ты не думай, что я делаю лишь догадки. Я знаю, о чем я говорю. И такие винтовки, как моя, лучше винтовок солдат, Анна.

— И наши враги могут прийти от этого места, где стоят лающие псы, к озеру Шамплейн, и от озера Шамплейн к реке Ришелье, и потом вниз по Ришелье к... нам?

— Да, и после нас они направятся к Монреалю и к Квебеку и к каждому дому в Новой Франции, — если мы, живущие на реке Ришелье, не сдержим их натиска.

— Ты говоришь с еще большей уверенностью, чем мой отец, — с сомнением в голосе заметила Анна. — Но мой отец говорит только о мире, он верит в мир и в мощь Франции. И точно так же говорят и думают те, которые живут в Квебеке, Дэвид.

— В лесах мы знаем то, чего не знают у вас в Квебеке, — возразил Дэвид Рок. — В то время, как ваши джентльмены в Квебеке танцуют, играют в карты и копят богатства, эти лающие псы становятся все озлобленнее, все голоднее. И это не мои слова, Анна. Это слова...

— Чьи?

— ...Черного Охотника.

Он медленно и тихо произнес последние слова, точно в них крылась такая тайна, которой даже ветерок не должен был слышать.

У девушки в первое мгновение занялось дыхание в груди, и вместе с тем слегка напряглись все мускулы ее тела, словно она вдруг почувствовала вражду к своему юному другу.

— Он снова был здесь?

— Да. Приблизительно за месяц до того, как ты вернулась из школы в Квебеке, он явился к нам однажды темной ночью. Я спал в это время, и мне снова грезился все тот же страшный сон. Мы провели с ним две недели в лесах, расположенных на юге; мы заходили с ним в самую глубь неприятельской земли, вплоть до свинцовых копей в долине Хуанита. Я сопровождал его даже до форта Вильям-Генри, и сам видел этих лающих псов, о которых говорю. Но так как я был вместе с Черным Охотником, то англичане не видели во мне опасности для себя. И я также видел много свежих красных скальпов, и много скальпов, которые индейцы высушили, натянув их на круглые обручи...

Анна медленно отодвинулась от него. Она слегка побледнела, и в ее глазах появилось то испуганное выражение, над которым Дэвид не раз смеялся.

— И твоя мать разрешила тебе уйти... без предостережения... не боясь за твою жизнь?..

— Ты забываешь, Анна, что она не боится Черного Охотника, как ты.

Он расхохотался и взял девушку за руку. В продолжение нескольких секунд Анна пристально смотрела на него — так пристально и так пытливо, что с губ Дэвида исчезла улыбка.

Они долго стояли и молча глядели друг другу в глаза. А потом, когда девушка, казалось, прочла в его глазах все, что ей нужно было знать и что он пытался скрыть от нее, она перевела взгляд на рог и сказала:

— Ты еще не кончил рассказывать мне про рог, Дэвид. Ты дошел до реки Ришелье и, не правда ли, эта река сливается с рекой Святого Лаврентия? В таком случае на этих скалах должен быть расположен Квебек, правда? А на том острове — Монреаль, а там на севере, наверное, расположены земли Верхней Канады. Но я вижу здесь много такого, чего я не понимаю. Вот

здесь, например, нечто вроде алтаря, возле которого стоят две фигуры, словно ангелочки, а неподалеку сидит какое-то жалкое существо с удочкой в руке.

— В этом леске, — торжественным голосом ответил Дэвид Рок, — стоит большой дом; это замок Сен-Дени. Этот ангелочек — ты сама, а то жалкое существо, которое сидит с удочкой, — это я, Анна.

— Скажи, пожалуйста, Дэвид, что мне сейчас делать: плакать или смеяться? И почему у этого ангелочка такие изумительные волосы?

— Более красивых волос, чем у тебя, никогда не было на свете, Анна!

— Даже у твоей матери?

— Моя мать была прекрасна, Анна, и Черный Охотник предложил мне изобразить ее вот здесь, возле того, что ты называешь алтарем.

— Черный Охотник! — воскликнула девушка. — Он посоветовал тебе? И он знал, что ты для меня делаешь этот рог?

— Он помогал мне разработать план рисунка, когда мы вместе с ним бродили в лесах на юге.

Девушка в это время медленно перевернула рог и стала разглядывать остальную часть панорамы, вырезанной молодым художником.

— Вот это — Скрытый Город, — сказал юноша, становясь лицом к юго-западу. — Он находится далеко отсюда, и ни один белый не знает в точности — где, ни один, за исключением Черного Охотника. Город расположен в том месте, где индейцы племени сенека когда-то захватили белых пленных, еще задолго до того, как мы родились. Они не стали убивать этих пленных, намереваясь сделать их частью племени. Там большей частью женщины и дети, как говорит Черный Охотник, и, наверное, их несколько сотен. Когда-нибудь я отправлюсь взглянуть на них. В обществе Черного Охотника мне не будет грозить опасность.

Девушка снова подошла и крепко прижалась к нему.

— Я до конца дней своих буду хранить и любить этот рог, Дэвид. Посмотри на закат солнца! Какой багровый — краснее крови! — Она слегка вздрогнула. — Становится немного прохладно, а у меня даже теплого платка с собой нет. Пойдем домой, Дэвид.

Юноша повернулся и повел ее по крутой тропинке, которая в скором времени привела их к ровному плато, поросшему гигантскими дубами. Сперва юноша шел позади девушки, отставая лишь на один шаг, но, только тропинка сделалась шире, он обогнал ее и пошел впереди, держа наготове длинную винтовку. Глаза его оглядывали каждый кустик, уши насторожились, и ни один звук не мог бы миновать его слуха.

Анна шла позади него и тоже смотрела по сторонам, прислушиваясь ко всем звукам. В глазах ее светилась ласка. Она любила смотреть на Дэвида, когда он вот так шел впереди. Его ноги в мокалинах производили меньше шума, чем падающая листва, а юношеское тело могло бы поспорить гибкостью с пантерой.

Однажды ее отец как-то рассердился на него и назвал его молодой пантерой, молодым зверем, который растет в лесу и станет со временем большим зверем, ни к чему не пригодным, кроме жизни в лесах! А она гордилась этим. Она невероятно гордилась своим Дэвидом! За последний год с ним произошла огромная перемена. Он уж не был теперь ни прежним мальчиком, ни товарищем по играм; он также не был только юношей, которого она любила с присущей ей преданностью. Теперь он минутами был для нее — и как раз вот в такие минуты, как сейчас, — мужчиной! Мужчиной, внушавшим ей более глубокое чувство, чем та любовь, которую она питала к нему с самого детства. Мужчиной, который немного пугал ее и который заставлял ее сердце биться сейчас совсем по-иному.

Прошлой ночью, когда старый сеньор Николай Сен-Дени после ужина курил свою

большую трубку, а Анна вскарабкалась на угол стола, стоявшего в читальне отца, последний вдруг сказал:

— Ты уже стала женщиной, Анна. Тебе минуло семнадцать лет. Я не хочу потерять тебя, — ведь ты — все, что у меня осталось после смерти твоей матери. Но я хочу сказать тебе, что с полдюжины молодых джентльменов просили разрешения вести с тобой серьезное знакомство, и мое мнение, что пора уже тебе положить конец глупой, детской привязанности к Дэвиду. Если ты захочешь, то сможешь выйти замуж за любого представителя трех или четырех наиболее могущественных фамилий Новой Франции. И теперь, когда сюда направляются интендант Биго со своей свитой и твои друзья из Квебека...

Но на этом месте Анна прервала его, закрыв ему рот обеими руками, и решительно заявила: — Я выйду замуж за Дэвида, старый, дорогой, одноногий папочка! Я выйду замуж только за Дэвида Рока!

И после этого она убежала и отправилась к себе в комнату, заливаясь счастливым смехом. Она еще долго слышала, как внизу в своей комнате ее отец расхаживал взад и вперед, постукивая деревянной ногой, но она не могла видеть радостной улыбки в его глазах и не могла слышать довольного смешка, который издавал старый вояка каждый раз, когда он подходил к окну, откуда виднелся лес, где стояла хижина Дэвида Рока и его матери.

Но Анна запомнила его слова, и теперь она не уставала мысленно повторять их, словно какую-то дикую песню. Ты уже женщина!.. Ты женщина!.. Ты женщина!

Ей исполнилось семнадцать лет, а в Квебеке было принято, чтобы молодые дамы семнадцати лет вступали в свет и выходили замуж и становились матерями!

Но что же будет с Дэвидом? Анна притронулась к его рукаву.

— Почему ты умолк, Дэвид? Почему ты так опасно озираешься? — шепнула она. — Неужели нам может грозить здесь какая-нибудь опасность?

— В этот час вылетают из своих гнезд куропатки и тетерева, — ответил Дэвид Рок тихим, глухим голосом.

— Неправда, Дэвид, — быстро возразила Анна. — Ты вовсе не думаешь сейчас о куропатках и тетеревах. Ты думаешь об индейцах, Дэвид. Вечно об индейцах! Неужели ты предполагаешь, что они осмелятся прийти сюда?

— Индейцы на все могут осмелиться, Анна. И когда я смотрю на тебя и на твои волосы, я чувствую, что мог бы убить любого, кто грубо прикоснулся бы к ним! Я вспоминаю о том, что я видел однажды в стране ирокезов. Я думаю о Скрытом Городе. Я думаю...

Он вдруг умолк.

— О чем, Дэвид?

— Мне бы не следовало тебе говорить.

— Но я хочу знать!

— Я думаю о целом мешке скальпов, которые индейцы племени моговков послали в подарок своим английским друзьям в форт Вильям-Генри. Там было в общей сложности восемь скальпов — все снятые с французских женщин. Длинные волосы были завиты в косы по манере индейцев, и вместе со скальпами индейцы прислали черные ножи и томагавки, чтобы показать, каким оружием были убиты эти женщины. И волосы на одном из скальпов до такой степени напомнили мне твои, что мне стало страшно... мне стало почти дурно.

Он схватил руки девушки и крепко прижал к своей груди. Через несколько секунд он снова продолжал:

— Я надеюсь, что к тому времени, когда ножи для скальпирования и томагавки снова появятся в этой долине (а Черный Охотник уверяет, что это должно скоро случиться), ты будешь уже находиться в Квебеке.

Казалось, что юноша с трудом выжимает из себя каждое слово.

— Что ты хочешь сказать этим, Дэвид?

— Возможно, что ничего. Мне не следовало бы об этом говорить с тобой. Я только заставляю тебя нервничать. Вот видишь, мы уже выходим из чащи леса, а там в долине еще виднеется солнце.

Анна отстала на один шаг и продолжала путь позади него. Ее губы приоткрылись, щеки залились румянцем, а грудь высоко вздымалась. Она любила слушать Дэвида, когда он говорил с ней так, как сейчас в глубокой чаще и во мраке вековых дубов. В такие минуты он особенно нравился ей как мужчина, и тогда в ней с еще большей силой просыпалась женщина. Она испытывала в душе какое-то особенно радостное чувство и счастье. И Дэвид, в душе которого еще боролись мальчик и мужчина, думал про себя, что никогда он не видел ее такой прекрасной.

Она распустила волосы и предоставила им развеяться под легким летним ветерком; почти каждый раз, когда она находилась с Дэвидом, она распускала их. Но почему-то сегодня, когда Дэвид взглянул на нее, он почувствовал дрожь во всем теле. И, между прочим, в этот вечер Анна отдавала себе отчет в том, что она именно потому распустила волосы, что это нравилось Дэvidу.

Девушка имела обыкновение набирать полную охапку цветов, проходя по опушке леса; когда она опустилась на колени и, весело хохоча, начала подавать их Дэvidу, тот вдруг бросил цветы наземь, быстро и с силой привлек ее к себе, схватил в объятия и стал так жадно целовать, что у девушки занялось дыхание. Она чувствовала, что никогда еще ее возлюбленный не целовал ее так, как сейчас.

Испустив легкий крик, она стала бороться с ним и, упершись обеими руками в его грудь, пыталась вырваться из крепких объятий. Но даже в эти мгновения борьбы ее сердце радостно билось от счастья и восторга. Она инстинктом проснувшейся женщины различала в лице и глазах возлюбленного ту страсть, которая поборолла наконец юношескую робость. Тогда она перестала сопротивляться и, положив голову к нему на грудь, еще крепче прижалась всем телом.

Но в этот момент, который должен был запечатлеться на всю жизнь в душе молодого человека и девушки, раздался насмешливый хохот; Анна с быстротою молнии вырвалась из объятий Дэвида, а тот в мгновение ока повернулся лицом к месту, откуда доносился смех.

Шагах в двенадцати от молодых людей из-за рощицы диких сумас показалось трое человек, и смех принадлежал тому, который шел впереди других. Но как только Анна Сен-Дени повернулась, улыбка исчезла с лиц незнакомцев. Тот, кто находился впереди, почтительно снял шляпу и, низко кланяясь, стал рассыпаться в извинениях.

— Ради Бога, простите, мадемуазель, — начал он. — Мы не видели и не слышали вас и были уверены...

— Вы лжете! — прервал его Дэвид Рок, делая шаг к нему. — Вы великолепно видели и превосходно слышали, и вы смеялись потому, что не знали, что имеете дело с мадемуазель Сен-Дени. И что еще вы думали, разрешите узнать?

Анна потянула его за рукав и умоляющим голосом стала просить:

— Ради Бога, довольно! Уйдем, Дэвид!

И раньше, чем молодой человек успел ответить или повернуться к ней, она по узкой тропинке нырнула в лес, и тогда Дэвид, не торопясь, поднял ружье, подобрал цветы и последовал за ней.

— Черт возьми! — с восхищением в голосе воскликнул один из мужчин, следовавших позади первого. — Скажите, Водрей, видели вы такую красоту в своей жизни? А вы, де Пин? И,

между прочим, недурную историю вы затеяли, подкравшись потихоньку к такой сцене! А этот молодой дикарь — кто он такой? Черт меня возьми, если он ее не целовал! Как крепко он держал ее в своих объятиях! И я бы сказал, что ей это было вполне по душе, если я хоть что-нибудь понимаю в женщинах...

— А то, чего вы не понимаете в женщинах, могло бы наполнить две книги, Биго! — воскликнул де Пин. — А не заметили ли вы случайно, какие у нее волосы?

— Божественные! — воскликнул Биго. — Я бы заплатил губернаторским постом за право быть на месте этого дикаря.

— Разрешите поймать вас на слове, мсье, если вы действительно говорите серьезно, — сказал де Пин. — Вовсе нет надобности платить такой дорогой ценой — предоставьте только мне заняться этим делом.

Франсуа Биго, последний и самый могущественный из интендантов французского короля в Новой Франции, быстро сделал несколько шагов вперед и вышел на тропинку, по которой скрылись Анна Сен-Дени и ее молодой возлюбленный. В его глазах загорелся страстный огонь, а на хищном лице появилось выражение, которое можно видеть на лице охотника, выжидающего добычу.

Позади него стоял де Пин и глядел через плечо интенданта; он был щегольски одет, а лицом напоминал хитрую лису. Де Пин был правой рукой Биго и самым близким к нему человеком; весь Квебек знал, что этот человек продал свою жену, прекрасную Анжелику, интенданту в обмен на милости последнего, давшие ему возможность нажиться.

А за этими двумя стоял, потирая руки над изрядным брюшком, маркиз Водрей, губернатор королевских владений в Луизиане. Это был веселый, счастливый, бесконечно гордый собой и абсолютно бессовестный человек, настоящий маленький петушок, который, казалось, вот-вот лопнет от своей напыщенности. Как это нередко случалось и раньше, Водрей сейчас откровенно сказал то, что было у него на уме:

— Как это хорошо, что здесь нет мадам де Пин, — в противном случае двойное предательство ее мужа — хе-хе-хе! — несомненно унизило бы ее!

И Водрей еще быстрее стал потирать руки, когда заметил, что затылок де Пина стал багровым. Что касается Биго, то он метнул на маркиза взгляд, полный яда.

Но почти сейчас же злобное выражение на лице Биго сменилось веселой улыбкой, и он разразился тем искренним смехом, который иногда обманывал даже самых осторожных его врагов.

— Ваше счастье, Водрей, что вы слепы к женской красоте, — шутливым тоном заметил он. — Потому-то вы в такой степени любите самого себя, и потому я хочу притащить вас из Луизианы, чтобы в будущем году сделать вас губернатором всей Канады. У меня будет уверенность, что вы никогда не станете моим соперником, ха-ха-ха! Что же до этой девушки и того дикаря, который был с ней, то я по-прежнему предлагаю губернаторский пост за первую и кое-что равноценное за голову второго.

— Должен ли я понимать, что вы командуете меня передать ваше предложение ее отцу? — спросил де Пин с лукавой усмешкой.

С лица Биго исчезла улыбка — его веселое настроение кончилось.

— Мы должны скорее вернуться и хорошенько посмеяться вместе со старым Сен-Дени над этим инцидентом, — пока девушка сама не передала ему о случившемся по-своему, — заметил он трезвым тоном. — Вы большой дурак, де Пин, если могли подумать, что она дочь какого-нибудь окрестного «мужика».

— Разрешите вам напомнить, Франсуа, что вы знали довольно много дочерей «мужиков», которые были, однако, весьма прекрасны, — ответил де Пин, подмигивая и пожимая

плечами. — Что же касается этого инцидента, свидетелем коего нам случилось быть, то я готов смотреть на это как на счастливый случай. Здесь кроется безграничный источник, если разрешите мне так выразиться, для романа.

Биго ничего не ответил, и все трое молча повернули к лесу Гронден и замку барона Сен-Дени.

Через несколько минут из леса показалась фигура человека, который, весело насвистывая, шел им навстречу.

— Опять этот осел, Пьер Ганьон, который повсюду сует свой нос! — заметил де Пин с брезгливой гримасой. — И вечно насвистывает одно и то же. Чем больше его оскорбляют, тем больше проникается он уверенностью, что его любят. Я никак не могу понять, почему все девушки Квебека с ума сходят по нему? Уж не потому ли, что они знают, что он не может им причинить какого-либо вреда.

Биго кивнул головой в знак того, что по достоинству оценил сарказм своего друга. Водрей, который шагал с шумом втягивая в себя воздух, сделал вид, будто ничего не слышит. Но, несмотря на то, что внешне он ничем не выдавал своих мыслей, его мозг работал с лихорадочной быстротой и при этом с изумительной ясностью, и только в глазах маркиза загорелся алчный огонек.

Анна Сен-Дени дожидалась Дэвида Рока на опушке леса Гронден среди великолепных гигантских дубов.

Она уже успела снова заплести свои косы, и ее лицо горело отчасти от быстрого бега, отчасти под действием обуревавшего ее гнева, оскорбленной гордости и стыда. Но когда она заметила, что ее возлюбленный настолько же спокоен и холоден, насколько она взволнованна, она протянула ему обе руки, взяла у него цветы и сделала попытку расхохотаться.

— О, я вела себя как трусиха! — воскликнула она. — Но, право, я не могла дожидаться тебя, Дэвид, стоя там с распущенными волосами.

— Кто они такие? — только спросил Дэвид Рок.

Анна повернулась, прижимая к себе охапку цветов, и стала прислушиваться к новым странным звукам, которые неслись с другого конца леса Гронден. До них смутно доносились громкие голоса, веселый смех и необычайный шум топоров; на лице юноши застыло еще более суровое и напряженное выражение.

— Очевидно, уже прибыл интендант со своей свитой, — заметила Анна как бы в ответ на его мысли. — Странно, никто не ожидал их раньше завтрашнего утра! Этот смуглый широкоплечий мужчина был мсье Биго, а тот, что извинялся передо мной — Гюго де Пин. Я их обоих видела в Квебеке. Но кто такой третий, я понятия не имею. О, как я их ненавижу!

Она еще раз взглянула на тропинку, по которой они бежали от взоров любопытных, а затем быстро подошла к Дэвиду и, протягивая ему для поцелуя губы, сказала:

— Я должна спешить! Мой бедный папочка, наверное, в панике от нагрянувших неожиданно гостей. И я ему очень нужна. Ведь надо распорядиться на кухне и накормить всю эту ораву. К тому же я должна поправить волосы и переодеться, чтобы быть в состоянии выйти навстречу этим людям. Спокойной ночи!

Дэвид Рок дважды поцеловал ее, а потом долго стоял и глядел ей вслед, пока она не махнула рукой в последний раз на прощание и не исчезла за лесом Гронден. На сердце у юноши застыла какая-то странная, непонятная тоска и не оставляла его ни на минуту.

Молодой человек сделал только несколько шагов по направлению к своему дому, но вдруг остановился под влиянием какой-то мысли и, снова повернувшись к замку Гронден, стал прислушиваться к смутно доносившимся оттуда звукам. А когда он опять пустился по тропинке

через лес, его лицо горело от уязвленной гордости и унижения, и он всеми силами старался побороть грусть, охватившую все его существо.

Проходя мимо мельницы, принадлежавшей сеньории Сен-Дени, он подумал, что это строение фактически было первым предметом, запечатлевшимся в его уме, когда он был ребенком. Эта мельница, которую он запомнил еще раньше, чем стал узнавать свою мать, была построена сеньором Гронденом в 1690 году, еще задолго до появления сеньора Сен-Дени, и дата ее постройки была высечена на каменной плите, висевшей над узкой дверью. Мельница имела форму круглой башни футов двадцати в диаметре и футов семидесяти в высоту и была сложена из плоских плитняков, так что фактически она обладала такой же крепостью, как если бы она была высечена из одного сплошного камня.

Старый сеньор Гронден сделал в ней достаточно бойниц на случай нападения индейцев, но однажды утром, когда он отправился в лес пострелять тетеревов, могавки великолепношим образом оскальпировали его, перерезали всю его семью и унесли его ружье вместе с охотничьей сумкой.

Эта старая мельница потому еще так дорога была Дэвиду Року, что здесь он впервые стал играть с Анной Сен-Дени. Но сейчас, когда он проходил мимо двери, которая вела внутрь, он заметил, что в огромной печи пылает огонь. Двое негров, кожа которых лоснилась и блестела при свете огня, кидали время от времени в топку смолистые поленья. В скором времени печь накалится настолько, что в нее можно будет сажать огромные двадцатифунтовые хлеба.

Дэвид вдруг подумал, что никогда еще до сих пор он не видел, чтобы в этой огромной печи ночью пекли хлеб. Но он сейчас же ответил себе, что в замке Гронден происходило сейчас много такого, чего он не видел раньше. Оттуда то и дело доносились смех, веселые песни и гулкие удары топора. Около дюжины костров ярко пылали в вечерних сумерках, и один из них был таких размеров, словно горела целая хижина. Вокруг огня двигались во все стороны люди.

Юноше незачем было особенно вглядываться в человеческие фигуры, чтобы отличить костры индейцев от костров белых. Первых было семь, вторых — пять, и вокруг огня расположилось по крайней мере человек пятьдесят, не считая тех, которые могли еще находиться за соснами у реки. Глаза испытанного охотника тотчас же различили двадцать человек индейских бойцов (очевидно, племен оттава или гуронов, решил он) и приблизительно столько же солдат.

Кроме этих людей, было еще человек двадцать, и достаточно было взглянуть на их одежду и сабли, чтобы узнать в них офицеров-джентльменов, сопровождавших интенданта по дороге в Монреаль.

Внезапно Дэвид расслышал какой-то странный звук, словно кудахтанье курицы. Маленький старый мельник Фонблэ показался в дверях мельницы, точно белое привидение. Он был покрыт густым слоем белой муки и, быстро потирая руки, издавал язвительные смешки.

— Чудная компания, не правда ли, паренек? — воскликнул он. — Все храбрые люди, и голодные к тому же. До того голодные, что они прогуливаются, чтобы время скорее прошло. Сегодня должен был прибыть гонец, чтобы предупредить об их приходе, но он не явился. Очевидно, либо заблудился, либо его оскальпировали по дороге. И вдруг нагрянуло восемьдесят человек, и интендант приказывает приготовить к завтрашнему дню двадцать бушелей крупы и муки! Хоть стой тут да лови каждое дуновение ветерка! А ветер, как на зло, сегодня слабый.

— Восемьдесят человек! — повторил Дэвид. — Да, нелегко накормить такую ораву. Мадемуазель Сен-Дени говорила мне, что они ожидают человек сорок, не больше.

Мельник сделал лукавую гримасу.

— Там у реки они весело проводят время. Видел, какой костер? Там жарят целиком быка, которого сеньор зарезал сегодня утром в ожидании гостей. А я послал полных пять бушелей

крупы и муки. Так что все это, вместе с картошкой, капустой и свеклой, должно дать им возможность набить себе брюхо до самого отъезда. Но для важных господ это не годится. Для джентльменов из Квебека нужна, видите ли, дичь, нежное жаркое, пирожное и все такое прочее. Уж сегодня, видно, не придется поспать, ибо интендант приказал также приготовить сто хлебов, и надо тебе знать, что гораздо безопаснее издалека потянуть короля за нос, чем не исполнить приказание интенданта.

Дэвид Рок беспечно расхохотался.

— А я бы сказал, что он кажется мне безобиднее многих из тех, с кем приходилось сталкиваться в лесу. И будь я на вашем месте, отец Фонблэ, и мне пришлось бы всю ночь молотить для них муку и печь хлеб, то я кой-чего подсыпал бы туда, ха-ха-ха! А скажите, — продолжал юноша, переходя на деловой тон, — что означает, приказ приготовить муки, хлеба и крупы? Очевидно, они завтра же намерены продолжать путь?

— Очевидно, — ответил старый мельник. — В противном случае я не вижу, зачем бы заставлять меня работать всю ночь напролет.

Внезапно старик указал на свет в окошке Анны и снова захихикал смешком, походившим на кудахтанье курицы.

— Посмотри-ка на нее, паренек! — воскликнул он. — Посмотри-ка на нее сейчас, когда на ней все это золото, серебро и кружева! И все это общество галантных джентльменов! Она красивее кого-либо из всех, кто до сих пор заглядывал к нам из Квебека. И помни, сынок, что на нее будут бросать взоры не только молодые, но и кое-кто постарше. Я бы надолго не спускал с нее глаз, Дэвид, ибо сама красotka Помпадур была бы предана забвению, случись королю Луи увидеть нашу прелестную Анну. А между тем ее место здесь, возле этой старой мельницы, среди цветов, песен и птиц. Так что ты, паренек, смотри не дремли!

Дэвид слушал старого мельника и чувствовал, что в душе у него поднимается буря. В его мозгу пронеслась мысль, что он нисколько не хуже этих господ, расположившихся на зеленой траве, что ни одной из женщин их круга не уступит его трудолюбивая мать что ни один человек не может померяться в смелости и храбрости с Черным Охотником, его учителем и воспитателем. Весь мир принадлежал ему, тогда как этим людям принадлежал лишь один город, который опять-таки защищал он и другие, ему подобные, обитатели лесов.

Сердце Дэвида бешено билось под влиянием этих мыслей. О, как бы ему хотелось сейчас встретиться с этим самым де Пином! Прежний юноша исчез, и на его месте появился мужчина, который готов был вступить в поединок с кем угодно.

Обуреваемый этими мыслями, он уже не пытался больше скрываться, а, наоборот, вышел открыто под освещенные окна замка и направился вдоль берега реки.

Молодой охотник прошел мимо трех офицеров, которые весьма недружелюбно оглядели его с ног до головы. Вскоре он почти лицом к лицу столкнулся с другой группой из четырех офицеров, и те резко остановились. У одного из них были седые усы и жесткие холодные глаза, и как раз его Дэвид слегка задел дулом своего ружья.

— Черт возьми! — воскликнул он. — Кто вы такой и что вы тут делаете? Зачем вы пришли сюда?

— Меня зовут Дэвид Рок, и я живу в этой сеньории. Я прогуливаюсь так же, как и вы, — ответил молодой человек так же резко и спокойно пошел дальше.

— Разрешите, господин полковник, пощекотать его острием моего клинка, чтобы посмотреть, как быстро он умеет бегать? — донеслось до слуха Дэвида.

Но, очевидно, никто не последовал за ним, и вскоре он дошел до берега реки, чувствуя, что кровь так и кипит в его жилах. Он несколько успокоился, когда приблизился к тому месту, где солдаты жарили быка на вертеле. Здесь царили дружба и веселье, ибо каждый был сам себе

поваром и слугой, каждый охотно делал свою долю работы для общего блага.

Юноша заметил, что солдаты измучены, а равно и индейцы, которые собирались вокруг своих костров, в некотором отдалении от белых. Дэвид медленно шел вперед, хотя его все больше и больше охватывало желание остаться среди этих людей, которые так близки были ему по духу. Но внезапно ему пришло в голову, что мать будет обеспокоена его долгим отсутствием, и он пустился напрямиком к замку, чтобы оттуда повернуть домой.

И опять-таки он не стал скрываться, а пошел совершенно открыто, держа путь мимо пруда, расположенного возле замка, в котором накоплась вода из холодного ключа, бывшего из-под земли. Растянувшись на земле, Дэвид Рок приложился губами к ледяной воде и стал жадно пить. Винтовку свою он положил на плоский камень возле себя. Когда он поднялся и рукой вытер рот, он вдруг заметил, что шагах в шести от него стоит та же компания, которая повстречалась ему раньше, и на него в упор смотрит тот же офицер с седыми усами и холодными глазами, который остановил его незадолго до этого.

— Это — тот самый мошенник, который оскорбил вас раньше, господин полковник, — услышал Дэвид голос юнца, предложившего «пощекотать» его острием клинка.

— Он не только мошенник, — донесся до Дэвида голос, который вызвал трепет во всем его теле.

Круто повернувшись, он увидел около себя Гюго де Пина вместе с Биго и Водреем, а позади них различил изумленное и испуганное лицо своего друга Пьера Ганьона.

— Он не только мошенник, — повторил де Пин и, сделав шаг вперед, низко поклонился Дэвиду, не скрывая насмешки. — Обратите внимание, мсье, что он очень красив, и вы можете только пожалеть, что пропустили зрелище, которое мы имели честь лицезреть сегодня вечером.

С этими словами де Пин приблизился к Дэвиду и даже притронулся слегка к его рукаву, а глаза его, горевшие огнем, обещали окружающим веселую забаву.

— Обратите на него внимание, мсье! — снова сказал он. — Он не дикарь, хотя его волосы давно уже не стрижены и по лицу течет вода. И он далеко не так глуп, каким кажется вам, друзья мои. Надо вам знать, что он возлюбленный одной дамы, имя которой поразит вас. Да, да, вот это и есть предмет ее страсти, и еще совсем недавно мы застали в его объятиях в этой чаще леса, куда не могут проникнуть взоры, самую прелестную...

Никакие силы не могли бы заставить Дэвида дольше сдерживать себя. С быстротой молнии он повернулся, одним движением рук схватил де Пина поперек спины, и раньше, чем кто-либо успел произнести слово или хотя бы шевельнуться, его могучие руки подняли в воздух прихвостня интенданта и швырнули в середину холодного пруда.

Биго первый бросился вперед, слишком поздно намереваясь предотвратить случившееся. И опять-таки раньше, чем кто-либо успел остановить его, Дэвид Рок, пылавший яростью, схватил интенданта и швырнул его в пруд вслед за де Пином, который фыркал и отряхивался, пытаясь стать на ноги.

Крик ужаса вырвался из груди присутствующих, и громче всех звучал голос Пьера Ганьона. В то же мгновение с полдюжины людей накинулись на Дэвида, но тот и не думал даже защищаться или сопротивляться. Ему было достаточно сознания, что он рассчитался с де Пином и Биго, и чувство бешеного ликования выгнало из его ума всякую мысль о борьбе с людьми, против которых он не питал никакой злобы.

Он только сознавал, что несколько человек держат его за руки, что кто-то приставил острый клинок к его груди, что ему крепко стянули руки ремнем за спиной. Он слышал пыхтение и фыркание Биго и де Пина, которым друзья помогали выбраться из пруда.

А потом послышался голос, который не раз уже вселял смертельный страх в сердца людей, и этот голос произнес:

— Отведите его в дом и прикажите сеньору Сен-Дени дать ему сто ударов плетью по голой спине. А вы, полковник Арно, позаботьтесь, чтобы мой приказ был выполнен. И все, кому будет угодно, могут полюбоваться этим зрелищем.

Но даже этот голос и страшный приговор не испугали Дэвида, находившегося во власти удовлетворенного чувства мести. Он готов был заплатить жизнью, чтобы закрыть рот этому негодяю де Пину, осмелившемуся так насмешливо отзываться об его Анне!

Сто ударов плетью!

Целая гурьба разъяренных людей, гремя саблями, вела его через лужайку по направлению к замку.

Сто ударов плетью!

Мало-помалу эта мысль стала проникать в голову Дэвида Рока. Сто ударов плетью... И люди будут смотреть на него... Сто ударов плетью по обнаженной спине...

Он смутно различал лицо своего друга Пьера Ганьона. Обычно круглое и румяное лицо последнего было такого же цвета, как белая пелена муки на плечах маленького старого мельника.

И мало-помалу Дэвид стал испытывать холодный трепет, ужас перед чем-то страшным, надвигавшимся на него.

Его вели, очевидно, напрямик в большую залу замка... Анна увидит его там... Она узнает и услышит приговор... Он не должен обнаруживать ни страха, ни раскаяния...

Лицо Дэвида казалось мертвенно-бледным при свете свечей. Но он шел, держа высоко голову и глядя прямо перед собой.

Грохот оружия и топот тяжелых башмаков наполнил огромную залу, в которой стояли освещенные свечами столы, приготовленные для гостей. И в ту же минуту послышался холодный, полный ярости голос полковника Арно, приказывавшего слугам позвать сеньора Сен-Дени. Почти тотчас же в залу стали стекаться любопытные.

Высоко подняв голову, не оглядываясь ни вправо, ни влево, Дэвид стоял, чувствуя, как быстро собирается вокруг него жадная до зрелищ толпа. Десятки глаз жгли ему затылок. Он слышал дыхание людей, их перешептывания, и в ушах у него раздавалось гулкое биение собственного сердца, а по всему телу пробегал то холодный трепет, то горячая волна.

Никто из людей, глядевших на него, не мог бы сказать, что он обнаружил в лице Дэвида Рока страх. Но при тусклом свете свечей его лицо казалось совершенно бескровным, оно словно посерело и приняло цвет камня. Своим стоицизмом он напоминал индейца, готового принять все пытки. И он вполне мог бы сойти за индейца, если бы не его светлые волосы и белый цвет лица.

Но в голове Дэвида копошились тревожные мысли, перегоняя одна другую, и с неумолимой жестокостью вставала в мозгу одна и та же фраза: «Сто ударов плетью...» Сто ударов плетью... Сто ударов плетью по обнаженной спине... И люди будут смотреть на экзекуцию!

И вдруг он заметил перед собой Анну Сен-Дени и ее отца, стоявших в широкой двери, которая вела в комнату барона.

Перед ним стояла не прежняя Анна, не та Анна, которую он недавно лишь держал в своих объятиях.

Эта Анна была значительно старше и в то же время еще прекраснее в своем платье, с замысловатой прической.

Нет, там в дверях стояла не его Анна, а совершенно другая, совсем новая. Она преобразила себя для этих людей из большого города, и когда он понесет наказание — сто ударов плетью! — тогда она займет свое должное место среди этих джентльменов.

Эта ужасная мысль целиком захватила его мозг и душу и тело, и когда он встретился

взглядом с Анной, той показалось, что он даже не узнает ее.

Смутно в голове юноши отдавался неумолимый, жестоко-холодный голос полковника Арно, говорившего старому барону о двойном проступке, совершенном в замке Сен-Дени. Он видел, что в глазах Анны выразилось изумление, а ужас потряс ее до такой степени, что лицо ее потеряло всякую краску. Она была не в состоянии шевельнуться.

Так же смутно, словно это происходило где-то далеко, Дэвид Рок снова услышал свой приговор: сто ударов плетью по обнаженной спине. И тогда он увидел, что Анна зашаталась, словно от сильного удара, и лицо ее исказилось от боли; казалось, что она хочет что-то крикнуть, но слова не выходят из ее горла.

В продолжение всего этого времени он продолжал смотреть на нее тем же странным, бесчувственным взглядом, словно перед ним стоял совершенно чужой ему человек. И ему действительно казалось, что та Анна, которая стоит в дверях вместе с отцом, не имеет ничего общего с его возлюбленной.

Но другие присутствующие видели совсем иное. Через дверь, которая вела наружу, показались Биго и де Пин, оба взъерошенные и в мокрой одежде, с которой текли струйки холодной воды, а следом за ними быстро семенил маркиз Водрей.

И последний, неслышно для других, быстро шептал на ухо Биго:

— Я говорил вам, что это безумие выносить подобный приговор, если вы надеетесь заслужить милость этой девушки. Взгляните на нее! Она белее лилии и прекраснее всех красавиц Квебека. Если вы допустите эту экзекуцию, она будет ненавидеть вас. А если вы поступите так, как я вам советую, она... вполне возможно... будет любить вас. Этот молодой дикарь долго не сможет владеть ее мыслями. Постарайтесь завоевать ее расположение. Сделайте это, и красotka, на которую вы смотрите, со временем будет принадлежать вам... А мне достанется губернаторский пост.

Таким же шепотом де Пин произнес на ухо Биго:

— Никогда еще судьба не посылала вам такой розы, Франсуа! Никогда еще вам не представлялся такой удачный случай сорвать ее!

А в это же время полковник Арно громким, отчетливым голосом повторял приговор, чтобы барон Сен-Дени не мог не услышать или не понять.

— Сто ударов плетью, барон, по обнаженной спине. И на открытом воздухе, на глазах у всех. Я возлагаю на вас ответственность за то, что преступник останется здесь до того времени, когда будет произведена экзекуция.

Пока происходила эта сцена, чьи-то руки грубо держали Дэвида Рока за плечи, но теперь кто-то легко прикоснулся к нему, и пленник услышал голос Биго.

Интендант ласково улыбался ему. В его глазах светился дружеский огонек. И что было всего удивительнее — де Пин, стоявший позади Биго, низко кланялся Дэвиду, и все его существо дышало дружеским расположением и лаской. А Водрей, стоявший рядом с ним, слегка посмеивался.

Но никто из присутствующих не заметил, что второй рукой Биго весьма выразительно сжал руку полковника Арно, и этот жест, очевидно, не остался непонятным для старого офицера.

— Мадемуазель, — начал Биго голосом, звучащим как самая нежная музыка, — я начинаю опасаться, что полковник Арно слишком далеко зашел, пожалуй, в нашей невинной шутке. Не думайте, прелестная мадемуазель Анна, что этому молодому человеку действительно грозит наказание. Мы привели его сюда таким, несколько необыкновенным образом, чтобы отдать ему почести как самому храброму юноше во всей Новой Франции.

Я и де Пин оба получили холодный душ из его рук за то, что мы позволили себе весьма неблагоприятно посмеяться над ним. Этот молодой человек показал, чего он стоит, и за это я

очень ценю его. Если только он согласится простить нам нашу неприличную шутку, то мы готовы поклясться ему в вечной дружбе начиная с этой же минуты. И если он когда-нибудь сообразит явиться в Квебек, где подобным смельчакам предоставляются огромные возможности, я позабочусь, чтобы интендант, которому он сегодня вечером устроил «крещение», принял его, как он того заслуживает. А теперь, если вы разрешите нам переодеться в сухое платье, которое мы, к счастью, захватили с собой, и если вы, дорогая мадемуазель Анна, простите нас за испуг, который мы причинили вам, то это происшествие запечатлется в моей памяти как одно из самых незабываемых в моей жизни.

Чувство ликования охватило душу Биго, когда он заметил то впечатление, которое произвели его слова на девушку. Все страсти, которые до сих пор обуревали душу этого необузданного человека, жертвы своей собственной неограниченной власти, уступили теперь место одним лишь мыслям об Анне. Ее очаровательная невинность и красота подействовали на него, как пары крепкого напитка. Водрей, умный, наблюдательный, лукавый царедворец, сумел заметить зарождение этой страсти. И, пожалуй, еще де Пин. Больше никто из присутствующих не догадывался о том, что происходит в душе интенданта.

Биго, ласково улыбаясь, продолжал смотреть в глаза Анны; он с радостью заметил, что румянец начал возвращаться к ней. Приблизившись к девушке, он склонился над ее рукой с таким же почтением, как если бы это была королева или королевская любовница, мадам Помпадур, креатурой которой (как это знала вся Новая Франция) был он сам.

— Да пошлет вам небо обоим счастье и благополучие во всем, — тихо сказал он, и эти слова, скрытый смысл которых был понятен лишь ему и Анне, вызвал в лице последней густую краску.

Она тотчас же посмотрела своими лучистыми глазами на Дэвида Рока, но последний, лишь только его освободили, повернулся и направился к двери. Люди расступались, давая ему дорогу, и кто-то подал ему его длинную винтовку. Дэвид ни разу не оглянулся и, очевидно, не слышал, как его окликнули, и не знал, что его имя сорвалось с губ Анны.

Дэвид Рок вышел наружу и снова очутился в своей стихии.

Мысли бурным потоком кружились в голове юноши, когда он стоял возле замка и глядел на окна, залитые светом множества свечей. В душе своей он торжествовал: он защитил имя Анны и выказал свое презрение к этому «высшему свету»! Эта мысль в настоящую минуту гнала прочь все остальные.

Но вскоре более мрачные думы овладели им. Его, как барана, толкали в спину на глазах любимой девушки! Ему связали руки за спиной! У него отняли его ружье и пригрозили ста ударами плетью!.. И только Биго спас его от этого унижения... Биго, который склонился над рукой Анны и поднес ее к своим губам. Юноша успел заметить, каким радостным огнем загорелись глаза девушки.

Дэвид Рок задумчиво двинулся в путь и в скором времени снова очутился возле двери, которая вела на мельницу. При свете пламени, пылавшего в огромной печи, он увидел старого мельника, и тот еще больше, чем когда-либо, напомнил ему привидение.

— Ну, что, ты видел его, Дэвид? И всех этих важных господ нашей несчастной страны? — тотчас же начал старый мельник. — Ты видел Биго, не правда ли? Этого великого интенданта, мастера любовных дел, любимца короля и протеже Помпадур?

— Да, я видел его, — ответил Дэвид Рок. — Я стоял рядом с ним, и он держал руку на моем плече.

— Вот как! Черт возьми, Дэвид Рок, вот что значит иметь возлюбленной такую девушку, как Анна Сен-Дени! Ты должен знать, что пальцы Биго привыкли касаться лишь шелка и

бархата, и если он прикоснулся к тебе, то это было только ради Анны.

— Я тоже так думаю, — согласился с ним Дэвид Рок, чувствуя, что кровь стынет у него в жилах.

— И какого мнения Биго о нашей Анне? — настаивал на своем Фонблэ.

— Он находит ее прекрасной.

— Ну конечно, конечно! — закивал головой старый мельник. И вдруг он совершенно затих и больше не произнес ни одного слова.

Простояв еще некоторое время в полном безмолвии, Дэвид Рок пожелал ему доброй ночи и ушел.

Старый мельник долго смотрел ему вслед и, качая головой, бормотал с сомнением в голосе:

— Да, да, Дэвид, она прекрасна, слишком прекрасна для тебя. И я готов биться об заклад, что по этой самой причине Биго и часть его важной свиты останетса здесь и не последует за остальными! Заметь себе это, мой мальчик, и посмотрим, прав ли старый Фонблэ.

Да, да, Дэвид, — снова произнес он, когда последний уже скрылся из виду, — я бы с радостью пожертвовал этими двумя никому не нужными руками, чтобы только Анна могла поменяться наружностью с какой-нибудь девчонкой со вздернутым носиком и в веснушках. Вы оба выросли у меня на глазах, и если я вас потеряю, мое старое сердце будет разбито.

Но Дэвид Рок не слышал этого. Когда он оглянулся, то увидел лишь, что старый мельник по-прежнему стоит у входа на мельницу на опушке леса Гронден. И только он хотел было углубиться в лес, как увидел фигуру человека, перебежавшего от дерева к дереву. А когда незнакомец приблизился к мельнице, старик Фонблэ отошел от двери и пошел ему навстречу.

Юноша все еще стоял и смотрел, и в это время человек расстался со старым мельником и пустился по тропе по направлению к нему; в скором времени Дэвид узнал в запыхавшемся незнакомце своего лучшего друга (после Черного Охотника) Пьера Ганьона, титулованный отец которого правил соседней сеньорией.

Он страшно обрадовался его появлению и еле сдержал крик радости, чуть не сорвавшийся с его уст. Он очень любил Пьера Ганьона, «Пьера-пышку», как называла Анна этого веселого молодого человека с розовым лицом.

Дэвид Рок продолжал стоять неподвижно и только в последний момент, когда Пьер Ганьон уже собирался нырнуть во мрак леса, он открылся ему. Его молодой друг облегченно вздохнул.

— Черт возьми, как я рад! — воскликнул он. — Мне уже начало казаться, что все красные дьяволы, которые обитают в этом лесу, скоро будут мчаться по моим пятам! Хорошо еще, что мне не пришлось бежать за тобой до самого твоего дома.

— Это было бы гораздо легче сделать утром, — ответил Дэвид Рок.

— Хорошо тебе говорить! — воскликнул тот. — Анна Сен-Дени грозила мне смертью и гибелью души моей, если я не найду тебя сегодня же.

Сердце юноши затрепетало от радости.

— Она просила тебя разыскать меня?

— Нет, она не просила. Она приказала мне разыскать тебя и сказала, что если я не выполню приказания, то она постарается, чтобы меня возненавидели все красивые девушки в Квебеке. Вот видишь, как она интересуется тобой!

Когда ты с таким важным видом вышел, — продолжал Пьер Ганьон, — словно каждый из присутствующих в зале был твоим личным врагом, Анна тотчас же подала мне сигнал; нам удалось отлучиться на несколько минут, и тогда я подробно рассказал ей о случившемся. Надо было бы тебе видеть, Дэвид, как сверкали ее глаза и как она порывисто дышала, пока я рассказывал. А потом она заставила меня обещать, что я найду тебя и передам, что она еще более гордится тобой, чем когда-либо раньше. И она хочет знать почему ты вышел, не обратив

на нее ни малейшего внимания, когда она назвала тебя по имени?

— Наверное, она шепотом произнесла мое имя, — ответил Дэвид Рок, пытаясь всеми силами совладать с собой, так велико было его возбуждение под влиянием этой чудесной вести.

— Вовсе не шепотом, — горячо ответил Пьер Ганьон. — Я, например, ясно расслышал, а равно слышали ее и, все остальные.

— В таком случае она произнесла его не тогда, когда я стоял лицом к ней, и не тогда, когда интендант целовал ее руку, — пробормотал Дэвид. — Хотя она великолепно могла бы успеть это сделать именно тогда.

— Но ты понимаешь, что она лишилась способности говорить в эту минуту — как и все остальные, как и я, между прочим. Я никогда еще в жизни не переживал такого испуга. Когда полковник Арно повторил приказ дать тебе сто ударов плетью, я почувствовал, что холодный пот льется у меня по спине. А заметил ты выражение лица старого сеньора Сен-Дени? Оно все исказилось, как у смертельно больного человека. Что же касается Анны, то я в жизни не видел такого бескровного лица. Мы все уже рисовали себе, как тебя выводят во двор, обнажают спину и начинают хлестать по голому телу! И подумай только, — закончил Пьер, — что все закончилось чудесно после того страха, что мы пережили.

— Я не вижу в этом ничего чудесного, — холодно ответил Дэвид Рок. — Не понимаю, почему человек должен радоваться тому, что он унес целой свою шкуру, которая должна была оставаться вечером такой же, какой она была днем!

Пьер глядел на него, раскрыв рот от изумления.

— Неужели ты хочешь сказать, что не воспользуешься дружбой, которую предложил тебе интендант? — спросил он.

— О какой дружбе ты говоришь?

Пальцы Пьера Ганьона крепко обвили руку Дэвида.

— Ты, кажется, с ума сошел! — воскликнул он. — Неудивительно, что ты не слышал, как Анна окликнула тебя. Неужели ты хочешь сказать, будто не слышал, как Биго предлагал тебе свою дружбу и покровительство, если ты когда-нибудь отправишься в Квебек?

— Ты ошибаешься, я это слышал. Но я вовсе не намерен ехать в Квебек.

— В таком случае ты безнадежный человек! Когда интендант Новой Франции извиняется перед тобой и вместе с извинением дает такое обещание, то это надо считать за редкое счастье. Стоит ему сказать одно слово, и ты станешь ближайшим человеком к королю. Как бы порочен ни был Биго, но если он что-нибудь обещает, то сдержит слово — во всяком случае, поскольку это касается обещания такого сорта. Это тебе всякий подтвердит. Я наблюдал за ним, когда он смотрел тебе вслед, и я слышал, как он говорил Анне, что во всем Квебеке не найдется более красивого офицера, — если только ты примешь его приглашение и приедешь туда. Его приглашение, понимаешь ты это?! И надо бы тебе видеть, как выглядела в эту минуту Анна.

В течение нескольких секунд Дэвид Рок молча стоял и играл магазинной коробкой своего ружья.

— Мне ровно ничего не нужно в Квебеке, — сказал он наконец.

— В Квебеке — богатство и слава и... Анна! — горячо возразил Пьер.

Дэвид Рок все еще молчал, и только пальцы его нервно сжимали ружье. Пьер Ганьон продолжал усовещивать его.

— И в Квебеке ты найдешь столько прелестных девушек, что в глазах начнет рябить, если начнешь следовать за ними.

В голосе Пьера было столько самодовольства и радости, когда он произносил эти слова, что Дэвид Рок не мог сдержать улыбки.

— Мне так кажется, что ты готов был бы жениться на всех красивых девушках в мире, если

бы только тебе позволили. Ты, очевидно, любишь всех сразу.

— Всех до одной! — согласился с ним Пьер.

— И по-твоему Анна хотела бы, чтобы я оставил леса и отправился в Квебек?

— Я убежден в этом. Анна любит больше город, и ей нравится жизнь в нем.

Дэвид Рок чуть слышно засмеялся и спокойно ответил:

— Ты глубоко ошибаешься, Пьер. Анна любит леса почти так же сильно, как и я. Пройдет еще год, и она придет сюда, чтобы навсегда остаться здесь. Она сегодня только говорила мне об этом. А помимо всего, здесь, в этих лесах, предстоит больше работы, чем в Квебеке, — работы, которую, очевидно, забывают интендант и его друзья среди пляски, забавы...

— ...богатства, славы и любви, — закончил Пьер.

— Но там не с кем воевать.

— Сколько угодно и с кем угодно из тех галантных кавалеров, среди которых вы скоро очутитесь, мсье Рок. Драться на пистолетах в двадцати шагах или же, если это тебе больше нравится, на рапирах при заходе солнца или при свете луны. И сколько угодно вешаний сможешь ты увидеть на площади, а время от времени кому-нибудь отрубают голову, и почти каждый день ты будешь хохотать, глядя на какого-нибудь мошенника, выставленного на площади в клетке. А ночью — музыка, песни и танцы во всех концах города, а если повезет, то ты будешь целовать самую красивую девушку в мире... Одним словом, там есть все, ради чего только стоит жить на свете!

— И тем не менее, — ответил Дэвид Рок, и в голосе его звучало пренебрежение, — мне нет ровно никакого дела до всего этого. Драться я хочу только в лесах, где жизнь чище, чем у вас в городе. Драться, и честно драться я предпочитаю здесь, и этого удовольствия, могу тебя уверить, хватит на всех в этом году!

— Честно драться! — презрительно повторил Пьер, вступая в спор, который никогда не прекращался между этими двумя друзьями детства. — По-твоему это называется «честно драться» — вонзить нож в спину человека или же провести острием ножа по макушке его головы и снять его скальп. Фу!

— Я не охотник за скальпами и никогда им не буду, — ответил Дэвид Рок. — Но мне кажется, что скальпирование вошло в привычку одинаково и у французов, и у англичан, и у индейцев. И до тех пор, пока губернатор в Квебеке и англичане, которые расположились вон там, сулят награды за человеческую кожу и волосы — будь то скальп мужчины, женщины или даже ребенка, — до тех пор эта привычка будет все больше и больше укореняться. Когда я вижу скальпы женщин с длинными волосами, натянутые на обручи, как мне приходилось не раз видеть в форте Вильям-Генри, у меня появляется такое ощущение, что вот-вот передо мной явится мой злейший враг.

Пьер Ганьон ласково прикоснулся к руке друга.

— Я не знаю, Дэвид, и ты прав, как и всегда. И порой, когда я слушаю тебя, у меня появляется желание надеть пару мокасинов, как и ты, и поселиться в лесу. Но если бы я когда-нибудь решился вступить в бой с индейцем, то разве только с мертвым, — ведь ты знаешь мою одышку и ожирение. Но зато я умею недурно стрелять из пистолета и потому предпочитаю жить в Квебеке, И, между прочим, я не слишком люблю индейцев.

Еще на самой заре своей любовной карьеры Пьер Ганьон успел прострелить из пистолета трех соперников в Квебеке, и так как он к тому же проделал это с веселым и беспечным видом, то весь город обожал его.

— Но, как бы то ни было, — добавил он после недолгого молчания, — я бы очень хотел видеть тебя в Квебеке, — если не ради тебя, то, во всяком случае, ради Анны.

— Ты совершенно упускаешь из виду, что англичане со своими колонистами собираются

двинуться на нас, — упрекнул его Дэвид Рок. — Ты ведь не знаешь, что индейцы племен могавков, онейдов, онандагов, кайюгов и сенеков точат свои томагавки и не спускают глаз с Канады, поощряемые призами за французские скальпы. И десятки других племен рыскают по лесам, как волки, и то тут, то там снимают скальпы с французских женщин, даже на берегах реки Ришелье! Нет, Пьер, в наших лесах нет сейчас ни одной лишней винтовки, которую можно было бы пожертвовать ради Квебека. Ни единой!

— Ни даже ради Анны?

— Что касается Анны, то она через год вернется сюда — разве только все переменится к тому времени и на том месте, где мы стоим, останется лишь след пожарища.

— Черт возьми! — вырвалось у Пьера Ганьона. — Неужели ты думаешь, что это возможно? Ведь за нами вся Франция и вся армия.

— В своем Квебеке вы слишком мало думаете и слишком мало учитесь, несмотря на все ваши школы, несмотря на обилие у вас мудрецов, — ответил ему Дэвид Рок. — Но если бы вы могли иметь таких учителей, как Черный Охотник...

— Что же он говорит?

— Что во всей Канаде найдется меньше семидесяти тысяч французов, тогда как в колониях наших врагов-англичан живет полтора миллиона человек. Сэр Вильям Джонсон только что закончил обзор индейских поселений на юге Канады, и, по его словам, там живет тридцать пять тысяч воинов, из которых двенадцать тысяч готовы во всякую минуту пуститься на охоту за французскими скальпами, тогда как на нашей стороне имеется всего лишь сорок три племени, с общим числом воинов меньше четырех тысяч.

— Все это говорит в пользу того, что я и ты должны находиться в Квебеке к тому времени, когда вся эта орава дикарей ринется сюда, — ответил невозмутимым тоном Пьер. — И все колонисты будут вовремя предупреждены и сумеют отправиться следом за нами. А после этого мы двинемся обратно во главе французской армии и погоним англичан и их друзей назад, как это случилось у Форта Необходимости, где этот пресловутый Джордж Вашингтон² недавно сдался нам, и как это случилось также у форта Дюкен.

Благодаря царившей мгле, Пьер Ганьон не мог различить Суровой усмешки на губах Дэвида Рока.

— Вот именно этого-то и не будет, Пьер, если только Черный Охотник прав, — заметил Дэвид, глядя на мельницу. — Это произойдет так же внезапно, как случилось много лет тому назад с тем человеком, который построил эту мельницу. Никто не успеет предупредить ни здесь, ни где-либо в другом месте. Огонь и томагавки быстро делают свое дело. А потому я не стану ездить в Квебек, Пьер. Не зайдешь ли ты поужинать с нами?

— Я обещал Анне, что сообщу ей, если найду тебя. И, признаюсь, я не люблю находиться ночью в лесу. Я порой спрашиваю себя, не сошел ли ты с ума со своей любовью ко всем дьявольским штукам, которые здесь проделываются. Увидимся завтра, не так ли, Дэвид? И передай привет твоей славной матушке. Прямо грех прятать такую чудную, такую прелестную женщину в этой глуши.

— Спасибо на добром слове, Пьер Спокойной ночи!

— Спокойной ночи! — ответил Пьер, и еще долго после того, как скрылся его друг, он стоял и глядел ему вслед.

А потом он медленно повернулся и пустился в обратный путь, бормоча про себя:

— Твой Черный Охотник совершенно прав, Дэвид. Но тем не менее я предпочел бы, чтобы ты был в Квебеке. В противном случае ты, пожалуй, потеряешь Анну.

Когда он дошел до опушки леса, до него донеслись звуки песни, которую напевала Анна под аккомпанемент мелодичной арфы.

Глава II. ТАЙНА ЧЕРНОГО ОХОТНИКА

Точно тень, скользил Дэвид Рок по лесу, не переставая ни на одно мгновение думать об Анне Сен-Дени и обо всем пережитом за день. В то же время все его внимание было неусыпно посвящено окружающему его лесу, а пальцы лежали на замке ружья, дуло которого смотрело вперед. К подобной осторожности приучил его Черный Охотник, который неоднократно говорил ему, что эта глушь может одинаково означать для человека и жизнь и смерть.

Дойдя до небольшой прогалины, Дэвид Рок остановился. Это место было прозвано Красной Опушкой. Здесь не было ни одного дерева, ни цветов, ни даже травы, и никогда не слышно было тут пения птиц. Индейцы говорили, что эта опушка проклята. Объяснялось это тем, что именно здесь произвели свою страшную казнь над белыми пленниками индейцы племени могавков, когда они разорили гнездо первого поселенца в этих местах — сьера Грондена.

Посреди прогалины лежали огромные валуны, и один из них мог размерами поспорить с изрядной хижинкой. На этих камнях индейцы в свое время сожгли семерых белых, а потом развешали на высоких шестах скальпы с развевающимися волосами трех прекрасных женщин.

Не было ни одного индейца, который не верил бы, что в этом месте водятся духи. В этом у них не было никакого сомнения, судя по всем признакам, и они всегда старались держаться подальше от Красной Опушки. Во время грозы раскаты грома особенно оглушительно раздавались здесь, особенно ярко сверкала молния. А ночью даже при свете полной луны нельзя было видеть своей собственной руки, поднесенной к глазам, или даже фонаря шагах в десяти от себя, — так, по крайней мере, передавали друг другу индейцы, жившие вдоль реки Ришелье.

Но Дэвид Рок в эту минуту не думал ни о привидениях, ни о жертвах индейской воинственности. Он старался рассчитать, сколько времени осталось до восхода луны. Горя желанием скорее присоединиться к своей матери, он ускорил шаг.

Через несколько минут он вынырнул из леса на другую прогалину, много больше Красной Опушки. Здесь было полных двенадцать акров земли, и каждый фут этой земли Дэвид Рок сам возделал и засеял кукурузой с помощью старого индейца племени делаваров по имени Козебой, который был его «няней» чуть не с первого дня его рождения. Вместе с индейцем жила его дочь Теренсера, что по-индейски означает «начало дня».

Теперь вся прогалина колосилась спелой кукурузой, а там, где поле кончалось, среди группы лип и вековых дубов мерцал небольшой огонек.

Эта была хижина, в которой жил со своей дочерью индеец Козебой, а несколько поодаль стоял более крупный и ярче освещенный коттедж, в котором обитал Дэвид Рок со своей матерью. Юноша остановился, зная, что где-нибудь поблизости старый делавар дожидается его возвращения. Иногда Дэвид задавал себе вопрос, спит ли вообще когда-нибудь этот старый индеец, который, казалось, ни на одну секунду не спускает глаз со своего питомца.

Выйдя из лесу, юноша дал сигнал — трель соловья, и через несколько секунд перед ним, словно по мановению волшебного жезла, выросла фигура индейца.

Козебой был уже не молод, хотя по-прежнему высок, строен и худощав, а голову он держал как подобает воину. За поясом у него торчали топорик и нож, с которым он не расставался в течение всей своей жизни. В одной руке он держал ружье.

Обменявшись несколькими словами с индейцем на языке делаваров, Дэвид Рок поспешил к своему коттеджу. Последний, в отличие от индейских хижин, был сложен из камней, и между камнями, а также в тяжелых дубовых ставнях виднелись бойницы, устроенные на случай нападения.

Когда юноша приблизился к домику, до его слуха донеслись звуки песни. Миссис Рок была еще довольно молода, и, благодаря высокому росту и стройному сложению, она и сейчас еще выглядела девушкой, тем более что ее волосы, заплетенные в косы и уложенные на макушке, были черны как смоль.

Когда молодой охотник поставил свое ружье в угол комнаты, Мэри Рок быстро поднялась с медвежьей шкуры на полу, на которую она опустилась, чтобы поправить огонь в камине.

— Прости, мама, за такое опоздание, — сказал юноша. — Это все Анна виновата.

— Ну конечно, — с шутливой укоризной ответила Мэри Рок. — Жареные голуби, которые я приготовила тебе к ужину, совершенно пересохли, а картошка превратилась в пепел.

— Но, тем не менее, я вижу, у тебя хорошее настроение, мама. Я слышал, как ты пела песню Черного Охотника.

Юноша приготовился мыться и не заметил продолжительного молчания матери.

— Почему тебе вдруг пришел в голову Черный Охотник, сынок? — спросила та.

— Я никогда не перестаю думать о нем, — ответил Дэвид Рок, опуская лицо в таз с холодной ключевой водой.

Вскоре мать и сын сидели за столом, на котором стояло блюдо с жареными голубями, черный хлеб и пудинг из муки, липового сиропа и разных плодов.

Молодой человек ел и рассказывал матери обо всем, что произошло с ним за день. Когда он передал ей все подробности, он вдруг заметил при свете наполовину выгоревшей свечи какое-то особенное выражение на лице матери.

— Мама, — сказал он, — что такое случилось с тобой? У тебя какая-то неожиданная радость, — в чем дело?

— Я всегда рада, когда ты возвращаешься домой, Дэвид, — ответила Мэри Рок.

— Но сегодня... Ты так напоминаешь мне сейчас Анну, когда та была со мною в чаще сумах. И я думал... Я всегда думаю об этом... Я хотел бы знать...

— Что именно, Дэвид?

— Ты всегда выглядишь счастливой, когда приходит Черный Охотник, — продолжал юноша после некоторого колебания. — Я тоже счастлив, когда он приходит, но сегодня Анна расспрашивала меня о нем, и пора бы мне ответить ей на ее вопросы.

— Он наш друг, Дэвид. И твой и мой. Он очень любит тебя.

— Да, я знаю. Но почему он наш друг? — настаивал юноша. — И почему такая таинственная дружба? Почему он так неожиданно приходит и уходит, и никто, кроме нас, никогда не видел его лица? Почему никто не знает его другого имени, а только Черный Охотник? Если он так любит нас, как ты говоришь, почему мы не можем знать его имени?

— Я знаю его имя, Дэвид, и я тебе не раз говорила, что я храню это имя в секрете, потому что Черный Охотник этого хочет.

— И есть какая-нибудь особая причина для того, чтобы хранить это имя в секрете?

Мэри Рок утвердительно кивнула головой.

— Анна дрожит, когда я говорю с ней о Черном Охотнике, — снова продолжал молодой человек. — Она просила меня сегодня подарить ей мой пороховой рог, и я отдал его ей. Я пытался заставить ее думать о Черном Охотнике так, как мы думаем о нем, но мне это не удалось. Она боится его. Завтра она, наверное, будет у нас, и я хотел бы, чтобы ты поговорила с ней о Черном Охотнике и ответила на некоторые вопросы, которые она задавала мне. Ты это сделаешь, мама?

— Хорошо, Дэвид, я это сделаю, — ответила Мэри Рок. — Он разрешил мне это сделать.

Внезапно молодой человек пристально уставился на свою мать. Он только сейчас заметил, как она одета.

— Какой я слепой и какой я глупый! — сказал он, обнимая ее и поворачивая к свету. — Как это я мог не заметить, что ты надела то платье, что было на тебе однажды на балу у барона? И ты напевала песню Черного Охотника, когда я открыл дверь. А в углу стоит ружье, которое не принадлежит ни мне, ни Козебою. Это ружье совершенно черное, а потому я его не заметил. Мама, Черный Охотник здесь?

— Да, Дэвид, он здесь. Он явился вечером, когда ты ушел с Анной Сен-Дени. И я сегодня расскажу тебе про Черного Охотника, чтобы ты завтра мог сам поведать обо всем твоей Анне.

Мэри Рок опустила голову и погрузилась в раздумье.

— Много лет тому назад я познакомилась с твоим отцом, Дэвид, — начала она, заглядывая в далекое прошлое. — Он был англичанин из Луизбурга, но, несмотря на вражду, которая давно уже существовала и тогда между французами и англичанами, я бежала с ним в колонии, и там мы поженились. Все это ты, конечно, знаешь, Дэвид, равно как и то, что я ради него стала англичанкой и вместе с ним бродила от одной границы к другой, пока твой отец не поселился наконец в прекрасной долине Хуанита в Пенсильвании.

И там ты увидел жизнь, Дэвид. Только одна семья белых была с нами, и мы жили счастливо и процветали и очень подружились с окружающими индейцами. Вторая семья, тоже английская, состояла из Питера Джоэля, его жены Бетси, которую я любила, как родную сестру, их двух девочек и сына, который родился на одной неделе с тобой.

Слезы задрожали на ресницах Мэри Рок, и ее сын обратил внимание, что она и не подумала вытереть глаза.

— Питер Джоэль обожал свою жену и детей. Они представляли собой прелестную картину, и я уверена, что я старалась быть примерной женой благодаря благотворному влиянию Бетси Джоэль. Она была лишь немногим старше меня, но в то же время она была почти матерью для меня, а также любящей сестрой и чудесным другом. А Питер Джоэль... Питер... вот это и есть тот человек, которого ты сейчас знаешь под именем Черного Охотника.

Она сделала маленькую паузу и пристально посмотрела на сына, не спускавшего с нее глаз.

— А потом наступила страшная ночь... — Мэри Рок вздрогнула всем телом, несмотря на теплый воздух ночи. — До сих пор я всегда немного лгала тебе, Дэвид. Я полагала, что лучше будет для тебя, если ты будешь думать, что тот страшный сон, который так часто грезится тебе, всего лишь сон, а не событие, действительно случившееся и настолько запечатлевшееся в твоём детском мозгу, что оно то и дело приходит тебе на память во сне.

Стояла темная-темная ночь, и тебе было всего лишь четыре года, когда на нас напала банда озверелых гуронов. Они возвращались с пустыми руками после неудачного набега на индейцев-сенеков, и никакие силы в мире не могли бы остановить их.

Твой отец как раз лежал больной, а Питер Джоэль находился в двух верстах от дома, где при ярком свете луны охотился на оленей. Я не могу точно отдать себе отчета, как это все произошло, но знаю только, что вдруг увидела твоего отца убитым в постели, и едва я стала соображать, что случилось, все наши строения были уже охвачены огнем. Никогда в жизни не забуду я того, что произошло снаружи, того, что я увидела при свете пожарища, когда выбежала из дому. Я все эти годы старалась похоронить все это в своей памяти. Я всеми силами пыталась изгнать это воспоминание из головы... а теперь я сама обо всем этом говорю, так как наступило время, чтобы ты узнал обо всем.

Я все время держала тебя на руках и в безумном страхе своем так крепко прижимала к груди, что остается только удивляться, как это я не задушила тебя. Нас потому не убили сразу, что мы попали в плен к самому вождю гуронов. Их было немного, и все они, за исключением вождя, спорили, кому достанется Бетси Джоэль и ее дети. Я увидела Бетси около себя, и я закричала и пыталась приблизиться к ней. Она была совершенно голая, и ее прекрасные волосы,

подобно золоту, струились при свете зловещего пламени.

И я увидела, Дэвид, как один из индейцев вырвал из рук несчастной женщины ее сына, твоего ровесника, и убил его ударом томагавка. Я услышала предсмертный хрип ее двух девочек. А потом какое-то чудовище, стоявшее около меня, вдруг сделало прыжок по направлению к Бетси. Я не могла заставить себя закрыть глаза и не могла двинуться с места. Я видела, как он схватил ее за волосы в ту минуту, когда она кинулась к своим несчастным малюткам. Он пригнул ее голову книзу, его топорик поднялся и опустился, и я увидела несчастную женщину распростертой на земле. А затем индеец наклонился над ней и вскоре поднялся, испустив вопль, точно дикий зверь, и в руках его развевались длинные волосы Бетси Джоэль.

На ресницах Мэри Рок уже не сверкали больше слезы. Ее глаза были широко раскрыты, и какой-то огонь, казалось, струился из них. Можно было подумать, что она совершенно забыла о том, что происходит сейчас вокруг нее, и видит лишь то, что случилось в страшную темную ночь пятнадцать лет тому назад.

— И ты, Дэвид, тоже видел все это и не переставал кричать. Я уже собралась почти с духом, чтобы воспользоваться мгновением и пуститься бежать, и в таком случае эти красные чудовища, наверное, убили бы меня, как они убили Бетси и ее детей. Но как раз тогда случилось нечто необычайное.

Из ночной тьмы к нам вдруг кинулся какой-то бешеный человек, испуская дикие вопли и размахивая огромной дубиной. Это был Питер Джоэль. И не успел вождь гуронов, державший в руках скальп Бетси, обернуться, как Питер одним ударом раскроил ему голову. Голова индейца разлетелась, как тыква, с силою брошенная о землю. О, какой это был ужас, Дэвид! Я прижала тебя к груди, чтобы ты не мог ничего видеть, ибо Питер Джоэль сошел с ума, и его дикие крики были страшнее всех тех звуков, что когда-либо испускали воинственные индейцы. И индейцы тоже поняли, что он сошел с ума, и бросились бежать, ибо, как ты знаешь, ни один индеец никогда не тронет человека, лишившегося рассудка.

Но еще раньше, чем они успели разбежаться, он размозжил голову троим из них своей страшной дубиной. А потом он до утра просидел, прижимая к себе трупы жены и детей, держа на руках своего убитого мальчика и нежно убаюкивая его, и в течение всей этой ночи он ни разу не обратил ни малейшего внимания на нас с тобой, словно он не имел ровно никакого представления о том, кто мы такие.

Когда наступил день, он позволил мне прикрыть наготу Бетси кое-чем из моей собственной одежды, а потом мы похоронили ее и детей в одной могиле возле пожарища. А когда земля скрыла все, что у него было в жизни, его лицо приняло более спокойное выражение, и он взял тебя на руки и стал называть тебя «мой мальчик» и «мой сынок». А потом он направился в лес, все еще держа тебя на руках, и я последовала за ним.

О, Дэвид, если бы ты только знал, какое это было страшное путешествие в продолжение многих дней! Питер Джоэль уже не был больше тот Питер, которого я знала, но в то же время его безумие стало понемногу проходить, и на смену ему возвращался, очевидно, здравый рассудок, ибо он находил для нас пищу и осторожно выбирал тропинки. Но за все время, что мы шли от долины Хуанита к реке Ришелье, он ни разу не обменялся со мной ни единым словом и ни разу не ответил ни на один вопрос.

И за все эти дни тяжелого пути он ни на секунду не выпустил тебя из своих рук. Даже ночью ты спал в его объятиях, несмотря на то, что у меня болела душа, так хотелось мне прижать тебя к себе. Четырнадцать дней и четырнадцать ночей продолжалось наше бегство, и я убеждена, что за все это время Питер Джоэль ни разу не сомкнул вполне глаз.

Наконец мы приблизились к французским селениям на реке Ришелье, и тогда Питер

Джоэль покинул нас. Несмотря на все мои мольбы, он ушел назад в лес. Нас приютила охотничья компания барона Сен-Дени; с ними был Козебой и его маленькая дочь, и я выходила их обоих, несмотря на то, что все считали их погибшими, так как индейца и его дочь поразила свирепствовавшая тогда эпидемия. А Питер Джоэль, казалось, навсегда ушел из нашей жизни.

Мэри Рок умолкла и только через несколько минут вздрогнула и очнулась.

— Вот как случилось, что Черный Охотник нес тебя на руках и спас нам обоим жизнь. Но тогда еще он был не Черный Охотник, а всего лишь бедный Питер Джоэль, потерявший рассудок. И вот почему ты так привязан к нему, а он так любит тебя.

— И ты говоришь, что он был тогда помешан? И я много лет после этого не видел его? Но почему же Черный Охотник...

Мэри Рок провела рукой по глазам, словно желая отогнать какое-то воспоминание.

— Да, он был помешан, но у него было какое-то странное помешательство, — ответила она. — Лишь через пять лет после этого увидела я его снова и узнала, что он жив. За эти годы я заботилась о хозяйстве барона Сен-Дени и о маленькой Анне, а тем временем стали носиться слухи о Черном Охотнике, который бродил по лесам, подобно тигру, вырвавшемуся из клетки, и стал самым страшным врагом, с каким когда-либо приходилось встречаться индейцам.

Но вместе с тем он не был простым убийцей, и вскоре всем стало понятно, что им руководит отнюдь не жажда мести, а лишь желание защитить белых женщин и детей от топора и ножа кровожадных индейцев. Он приходил и уходил, подобно привидению, вооруженный черной винтовкой, в черном кожаном костюме, а иногда он красил свое лицо в черный цвет. Казалось, ветер сообщает ему о всех кознях и дьявольских замыслах индейцев, ибо сотни раз случалось, что он в последнюю минуту предупреждал белых поселенцев, и его сигнал спасал жизнь одиноких колонистов и их жалкие хижины.

Индейцы придумывали самые хитроумные планы, чтобы захватить его в плен и убить, но все это не приводило ни к чему, и в конце концов они пришли к убеждению, что имеют дело с духом человека, а не с человеком из плоти и крови. А потому, мол, нечего надеяться убить его. Среди белых он стал известен под разными именами: Черная Винтовка, Черный Заступник и Черный Охотник, но весьма мало находилось людей, которые могли бы похвастать, что когда-либо видели его или слышали его голос.

Страх и любовь сопровождали имя Черного Охотника. Страх перед непобедимым человеком, имя которого наводило ужас на все население, и любовь к человеку, который заботился о судьбе беззащитных женщин и детей. И этот человек, между прочим, нашел тебя, Дэвид, когда ты много лет тому назад заблудился в лесу, и привел тебя домой. Это был Питер Джоэль — Черный Охотник.

— Но ты говоришь, мама, что он помешан, а я между тем никогда не слышал от него ни одного слова, от которого не отдавало бы мудростью и храбростью? И в то же время от него веет такой лаской, что он мог бы поспорить с самой нежной женщиной. Что же заставило его взять с тебя обет никому не открывать его имени, — даже здесь, где нет у него краснокожих врагов, где живут одни лишь друзья?

— Эту странность мы, пожалуй, никогда не поймем, — ответила Мэри Рок. — Питер Джоэль, очевидно, похоронил себя вместе со своей убитой семьей. И в продолжение пяти лет он оставался в лесах, прилегающих к пограничной линии. Наконец он явился навестить нас и нашел тебя как раз тогда, когда ты заблудился в лесу. После этого он стал часто приходить, и чем больше времени проходило со дня гибели его семьи, тем чаще становились его посещения. А теперь он перестал быть для тебя Черным Охотником и стал прежним Питером Джоэлем.

Все-таки многое оставалось еще непонятным для молодого человека.

— Но почему, мама, люди боятся его? — спросил он. — Если он так преданно и честно

посвятил свою жизнь заботам о поселенцах, то почему же Анна Сен-Дени, например, с таким ужасом говорит о нем? Казалось бы, все должны любить его и радоваться его приходу, вместо того чтобы думать о нем как о чудовище.

Легкая усмешка мелькнула на красивом лице Мэри Рок.

— Это объясняется тем, Дэвид, что мы, которые всю жизнь оставались при своем рассудке, более неблагоприятны, чем был Питер Джоэль даже в те дни, когда его рассудок был помрачен. Черный Охотник не знал за все эти годы разницы между англичанами, французами или голландцами, когда речь шла об их защите от жестокости индейцев. Он никогда не поднимал руки во имя англичанина против француза, и также наоборот, и он никогда этого не сделает. В сотнях французских домов, равно как и английских, его имя благословляют, хотя в то же время дети дрожат от страха при одном лишь упоминании о нем.

Что же касается того, что люди боятся его, то это объясняется следующим. Питер Джоэль даже в дни своего помешательства сумел использовать людскую глупость, суеверие и веру в нечистую силу, чтобы с большей уверенностью делать свое дело. Так внезапно и так быстро переходил он с места на место, так необычайно выглядел он в своем черном облачении, так невероятны были его подвиги, что даже белые — и те стали приписывать ему сверхъестественную силу и говорить, что он «одержим».

Но, как бы то ни было, все это было на руку Питеру Джоэлю. Чем чудовищнее становились истории и слухи, которые передавались о нем, тем большие подвиги совершал Черный Охотник. И Анна тоже слышала басен о нем, и, хотя она не так суеверна, как многие другие, она тем не менее чувствует страх в душе от сознания, что Питер Джоэль так близок к тебе!

Дэвид Рок подошел к матери, наклонился и прикоснулся губами к ее черным волосам.

— Теперь мне все понятно, — сказал он. — И Питер Джоэль скоро вернется сюда?

— Да, он отправился к замку Гронден в надежде найти тебя там.

— И ты рада, что он здесь, мама, не правда ли? Так же рада, как и я?

— Возможно, Дэвид. После смерти твоего отца у меня не было в жизни лучшего друга, чем Питер Джоэль.

— И это несмотря на то, что ты так мало видела его?

— Те четырнадцать дней и ночей, что я провела с ним в лесу, стоили четырнадцати лет, Дэвид. Я каждый день в своей жизни снова переживала это время. Я никогда не забуду, как он нежно заботился о тебе и обо мне в те страшные дни-годы, когда я считала его помешанным. После тебя у меня нет более дорогого существа, чем он.

Когда Дэвид вышел из дому, чтобы поскорее найти Черного Охотника, Мэри Рок осталась неподвижно сидеть на своем месте, уставившись в огонь в камине, словно там она читала ту страшную повесть, которой поделилась со своим сыном.

Несколько времени спустя она услышала, как открылась дверь, и решила, что вернулся Дэвид. Но почти тотчас же она по шагам узнала, что это не ее сын, и быстро обернулась.

Позади нее стоял человек с обнаженной головой. При свете свечи и огня в камине он производил жуткое впечатление. Он казался частью ночи, словно он сам был соткан из теней густого леса. Сверху донизу он был одет во все черное, и ни одна другая краска не нарушала однообразного черного цвета этой высокой фигуры. И пороховой рог, и пояс, и шапка, которую он держал в руках, — все выдавало в нем того человека, имя которого наводило ужас на индейцев.

Но над этой зловещей черной фигурой поднималась голова, которую нельзя было забыть, однажды увидев ее. По тому, как величественно держалась она на плечах, ее можно было сравнить с головой оленя, и, несмотря на странную жизнь, которую вел этот человек, в его лице не было ни малейшего намека ни на подозрительность, ни на тревогу, оно говорило о глубокой

вдумчивости и благородстве.

Его волосы с первого взгляда казались седыми, но это ложное впечатление создавалось из-за белой пряди, которая проходила, подобно маленькой повязке, от середины лба до затылка. Эта седая прядь вместе с открытым взглядом его ясных глаз придавала тонкому, сильному лицу такое выражение, которого не мог бы никогда забыть ни один человек, будь то мужчина или женщина.

Вот каков был тот, кого люди звали Черный Охотник. Ростом он был не выше Дэвида Рока, но его мускулы были закалены, как сталь, и на сорок девятом году своей жизни он ничем не выдавал своего возраста, если не считать белой пряди в волосах.

Таков был этот таинственный человек, героизм и трагические подвиги которого заставили говорить о нем всю Новую Францию и Канаду и в душу которого не заглянул ни один человек, кроме Мэри Рок и ее сына.

Анна Сен-Дени стояла у окна и глядела на мир, залитый лунным светом. Ее щеки еще горели под впечатлением всего, что она пережила в этот вечер. Даже сейчас еще до ее слуха доносились смех, веселые песни и звон бокалов; ее отец, старый барон Сен-Дени, велел принести из погребца все лучшие вина, какие только там были.

Ужин давно кончился, а вино, как это знала девушка, будет литься еще до глубокой ночи.

Ее мысли то и дело возвращались к ее молодому возлюбленному. Сколько смелости и в то же время силы нужно было, чтобы швырнуть интенданта и его сподвижника в холодный пруд! И ее Дэвид сделал это ради нее! Биго откровенно рассказал ей о насмешливых замечаниях, которые они позволили себе, — что и привело к тому, что он и де Пин получили «ледяное крещение», которое, впрочем, не причинило им никакого вреда.

— Глупый мальчик, но какой смелый! — выразился он о Дэвиде Роке. — Де Пин ничего плохого не думал, и его слова могли послужить лишь комплиментом для вас.

Анна отдавала себе отчет в том, что Биго ей нравится. Его манеры придворного, интерес, который он выказывал к Дэвиду Року, и добродушие, с каким он отнесся к неприятному инциденту, — все это вселило в нее доверие к этому человеку. Почему-то его слова не казались простым комплементом, как слова других мужчин. Когда он сказал ей, что у нее самые прелестные волосы во всей Новой Франции, она почувствовала радостный трепет в душе и, чтобы скрыть его, ответила, что у матери Дэвида Рока еще более красивые волосы. Биго обещал ей, что завтра же он повидается с миссис Рок, поговорит с нею о его сыне и посоветует ей отправить его в Квебек.

Удивительно ли, что румянец заливал сейчас щеки девушки, а широко открытые глаза радостно блестели. Шутка ли сказать, — даже французский король не мог бы сделать для кого-нибудь в Канаде больше, чем Франсуа Биго!

Девушка потихоньку спустилась вниз, выскользнула за дверь и направилась к мельнице. Там ее не найдет никто из гостей.

В дверях мельницы стоял старый Фонблэ, подобно белому привидению в черной рамке. Увидев девушку, вынырнувшую из мрака, он вздрогнул и в изумлении протер глаза.

— Это вы, моя маленькая барышня? — воскликнул он. — Мне показалось было, что это...

— Кто? — улыбаясь спросила Анна, прикасаясь рукой к его рукаву, покрытому густым слоем муки.

— Ваша мать, — ответил старик, и видно было, что он тотчас же пожалел о своих словах. — Да простит меня небо, но вы сейчас ужасно похожи на нее.

— Это, вероятно, благодаря волосам, — ласковым голосом отозвалась Анна, и глаза ее подернулись дымкой грусти. — Вы знали мою мать в продолжение многих лет, не правда ли,

Фонблэ?

— Да, и я любил ее, — кивая головой, ответил мельник.

В течение нескольких минут царило молчание.

— Вы так поздно работаете сегодня, реге Фонблэ? — заметила Анна.

— До самого утра, моя милая девушка.

— А вы случайно не видели Дэвида Рока?

— Он был здесь часа два тому назад, а потом отправился домой.

Опять воцарилось молчание, и снова Анна прервала его.

— Рере Фонблэ!

— Что, милая?

— Я хочу забрать Дэвида с собой в Квебек.

Мельник в изумлении уставился на нее, и Анна не решилась поднять на него глаза. Несмотря на свое желание ехать в Квебек, она всей душой чувствовала, что эта старая мельница неотразимо влечет ее к себе и зовет назад.

— Я хочу увезти его с собой в Квебек, — повторила она. — Подальше от лесов, от Черного Охотника, от индейцев... и от вечной войны. Я не перестану бояться за его жизнь. А теперь я счастлива: сам интендант обещал мне заняться его судьбой.

Она посмотрела на мельника и заметила, что тот не спускает глаз с мельничного колеса. И как раз в это мгновение колесо издало какой-то жалобный звук.

— Что это такое? — испуганно спросила она.

— Надо будет завтра утром смазать колесо...

— Я говорила с вами о Дэвиде, реге Фонблэ.

— Простите меня, моя маленькая барышня. Я слышал все, что вы говорили. Вы хотите увезти Дэвида в Квебек. И когда он отправится туда, интендант Биго осыплет его своими милостями, и там...

— ...его ждет богатство и слава, — закончил за него чей-то властный голос.

Это произошло так неожиданно, что Анна испуганно вскрикнула. Сам интендант Новой Франции стоял возле нее! Старый мельник тотчас же попятился и скрылся в зияющей черной двери.

Лицо Анны горело огнем, когда она, запинаясь, произнесла:

— Мсье, я была уверена, что я одна с отцом Фонблэ.

— Я очень люблю гулять при лунном свете, а потому ушел от пьяного шума, — ответил ей лживый, слащавый голос Биго. — И когда я увидел вас, Анна, когда вы, словно маленькая фея, подходили к мельнице, я не мог побороть искушения и пошел за вами. Я слышал то, что вы сказали о Дэвиде Роке, и я очень рад, что вы со мной согласны. Не соблаговолите ли вы пройтись немного со мной?

Раньше, чем Анна успела ответить, интендант взял ее под руку, и они стали удаляться от мельницы.

Тогда старый мельник выглянул из своей двери, подобно разгневанному маленькому гному.

— Негодяй! — шипя прошептал он. — Негодяй! — повторил он, и в его голосе звучали ненависть и отчаяние.

А Биго в это время шел с Анной Сен-Дени, ведя ее под руку так, что кончики ее пальцев находились в его руке, и говорил:

— Ваша любовь к этому юноше, должно быть, очень велика, Анна?

— Да, я люблю его всей душой.

— И этой любви не осилили бы ни богатство, ни слава, ни королевские почести, которые мог бы вам доставить другой человек?

— Я никогда не задумываюсь о таких вещах, — ответила Анна.

Она не видела, каким зловещим огнем сверкнули глаза интенданта. Но его голос продолжал литься так же слащаво и мелодично, как и раньше:

— Сегодня, когда я случайно набрел на вас обоих там, среди цветов, я почувствовал зависть к нему. Если Бог и Новая Франция, за которую мы проливаем кровь, когда-нибудь вознаградят меня любовью женщины, то я хочу надеяться, что она будет похожа на вас, Анна. За такую любовь я отдал бы с радостью все, что у меня есть в жизни!

В его голосе звучала тоска, и Анна не решилась отнять руку, которую намеревалась было высвободить.

Они шли некоторое время в глубоком молчании.

— Если Дэвид Рок явится ко мне в Квебек, я сделаю из него первоклассного джентльмена. Я лично буду заботиться о нем, произведу его в скором времени в офицеры и назначу адъютантом губернатора.

Радостный крик сорвался с губ Анны.

— Вы... вы действительно это сделаете?

— А почему же нет? — улыбаясь ответил Биго. — Про меня рассказывают ужасные вещи, та *cherie*, и ненависть и зависть идут по следам моей карьеры и славы. Но в душе моей, если бы даже враги могли заглянуть туда, они нашли бы лишь горячее желание доставить счастье всему народу. И почему бы мне не излить часть моих забот на вас и на Дэвида Рока? В ту минуту, когда я увидел вас двоих среди цветов — вас, во всей вашей красе девушки, обещающей скоро стать прекрасной женщиной, и вашего возлюбленного, во всем его несравненном мужестве, — я почувствовал, как в душу ко мне закралось какое-то непонятное чувство и заполнило в ней пустое пространство. Но я такой же эгоист, как и все, Анна, и в вашем счастье я надеюсь найти немного счастья и для себя.

— О, мы оба будем любить вас за вашу доброту! — горячим шепотом ответила Анна. — И Дэвид, и я! В самых смелых грезах своих я никогда не рисовала себе, что нас может ожидать подобное счастье!

— Счастливы те, кто может целиком отдавать себя любви! Мы принадлежим к числу тех, кто должен жертвовать всем, когда этого потребует Новая Франция, — продолжал Биго грустным голосом. — Как это странно, что я вас посвящаю в секреты государственной важности, но я знаю, что вы будете хранить мои слова глубоко в душе, и ни один человек не узнает от вас того, что я вам скажу. Вы должны знать, что я сейчас веду усиленную борьбу с подлым предательством, которое происходит среди нас.

— Предательство! — воскликнула Анна, приложив обе руки к груди. — Вы хотите сказать...

— Я хочу сказать, что англичане каким-то образом узнают о каждом нашем шаге еще раньше, чем мы успеваем его сделать, — ответил Биго.

После маленькой паузы он добавил, как бы между прочим:

— Отец Дэвида был, кажется, англичанин, не так ли?

— Да, — ответила Анна. — Его убили индейцы, когда Дэвид был еще ребенком. Но мать Дэвида французка, и оба они любят Новую Францию так же, как и вы, и я.

— А этот человек, которого они называют Черный Охотник и с которым Дэвид так дружит, — он тоже, кажется, англичанин? И, говорят, он проводит много времени среди англичан?

— Кажется, так, — ответила Анна, несмотря на то, что ей стоило большого труда произнести эти слова.

— Предательство, да! — повторил Биго. — Вот почему я нуждаюсь в таких сильных и

смелых людях, как Дэвид Рок. И вы непременно должны уговорить его отправиться в Квебек. Он принадлежит к числу людей, которые никогда и ни за какую цену не станут продавать свою душу и тело, и такому человеку можно доверить вещи, которых не должен знать никто другой.

В это время они приблизились к замку, Анна пожелала интенданту спокойной ночи, а изящный царедворец поклонился ей так низко, словно перед ним была королева, и провожал ее глазами, пока девушка не скрылась в дверях старого дома.

Никогда еще, кажется, красота и душевная чистота не вызывали в душе человека подобной бури самых низких страстей, как это случилось с Франсуа Биго под влиянием Анны Сен-Дени. Лицо его все еще выражало чувство ликования, так как он был убежден, что раньше или позже его ждет успех и в этом деле, как и во всем другом.

Маркиз Водрей неслышными шагами подошел к нему и своим обычным шутливым тоном сказал:

— Ну, что вы скажете о моей наблюдательности и смекалке? Дивная ночь, лунный свет и прекрасная дева... А какие неограниченные возможности! Чего еще может требовать человек... даже такой, как вы, Биго!

Интендант вцепился с такой силой в рукав маркиза, что его ногти почти вонзились в рыхлую руку губернатора Луизианы.

— Я бесконечно рад, Водрей, что вы вовремя заметили, как она спускалась по лестнице! — воскликнул он глухим голосом. — Я ручаюсь, что вы с такой же уверенностью можете рассчитывать на губернаторский пост, как я на любовь Анны Сен-Дени.

Непроницаемая улыбка не покидала жирного лица маркиза Водрея, когда он спросил:

— В таком случае, все произошло так, как я предсказывал?

— Да, — ответил Биго. — Точь-в-точь, как вы предсказывали. Она шла рядом со мной, и я держал ее пальцы в своей руке, и мне пришлось сделать большое усилие над собой, чтобы тут же не заключить ее в свои объятия. Но если бы я это сделал, все было бы потеряно! А теперь она моя! Ее воображение распалено теми картинами, которые я нарисовал ей, она верит мне, и теперь нужно только заполучить этого молодого дикаря в Квебек. А потом... тогда уж...

— Ну конечно, — согласился с ним Водрей. — Другого пути нет. Надо всегда действовать обдуманно и расчетливо, — закончил он, весьма довольный комплиментом, который относил к себе. — А когда все будет кончено, она с радостью придет к вам, Франсуа. Она еще молода, совсем ребенок. Ее прелестная головка вполне готова воспринять те образы, которые вы туда заронили сегодня ночью. И я полагаю, что на нашем пути стоит не столько ее возлюбленный, сколько ее отец.

— Что касается отца, то я уж позабочусь о нем, — уверил его Биго, и губы его приняли жестокое выражение. — Дэвид Рок — вот кого нужно снять с пути, но смерть в данном случае не является тем орудием, которое может сослужить нам службу.

Анна только притворилась, будто собирается войти в замок и подняться к себе. Она всем своим существом чувствовала, что должна во что бы то ни стало повидать Дэвида, если бы даже пришлось просить Пьера Ганьона, чтобы тот проводил ее через лес к коттеджу Мэри Рок. Впрочем, нет, — не нужно ей Пьера Ганьона. Она пойдет сама!

Быстро приняв решение, Анна обошла вокруг замка, приблизилась к окну комнаты, в которой жила старая черная служанка, и постучалась.

— Хлоя! Хлоя! — тихо окликнула она негритянку. — Хлоя, это я, Анна. Поднимись ко мне в комнату и принеси мне мою красную накидку. А потом разыщи моего отца и скажи ему, что я не могу заснуть среди этого шума, а потому переночую у миссис Рок.

Когда черная Хлоя принесла ей теплую накидку, девушка быстро направилась к лесу и

вскоре потонула в его мгле, которая лишь местами чередовалась с бликами лунного света. Когда она уже приближалась к опушке, с которой можно было надеяться разглядеть свет в доме Мэри Рок, она вдруг замерла на месте и затаила дыхание.

Опушка была залита волшебным светом луны, и там стояла совершенно открыто человеческая фигура. Испутив радостный крик, Анна кинулась навстречу этому человеку, в котором она без труда узнала Дэвида Рока. Последний уронил свое ружье на траву и, сняв шапку, стал дожидаться Анны, глядя на нее с изумлением.

— Ты знал, что я приду, Дэвид, не правда ли? — спросила она.

— Я знал только, что ты достаточно времени гуляла с интендантом Биго. И я нисколько не скрываю, что после случившегося сегодня мне это чрезвычайно неприятно.

— Ты видел нас, Дэвид?

— Я стоял в тени огромной липы, и вы так близко прошли мимо меня, что я видел твою руку в его руке, и слышал, как он что-то такое говорил о королевских почестях, которые мог бы дать тебе другой человек.

— И мой ответ, — разве он не доставил тебе удовольствия, Дэвид?

— Ответа я не расслышал.

— Я могла бы повторить тебе его, Дэвид, я помню каждое слово. И я рада, что ты так ревнуешь меня, Дэвид, — добавила она, тихо смеясь, — в противном случае я чувствовала бы себя несчастной.

Она потащила его за собой к огромному стволу упавшего дерева, лежавшего в том месте, где кончался лес, и повторила ему слово в слово свой разговор с всемогущим интендантом.

Дэвид Рок ни разу не прервал ее, но краска стыда стала медленно заливать его лицо, а в глазах появилась какая-то растерянность. Очевидно, он не хотел, чтобы Анна заметила это выражение, ибо он отвел глаза в сторону.

— Дэвид, ты понимаешь, что это для нас значит? — дрожащим шепотом произнесла Анна, закончив свою повесть. — Скажи мне, каково твое мнение?

— Мое мнение, Анна... что я ужасное ничтожество, если мог так нехорошо думать о тебе, когда увидел тебя с мсье Биго.

— Но меня это радует, Дэвид, — успокоила его девушка. — Это служит доказательством твоей любви.

— Тебе не стыдно за меня, Анна?

— Нисколько! — горячо и страстно ответила девушка. — Я хочу сказать тебе, что жила в Квебеке и знаю, что такие люди, как ты, Дэвид, очень нужны там.

— Но в таком случае леса останутся без защитников, если мы все уйдем в Квебек.

— Останутся другие без тебя, и они будут защищать эти леса. Когда наступит время и придется воевать, я предпочла бы тебя видеть во главе людей, а не одиноким воином в лесу.

— Но меня нисколько не тянет к этой жизни в Квебеке, меня пугает та перемена, которую ты предлагаешь мне.

— Сделай это ради меня, Дэвид, — сказала Анна Сен-Дени, прижимаясь щекой к его руке. — Поезжай в Квебек ради меня. И если к концу того года, что остался мне до окончания школы, тебе все еще не будет нравиться жизнь в столице, то я вернусь сюда и останусь навсегда с тобой.

— Ты обещаешь, Анна?

— Да, обещаю, Дэвид.

— В таком случае мне ничего другого не остается. Я поеду в Квебек.

Девушка вскочила на ноги и бросилась в объятия своего молодого возлюбленного.

— О Дэвид, я сейчас люблю тебя больше, чем любила когда-либо!

— И всегда будешь так любить?

— Всегда!

— Даже если я не оправдаю твоих надежд, Анна?

— Даже тогда, Дэвид!

Она протянула ему губы, и юноша нежно поцеловал ее.

— Какое счастье, Анна, что ты вздумала прийти сюда. Ведь я случайно остановился на этой прогалине. Я хочу тебя познакомить с Черным Охотником.

— С Черным Охотником?! — воскликнула Анна, не будучи в состоянии скрыть изумления и страха.

— Да. Он сегодня в сумерки пришел к нам. Ты должна ради меня побороть свой беспричинный страх перед ним, Анна, — как я заставил себя дать согласие на то, чего я так опасюсь... на поездку в Квебек.

— Я боюсь его, — прошептала девушка. — Я не знаю почему, но я боюсь его больше чего-либо или кого-либо на свете, — откровенно призналась она, когда они, взявшись за руки, двинулись в путь.

— А я его люблю. Не пройдет и года, как ты тоже полюбишь его. Ты должна помнить, что Черный Охотник...

И Дэвид Рок шепотом стал уговаривать ее.

Когда они приблизились к Красной Опушке, юноша свернул с тропинки и остановился в тени огромного дуба. В то же мгновение Анна схватила его за руку и испуганно прошептала:

— Смотри, Дэвид! Там... у скалы стоит человек. Он так отчетливо виден при свете луны!

— Я уже раньше заметил, что там стоит человек, а потому и свернул сюда, где нас никто не может видеть, — спокойным голосом ответил Дэвид Рок.

— Смотри, он шевелится! — снова шепнула ему Анна Сен-Дени и еще ближе придвинулась к нему. — Он совершенно черный... как ночь...

— Да, совершенно черный, — улыбаясь подтвердил Дэвид Рок.

— Кто это, Дэвид?

Вместо ответа Дэвид Рок издал легкий свист, подобно пisku сонной птицы, и почти тотчас же послышался в ответ точно такой же звук.

И тогда Анна, сердце которой так билось, что в ушах у нее отдавалось «тук-тук-тук», поняла, в чем дело.

— Черный Охотник дожидается нас, — тихо произнес юноша. — Мы уже дважды сегодня разминулись друг с другом.

Он почувствовал, как пальцы Анны стиснули его руку, но не догадывался, какой жуткий страх охватил ее, когда они вышли на открытую прогалину. По мере того, как они подвигались вперед, все предметы стали терять свои обманчивые очертания — что происходило благодаря серебристым лучам луны, — и Анна увидела перед собой человека с обнаженной головой, лицо которого выражало такую же радость, как и лицо ее возлюбленного за минуту перед этим. Ей также бросилась в глаза серебристая прядь в черных волосах незнакомца.

Девушка поднесла руку к конвульсивно сжимавшемуся горлу и смотрела на мужчин, которые, не произнося ни слова, крепко пожали друг другу руки.

А потом она заметила, что Черный Охотник смотрит на нее через плечо своего молодого друга. И одновременно с этим последний тоже повернулся к ней.

— Это Анна Сен-Дени, — сказал он. — Моя Анна...

— Наша Анна, — поправил его Питер Джоэль и так низко поклонился девушке, что та увидела всю белую прядь до самого затылка. Стараясь преодолеть свой страх и помня обещание, данное Дэvidу, она протянула Черному Охотнику обе руки, и тот с нежной почтительностью

взял их в свои.

— Я много слышал о вас, и порой мне кажется, что я так же хорошо знаю вас, как и Дэвида, — сказал он.

По звуку его голоса девушка поняла, что дрожь ее пальцев выдала этому человеку то, что она пыталась скрыть.

— Я очень рада слышать это, — ответила Анна, хотя в душе она укоряла себя за ложь, — и вашу дружбу я почту за великую честь.

Легкая усмешка на мгновение скривила губы Питера Джоэля.

— Я буду вполне удовлетворен, если вы хоть когда-нибудь ласково подумаете обо мне, — ответил он и повернулся к своему питомцу. — Наша встреча, мой друг, произошла совершенно случайно. Я остановился здесь только для того, чтобы полюбоваться красотой ночи. А теперь я вынужден буду покинуть вас.

— А вы не зайдете с нами на минутку к миссис Рок? — спросила Анна, еле сознавая смысл своих слов.

— Я, к сожалению, должен отклонить такое заманчивое приглашение. Мне необходимо возможно скорее увидеть интенданта. Я и так уже потерял много драгоценных минут.

Анна прошла несколько вперед, оставив мужчин позади. Питер Джоэль взял свое черное ружье, которое он раньше прислонил к скале, надел шапку, снова низко поклонился Анне и пожелал им доброй ночи. Через несколько секунд он уже шел по тропинке, которая вела к замку Гронден, и скоро скрылся из виду.

Анна вздрогнула всем телом, и с уст ее сорвалось:

— Мне холодно! У меня словно все замерзло внутри! Я не ожидала встретить в нем человека, который так умеет разговаривать и вести себя, но тем не менее я чувствую в душе еще больший страх перед ним, чем когда-либо раньше.

— Ты была очень мила с ним, Анна.

— И он говорит о красоте! — воскликнула девушка. — Его руки так обогреты кровью, что...

— Я видел, как он делился последним куском хлеба с бродячей собакой, — ответил ей Дэвид Рок.

— Он разговаривает как человек, проживший всю жизнь в книгах, а не в темном лесу, — снова заметила Анна.

— Я тебе часто говорил, что в его мешке всегда можно найти какую-нибудь умную книгу, — ответил юноша.

— И он одет во все черное... как человек с черной душой, которому необходимо скрывать свою совесть и тело.

— Зачем ты так говоришь, Анна? — упрекнул ее Дэвид Рок. — Я видел многих из ваших джентльменов одетых в черное. Почему же ты делаешь такую разницу!

— Бррр! — невольно вздрогнула Анна.

— Как это странно! Почему ты чувствуешь к нему такую неприязнь? Ведь он никогда в своей жизни не совершил ни одного нечестного поступка.

— Я готова охотно поверить и этому, и все же во мне все сильнее растет убеждение, что ему суждено стать на пути между нами и счастьем. Не спрашивай меня почему — я не в состоянии ответить тебе, так как я и сама не могу себе объяснить причины. Будем надеяться, что до конца года сгладится это глупое предубеждение.

— А я надеюсь, что даже еще раньше, чем пройдет эта ночь, — сказал Дэвид Рок, тая какой-то скрытый смысл в своих словах.

Он ускорил шаг и тем самым заставил девушку пойти быстрее.

Вскоре перед ними уже мерцал мягкий свет в окнах коттеджа, где их поджидала Мэри Рок.

— Ты горишь нетерпением скорее увидеть его снова? — укоризненно сказала Анна.

— Это правда, — сознался юноша. — И если ты разрешишь...

— Ну конечно я разрешу! — ответила та. — Очевидно, мне суждено самой толкать тебя в его объятия!

И с этими словами она гордо откинула голову назад и пустилась напрямик к открытой двери коттеджа.

В эту ночь свеча долго горела в доме Мэри Рок. Она еще горела, когда вернулись Черный Охотник и Дэвид Рок и тихо, словно воры, поднялись наверх и улеглись спать.

И даже когда свеча в конце концов догорела и погасла, Мэри Рок и Анна Сен-Дени долго еще лежали с открытыми глазами, и каждая думала свои думы.

В душе одной из них были радость и счастье и, пожалуй, немного страха, который отказывался покинуть ее даже после того, как она услышала от начала до конца историю Питера Джоэля — Черного Охотника.

А в сердце другой была безнадежность, и по мере того, как бежали часы бессонной ночи, отчаяние все с большей силой охватывало душу одинокой женщины.

Глава III. КВЕБЕК

Дни, последовавшие за описанными событиями, внесли полную перемену в жизнь Дэвида Рока. Ему казалось, что не только он сам, но все переменялось вокруг него — и мать, и Анна, и Черный Охотник, и как будто даже леса. Он вдруг стал старше, но настолько старше, что вся былая детская жизнерадостность и беспечность совершенно покинули его. И лес, который раньше наполнял его сердце радостью, теперь вселял в его душу уныние и грусть.

Казалось, этот старый мир, эта бесконечная воля, которую он собирался покинуть и обменять на город, насупили брови и сами тоже готовы были отречься от него. В этом мире, который он обещал Анне покинуть, оставались все воздушные замки его детства. Здесь оставалось его сердце.

Юноша всеми силами старался скрыть от других тяжелое уныние, охватившее его; даже матери, Мэри Рок, он не поведал своих страхов, а также больше не говорил об этом со своей Анной. В течение нескольких недель юноша превратился в мужчину.

Большой город сумел овладеть душой Анны Сен-Дени, говорил себе Дэвид Рок. Он увлек ее далеко от лесов, в которых она выросла вместе с ним, от залитой солнцем долины реки Ришелье, где они с самого детства строили планы будущей жизни. Да, большой город увлек Анну от всего, что сейчас было дорого ему, Дэвиду, и что когда-либо будет дорого ему.

Злые предчувствия, одно мрачнее другого, копошились у него в душе по мере того, как шли дни. Он боролся против них, но, увы, безуспешно. И с каждым днем он всё больше и больше закалял себя, чтобы быть готовым к тому бою, что предстоял ему... К бою за Анну, — чтобы стать тем, чем она хотела его видеть, чтобы превратиться в часть этой веселой придворной жизни, которая дополнит ее красоту, но в которой, Дэвид был убежден, он потерпит полное поражение.

Уже на следующий день после долгой работы на мельнице Фонблэ, маленький старый мельник, с чувством зловещего ликования убедился, что его пророчество оправдалось. Свита Биго покинула замок Гронден и направилась вниз по Ришелье к тому месту, где река вливалась в реку Святого Лаврентия. Веселая компания отправилась в путь с громкими радостными криками, с развешивающимися знаменами, но... Биго не было с ними. А точно так же отстали Водрей и де Пин и еще с полдюжины молодых офицеров.

В тот же день гонец-индеец принес весть, что гости Анны Сен-Дени из Квебека направляются к замку Гронден и придут через несколько дней.

Лицо Мэри Рок было бледнее мела в тот вечер, когда она кончила шить новый костюм из лосиной кожи для своего сына. Утром того же дня барон Сен-Дени явился навестить ее, вместе с ним пришли также Биго и маркиз Водрей.

— Она почти так же хороша, как и Анна! — шепотом заметил Биго, когда остался наедине с маркизом.

Черный Охотник успел уже уйти с зарей, но вечером он снова вернулся.

Дэвиду казалось, что все словно сговорилось и стараются убедить его, что он должен ехать в Квебек. Все, за исключением мельника Фонблэ.

— Редкое счастье выпало на твою долю, сынок, — сказала Мэри Рок, — и было бы безумием, если бы я или ты отказались от него, даже если нам тяжело будет расставаться.

И она рассказала ему про визит барона Сен-Дени, интенданта Биго и маркиза Водрея и об их обещании прислать его в скором времени обратно к ней, увенчанного славой.

— В Квебеке — сердце Новой Франции, — сказал ему Питер Джоэль, и от юноши не

ускользнуло, что голос Черного Охотника звучал как-то глухо и странно. — Иди, Дэвид, и прислушайся, как оно бьется.

— В Квебеке бьется сердце дьявола — вот что он хотел сказать! — насмешливо ответил мельник Фонблэ, когда Дэвид повторил ему слова Черного Охотника. — Иди, иди, Дэвид, и посмотрим, что дьявол сделает с тобой.

Повсюду вокруг себя юноша видел огромную перемену. Во-первых, в своей матери, в глазах которой появилось выражение безумной усталости начиная с той ночи, когда она рассказала ему повесть Питера Джоэля. Она внезапно, казалось, потеряла все свое бывшее веселье, и вместе с тем не стало того товарищеского духа, который всегда существовал в отношениях между нею и сыном.

Что касается Питера Джоэля, то и он начиная с той ночи стал совсем другим. Он часами просиживал, храня глубокое молчание держался в стороне ото всех и наконец ушел, даже не предупредив Дэвида, к острову Монреаль.

Биго не терял времени и старался всем показать, что Дэвид — его протеже, — и все лишь потому, что тот устроил ему «крещение» в пруду. Люди, вроде Дэвида Рока, такие закаленные и смелые, принадлежат к числу лиц, которых интендант любит и уважает, — так, по крайней мере, передавалось из уст в уста. И в скором времени не было ни одного человека, который не знал бы всех подробностей. А Пьер Ганьон к тому же отправил своему отцу и нескольким любителям сплетен в Квебеке письма во много страниц с детальным описанием случившегося.

Жители окрестных коттеджей с завистью смотрели на юношу, предвидя великую карьеру, лежавшую перед ним. Молодые офицеры, сердце которых снедала зависть, приветствовали его в своей среде. Дважды интендант стоял, ласково положив руку на плечо юноши, и веселым тоном передавал подробности своего приключения. Он называл его попросту «Дэвид» — так же, как и маркиз Водрей, губернатор Луизианы, — и каждый день два великолепных и гордых джентльмена отправлялись с визитом к Мэри Рок.

Дэвид стал подумывать, что де Пин, пожалуй, славный мальчик. Этот хитрый человек так горячо раскаивался в словах, произнесенных у пруда в минуту беспечного легкомыслия. Что же касается барона Сен-Дени, то последний с гордым огоньком в глазах заявил Дэвиду, что он принес с собой почет в замок Гронден.

А Анна, прелестная Анна, та доводила юношу до состояния полной растерянности, ибо каждый раз, когда они встречались, она низко приседала, даже ниже, чем перед губернатором или интендантом, и в ее глазах, когда она встречалась с ним взглядом, светилась горячая любовь.

Как ни старался Дэвид Рок совладать с собой, он все же каждый раз заливался густым румянцем, когда Анна делала ему реверанс.

— Прекрати это, Анна, прошу тебя, — однажды попросил он. — Я чувствую себя дураком, когда ты делаешь мне реверанс, словно я король.

— Ты действительно король, — возразила она. — Мой король. И я не желаю отдавать другим тех почестей, которых я не могу отдавать тебе!

— Но я уверен, что все втихомолку смеются надо мной, когда видят перед собой такого клоуна, как я, который не знает, когда улыбнуться, когда поклониться и что сказать.

— Это объясняется лишь тем, что ты напуган.

— Да, я действительно напуган, — согласился он.

— И неуклюж, Дэвид, так чудесно неуклюж. Совсем как индеец, который не умеет нагибаться. Тебе нужен учитель, и я возьму эту роль на себя и ни разу не дам возможности кокетке Нэнси Лобиньер похитить тебя у меня. Я знаю, что она была бы рада делать тебе реверансы и пониже тех, что делаю я, с поцелуем в придачу.

— Меня придется очень многому учить, Анна.

— Это правда, и ты, наверное, отнимешь все мое время в городе.

— Но зато теперь все твое время отнято другими, — упрекнул ее Дэвид. — Ты уже никогда больше не гуляешь со мной в лесу, как раньше.

— Я никак не могу, Дэвид. Ведь для всех этих гостей я хозяйка, и к тому же в скором времени прибывают новые гости.

Таким образом, дни медленно тянулись для Дэвида, но очень быстро для Анны и для Мэри Рок, которые работали не покладая рук, чтобы приготовить замок Гронден к встрече гостей. Но юноша не всегда оставался один; иногда он удостоивался чести гулять вместе с интендантом или с де Пином, а порой рядом с ним пыхтел маркиз Водрея. Но молодому человеку сильно недоставало Пьера Ганьона, который отправился навстречу гостям из Квебека.

Однажды, когда Дэвид Рок работал в поле, заканчивая жатву кукурузы, де Пин стал помогать ему. Интендант Биго сидел поодаль и смеялся над неумелостью придворного; Дэвид и сам еле сдерживал смех, слушая веселые шутки интенданта.

Как раз в ту минуту, когда Биго сам стал помогать носить кукурузу в амбар, на тропинке, которая вела из лесу, показались Анна Сен-Дени и Мэри Рок.

— Боже мой, — воскликнула Анна, широко разинув рот от изумления. — Интендант Новой Франции носит кукурузу вместе с Дэвидом!

Биго, наблюдавший за ней уголком глаза, в душе благословлял ум и хитрость маркиза Водрея, который узнал, что Анна собирается провожать домой миссис Рок, и воспользовался этим, чтобы подстроить умильную сцену работы в поле.

В этот день Анна впервые явилась с визитом в коттедж Мэри Рок после той ночи, когда она узнала повесть Черного Охотника. Она не пыталась даже скрыть своей радости и удовлетворения при виде Биго, работавшего вместе с Дэвидом. Но когда последний поспешил навстречу ей и матери, де Пин, весь в испарине, приблизился к интенданту и проворчал:

— Вам это будет стоить половину того груза, что привезет следующее судно, Биго. Я бы не стал вторично разыгрывать эту комедию ни ради вас, ни ради короля.

— Больше уж не будет надобности повторять ее, де Пин, — тихо ответил ему Биго, улыбаясь и вытирая лицо. — Дело сделано! Обратите внимание, как они горды — и она и его мать — этим зрелищем.

— О, Дэвид, Дэвид! — прошептала Анна, когда тот подошел к ней, и больше она не в состоянии была произнести ни одного слова.

Но глаза ее сверкали. И во взгляде матери юноша прочел нечто такое, что наполнило его сердце трепетом гордости.

А миссис Рок мысленно твердила себе: «Не может быть, чтобы люди, столь простые духом, могли быть так опасны, как про них рассказывают».

Немного спустя Биго со свойственной ему почтительностью и лаской спросил у Дэвида, не разрешит ли он ему сопровождать домой мадемуазель Сен-Дени.

Эта просьба была для Дэвида ударом ножа в сердце; увидев Анну, он тотчас же стал надеяться, что будет провожать ее домой и останется с ней наедине. Но он вежливо кивнул головой и ответил интенданту, что почтет это за честь для себя. И только Анна одна понимала, каким убийственным разочарованием это было для ее возлюбленного, и она нахмурила брови.

— Я нарочно пришла сюда, чтобы вместе с тобой пойти потом домой, — сказала она.

— Но раз он просит, то нельзя ему отказать, — ответил юноша.

В глазах девушки появилось выражение растерянности.

— Да, пожалуй что это было бы невежливо. Но все же... если ты хочешь, Дэвид...

— Нет, Биго ничего плохого не думает. Я теперь уже почти не сомневаюсь в искренности его дружбы. Но вместе с тем я никак не могу уяснить себе этого. Я стараюсь всеми силами понять, но не могу.

— Если бы ты мог видеть вещи моими глазами, ты понял бы, — прошептала Анна, и в ее глазах было столько ласки и любви, что юноша с трудом поборол желание схватить ее в объятия и тут же расцеловать на виду у всех.

А пока они стояли и беседовали, Биго, казалось, всецело посвятил свое внимание матери Дэвида, и почтительность, с которой он разговаривал с ней, заставила де Пина саркастически улыбнуться.

Когда Биго и Анна пустились наконец по направлению к замку Гронден, де Пин все еще оставался позади. Дойдя до опушки леса, Анна на прощание махнула рукой Дэвиду. Последний смотрел на нее и улыбался, но в душе у него клокотала буря, которая буквально душила его.

— Вы — счастливый человек, Дэвид, — услышал он голос де Пина и почувствовал его руку у себя на плече. — Вам принадлежит самое прелестное создание, какое я когда-либо встречал в жизни, и вместе с тем вы сумели завоевать дружбу Франсуа Биго. Подобная любовь и такая дружба могут двигать горами. А потому я, Гюго де Пин, бедный мэр города Квебека, иногда говорю себе, что вы, Дэвид, должны были бы немного любить меня за те глупые мои слова, сказанные у пруда, что принесли такие богатые плоды.

Когда интендант и Анна вошли в лес, в котором их окутала теплая нега вечернего воздуха, грусть охватила, казалось, Биго, и он долго шел, храня глубокое молчание. Наконец он чуть рассмеялся и, словно очнувшись, мотнул головой, взял девушку под руку и сжал ее пальцы в своей руке.

— Простите меня, Анна, — сказал он. — Воображаю, что вы могли подумать о человеке, который позволяет себе уноситься в мечтах, когда рядом с ним находится такое очаровательное создание! Как это странно: каждый раз, когда я нахожусь с вами, мне почему-то хочется мечтать и грезить. Вы не догадываетесь, почему?

— Нет, — ответила Анна, испытывая легкий страх в душе.

— Потому что для меня вы являетесь олицетворением и душой Новой Франции. Ваша красота, ваша душевная чистота и ваша любовь к нашей родине вызывают во мне воспоминание о тех идеалах, которые я строил в юности, и к достижению которых я всегда стремился.

В эти минуты непревзойденного комедиантства голос Биго был полон пафоса и искренности, которая невольно проникала в душу человека. Анна не отдавала себе отчета в том, что в сердце у нее зарождается какое-то ответное чувство, и необъяснимый трепет прошел по всему ее телу.

Рука Биго, в которой все еще лежали пальцы девушки, дрожала, и Анна испытывала какое-то восторженное чувство от близости к человеку, в котором она видела символ Новой Франции. Она не могла, конечно, понимать тех низких инстинктов, которые в эти минуты целиком владели душой Биго. Она еле сознавала, что интендант снова взял ее руку, когда она было высвободила ее, и не догадывалась, что в голове Биго теснятся мысли, которые привели бы ее в ужас, если бы она могла их прочесть.

— Жить во имя родины и короля, — говорил придворный лицемер и снова, казалось, забыл о девушке и весь ушел в свои думы, — чего еще может желать человек в этом мире? Я был бы счастлив умереть во имя Новой Франции, лишь бы только быть уверенным в ее безопасности. И это вы, Анна, вы вдохновляете меня и даете мне силы продолжать мою работу.

— Я очень счастлива и горда, если это действительно так, — пробормотала Анна.

— Да, это правда. И Франсуа Биго позаботится о том, чтобы ничто и никто не мог стать между вами и счастьем. Только для того, чтобы сказать вам это, я разочаровал вашего

возлюбленного и попросил у него разрешения проводить вас домой. И, кроме того, мне необходимо посвятить вас в тайну одного дела, которое мне почти страшно открыть вам.

Анна молчала.

— Соболаговолите ли вы выслушать меня до конца, если я начну говорить? — спросил Биго.

— Да, я буду слушать до конца.

— И вы простите меня, если я причиню вам боль своими словами? Вы поверите в искренность моих слов?

Биго не стал дожидаться: он знал, что ей нелегко дать утвердительный ответ. И он тотчас же продолжал:

— Вы, Анна, правдивы, и вы преданы родине. Вам я верю так же, как самому себе. Я знаю, что вы готовы пожертвовать собой во имя Новой Франции. И вот по этой причине я хочу говорить с вами...

Интендант сделал многозначительную паузу.

— ...о Дэвиде и о том, почему я боюсь за него.

— Вы боитесь за него? — воскликнула девушка, и холод прошел по ее спине под действием зловещей нотки в голосе Биго. — Вы хотите сказать, что ему грозит опасность?

— Да. Ему грозит опасность, — подтвердил интендант, глядя прямо перед собой. — Но в этом нет его личной вины, а потому прошу вас, Анна, не пугайтесь так моих слов. Дэвид еще очень молод, и он легко поддался на удочку хитрого заговорщика. Я сильно подозреваю, что в его молодой мозг запали семена, которые я хотел бы с вашей помощью вырвать с корнем раньше, чем они пустят ростки.

Я говорю о роковом и зловещем влиянии того человека, которого вы называете Черный Охотник. К этому человеку, который вырос и был воспитан в среде наших врагов, к этому бездомному бродяге и скитальцу я не чувствую ни малейшего доверия, и меня гложет мысль, что он принимает участие в том подлом и таинственном предательстве, которое сейчас грозит чести и существованию Новой Франции. Одним словом, я подозреваю Черного Охотника.

— Что вы такое говорите, мсье? — в ужасе и негоду воскликнула Анна Сен-Дени.

— Не забудьте, Анна, что я просил у вас прощения за то, что буду так болезненно откровенен с вами. Поверьте мне, что я это делаю только ради Дэвида, и о своих подозрениях я никому, кроме вас, не говорил. Я полагаю, что Черный Охотник — не столько предатель, сколько шпион, хитрости которого мы еще до сих пор не в состоянии были раскрыть. Я знаю, что вы любите его благодаря Дэвиду, но...

— Я... я... — начала было Анна, но сдержалась.

Пальцы Биго крепче сжали ее руку.

— Я сказал, что Дэвид молод, но это еще не все. Он к тому же англичанин. Как согнешь ветку, так она и расти будет, и мы не должны допустить, чтобы этот хитрый человек согнул нашего Дэвида.

— Какой ужас! — вырвалось из груди Анны. — Неужели вы готовы заподозрить...

— Нет, нет! Только не Дэвида! — успокоил ее Биго. — Я готов верить, что его сердцу так же чужды обман и предательство, как и моему, и благодаря именно этой вере, а также благодаря его храбрости я люблю его. Но взгляните, Анна: вот мы проходим по тропинке, по обеим сторонам которой растет крапива. Пусть только притронутся к ней такие чистые, незапятнанные руки, как ваши, и на них тотчас же запечатлеются следы отравы. И вот таким же образом, я полагаю, могут отравить душу молодого человека козни Черного Охотника.

Биго искоса посмотрел на девушку и увидел, что ее лицо было без кровинки. Он слегка засмеялся и заговорил совершенно другим тоном, в котором звучало, однако, торжество.

— О, как я вас напугал, моя маленькая Анна! Я искренне скорблю об этом. Как это жестоко

с моей стороны говорить такие вещи. Ибо, имея вас возлюбленной, а Франсуа Биго — другом, Дэвиду нечего бояться тысячи Черных Охотников! Простите ли вы меня когда-нибудь?

— Сомнение прибавилось к сомнению, — только произнесла Анна тихим голосом, и даже лукавый Биго не мог понять, что она хотела этим сказать.

А вечером, оставшись наедине с маркизом Водреем, Биго заявил ему:

— Теперь капкан окончательно готов. Знаете, Водрей, если бы к вашему уму добавить еще немножечко романтичности, то из вас вышел бы, пожалуй, непобедимый любовник!

Интендант не догадывался, как глубоко запали семена его лицемерия в душу и мозг девушки. Она направилась к себе в комнату, совершенно разбитая душой и телом, и страх перед Черным Охотником охватил ее с большей силой, чем когда-либо.

Впервые в жизни сомнение закралось в душу Анны, когда она задумалась о Мэри Рок и о долгой и таинственной дружбе последней с человеком, повесть которого она недавно узнала. Но почти в то же мгновение, как подозрение успело зародиться, девушка, негодуя на себя самое, отогнала его прочь, ибо, как бы велико ни было предательство Черного Охотника, мать Дэвида не могла в нем участвовать.

Однако слова интенданта, открыто намекавшего, что Питер Джоэль строит, возможно, заговор против Новой Франции через посредство Дэвида и его матери, пользуясь тем, что в ее возлюбленном сказывается кровь его отца, сильно потрясли девушку.

Она схватилась рукой за грудь — так велика была боль, которую вызвали в ее душе эти черные мысли, охватившие все ее существо вопреки ее воле. Она любила мать Дэвида Рока так же безгранично, как могла бы любить родную мать. И она любила Дэвида. Эти два человека до такой степени составляли часть ее самой, что без них она готова была умереть. И Биго подозревал этих людей в таких чудовищных замыслах.

Под предлогом головной боли она не сошла к гостям к ужину, предпочитая остаться у себя в комнате.

Лишь только первые лучи солнца озарили восток, к коттеджу Мэри Рок явился гонец с письмом от Анны. Она просила своего возлюбленного немедленно явиться к ней. И Дэвид не мешкая пустился в путь, снедаемый любопытством и отчасти страхом. Анна дожидалась его в лесу Гронден.

Глаза девушки горели огнем, и лицо ее пылало, когда Дэвид Рок стал приближаться к ней. Она приложила палец к губам, показывая, что нужно быть осторожным и говорить шепотом, — хотя ближайшее жильё находилось на расстоянии ружейного выстрела и везде кругом люди еще спали.

— Не говори никому ни слова, Дэвид! — начала она. — Я придумала чудесный план поездки. Наши гости отправятся лишь после завтрака навстречу новым гостям из Квебека, а мы поедем сейчас же, не дожидаясь остальных.

В девушке снова проглядывала та же прелесть, что и тогда, когда юноша держал ее в своих объятиях на холме среди сумах. И лишь только они углубились в лес, Дэвид снова обнял ее и стал жадно целовать ее губы и волосы, а девушка залилась счастливым румянцем и отвечала на его поцелуи.

А потом они направились к лодке, которую слуга-негр еще накануне приготовил для них, и Анна заняла место напротив возлюбленного, чувствуя себя ребенком в его присутствии.

Дэвид Рок сидел высоко подняв голову, и сейчас он казался Анне еще выше обычного, в лице его было нечто такое, чего она не замечала раньше. Девушка следила за ритмичными движениями рук молодого человека, который ровно работал веслами, любовалась игрой его

юных мускулов на голой руке и испытывала в душе какой-то непонятный для самой восторг. Что удивительного в том, что он поднял и швырнул в пруд интенданта и де Пина, и притом без особого напряжения!

Анна улыбнулась, но вдруг улыбка исчезла с ее лица, и ее брови нахмурились. Какая-то неожиданная мысль внезапно мелькнула у нее в голове — мысль о Нэнси Лобиньер, самой прелестной и самой кокетливой девушке во всем Квебеке.

Дэвид Рок тоже улыбнулся и, не переставая грести, заметил:

— То ты улыбаешься мне, то хмуришь брови. То ты видишь во мне что-то такое, что нравится тебе, а потом вдруг что-нибудь такое, что вызывает в тебе недовольство.

— Я много вижу в тебе такого, что нравится мне, и я невольно задумываюсь снова об этой бесстыдной Нэнси Лобиньер, — откровенно призналась Анна. — Если она сумеет найти в тебе то, что знаю я, и хотя бы одним жестом обнаружит это, то быть беде!

И должно же было случиться, что сама судьба первой послала им навстречу Нэнси Лобиньер, которая сидела в такой позе, что Анна Сен-Дени еще сильнее нахмурила брови.

Не кто иной, как Пьер Ганьон, сидел рядом с Нэнси, которая распустила свои золотые волосы, развевавшиеся при легком утреннем ветерке, и это вызвало немой восторг в глазах Дэвида Рока. И раньше, чем он успел сдержать себя, у него вырвалось:

— Она как будто окружена огненным ореолом!

— Если верить тому, что говорит священник, то она когда-нибудь будет гореть в огне! — отрезала Анна. — Ну кто еще, кроме этой бесстыжей лисы, осмелился бы так распустить свои волосы? — злобным голосом прошептала девушка и в то же время ласково улыбнулась, махая рукой подруге.

Из лодки, плывшей навстречу им, донесся голос Нэнси Лобиньер:

— Если только наши лодки не поторопятся, то я, кажется, кинусь в воду, чтобы скорее обнять тебя, Анна.

Анна Сен-Дени, еще более ласковым голосом крикнула ей в ответ:

— Уверяю тебя, Нэнси, что я не меньше твоего горю нетерпением расцеловать тебя! — И шепотом, который слышал только Дэвид, она добавила: — Если она не заплетет свои волосы, то я их вырву все до последнего!

Совершенно ошеломленный и несколько испуганный, Дэвид Рок ловко причалил к другой лодке, так что Анна и Нэнси могли обнять и поцеловать друг друга, слегка перегнувшись через борт. И. поцелуй, которым они обменялись, был такой горячий, что Пьер Ганьон громко вздохнул.

— Подумать только, сколько «добра» пропадает зря! — воскликнул он. — А я, кому должен был бы достаться такой поцелуй, сижу здесь несолоно хлебавши.

Анна забрала в руки золотые волосы Нэнси Лобиньер, и Дэвид Рок, которому казалось, что она вот-вот рванет их, еле сдержал крик ужаса.

Но его испуг был напрасный. Тем же ласковым голосом Анна обратилась к своей подруге:

— Нэнси, дорогая, позволь тебе представить Дэвида Рока — моего Дэвида Рока.

— Я очень рада — рада и счастлива познакомиться с вами, мсье Рок, — ответила та и сделала реверанс, чуть-чуть приподнявшись на своем сиденье в лодке. — Я много наслышалась о вас и буду не менее Анны рада вашему приезду в Квебек. — А потом, повернувшись к Анне, нежным голосом спросила: — Можно мне звать его Дэвидом, Анна?

— Конечно, — ответила та.

Но когда они разъехались и в отдалении показались еще четыре лодки, Анна чуть слышно прошептала:

— Лицемерка! Как я ненавижу ее!

— Но почему же ты в таком случае пригласила ее сюда? — вырвалось у юноши.

— Потому что до той минуты, когда она заставила тебя так бесстыдно покраснеть, — до той минуты я всегда любила ее, Дэвид Рок!

И с этими словами Анна стала махать платочком веселой флотилии, направляющейся ей навстречу. В каждой лодке, украшенной флагами, цветами и зелеными ветвями, сидело три человека, включая лодочника. В общей сложности Дэвид насчитал десять человек, вместе с Пьером Ганьоном. Лодка, в которой он сидел, подплывала поочередно к лодкам с гостями, и Анна представляла его каждому и каждой в отдельности.

До тех пор, пока они находились на реке, Дэвид чувствовал себя как дома, так как никто не мог поспорить с ним в мастерстве править веслом. Но когда они высадились на берег и Биго, и де Пин, и изящные и нарядные офицеры вышли навстречу гостям, Дэвид стал чувствовать себя не на месте. Он так сильно отличался от этих изысканно одетых молодых людей и прекрасно разряженных дам, которые делали низкие реверансы интенданту, игриво опускали ресницы, улыбались, показывали ямочки на щеках и весело щебетали, между тем как молодой житель лесов стоял и безучастно смотрел на сцену, происходившую перед ним.

Биго, зоркий глаз которого заметил смятение своего протеже, явился к нему на помощь, и Анна готова была обнять его и расцеловать за такт и сочувствие.

Интендант прямою подошел к Дэвиду и, положив одну руку на его плечо, протянул другую руку Анне Сен-Дени.

— Я требую себе это почетное место! — воскликнул он. — С Анной Сен-Дени по одну руку и с лейтенантом Роком по другую. Разрешите вам представить лейтенанта Дэвида Рока, которому я обещал место в генеральном штабе, когда он соблаговолит явиться в Квебек.

— Лейтенант! — в изумлении прошептал Пьер Ганьон.

В то же время он не переставал ласково сжимать пальцы Нэнси Лобиньер, которая уже заплела свои волосы и уложила их узлом на своей прелестной головке.

— Посмотрите только на Дэвида, — прошептала Нэнси, ущипнув руку Пьера Ганьона. — У него ни кровинки в лице, а Анна, кажется, сейчас закричит от радости.

Несколько минут спустя, когда Бито остался с Анной и та со слезами на глазах стала благодарить его, он ответил ей полушутливым, полусерьезным тоном:

— Я надеюсь, что теперь вы немножечко больше будете любить меня... за мою доброту... как вы обещали.

— О! — прошептала Анна. — Я уже люблю вас!

Но внезапно она увидела, что в глазах интенданта загорелся странный огонек.

— Анна, — произнес он тихим, напряженным голосом, — я не думаю, чтобы это было грехом, если я открою вам чистую, святую тайну, которая таится у меня в душе. Я люблю Дэвида и я что угодно сделаю для него... потому что... я люблю вас.

И с этими словами он ушел так поспешно, что девушка не успела ни ответить, ни шевельнуться, и сердце ее точно перестало биться в это мгновение.

Целую неделю не прекращались музыка, танцы и пение. Даже в дни съера Грондена в этом замке не видно было столько ярких красок и цветов, ибо в скором времени из Квебека прибыла большая ладья с новыми нарядами и костюмами для гостей. Вечером казалось, что сюда собрался весь цвет Канады, и Дэвид, наблюдавший как безучастный зритель за всем этим весельем, поник головой.

Он лишь изредка появлялся в замке Гронден, несмотря на постоянные просьбы Анны, и на нем всегда был один и тот же костюм из лосиной кожи.

Однажды вечером, стоя в тени старой мельницы, погруженный в глубокое раздумье, Дэвид

услышал возле себя чьи-то голоса. Юноша тотчас же узнал Пьера Ганьона и Нэнси Лобиньер, а несколько секунд спустя он узнал также Луизу Шарметт и одного молодого человека, сына богатого коммерсанта из Квебека. Все четверо прошли в нескольких шагах от юноши, и раньше, чем тот успел показаться, раздался голос мадемуазель Шарметт:

— Куда это девался молодой индеец Анны Сен-Дени? На него так забавно смотреть, что мне буквально недостает его. Видели вы, как он сегодня, словно чурбан, стоял одной ногой на моем платье, и в конце концов мне пришлось попросить его отпустить меня. Я не глядя чувствовала, как покраснела за него Анна...

— Я как раз передавал ей чашку чая, — поддержал ее сын коммерсанта, — и я отвернулся, чтобы она не видела моего смеха.

— Как это мило с вашей стороны, Филипп! — послышался голос Нэнси Лобиньер, звучащий едкой иронией.

— Удивительно мило! — прошипел сквозь зубы Пьер Ганьон.

— Бедная Анна, — все еще лилось с острого язычка Луизы Шарметт. — Что она станет делать в Квебеке с этим деревенским простофилей, который будет вечно плестись за нею? Не понимаю, о чем думает мсье Биго, пытаясь сделать из него джентльмена!

— Я бы просила вас, Луиза, оставить ваши шпильки для кого-нибудь другого, — холодно заявила Нэнси Лобиньер и, взяв Пьера Ганьона под руку, повернулась к замку. — Дэвид Рок мой друг, и я его очень люблю, а потому меня несколько не удивляет, что Анна Сен-Дени такого высокого мнения о нем.

— Bravo! — захолопал в ладоши Пьер Ганьон.

И с этой минуты Нэнси Лобиньер стала для Дэвида Рока самым дорогим существом после матери, Анны и Черного Охотника.

Наступил наконец день, когда гости из Квебека стали готовиться в обратный путь и вместе с ними также Биго со своей свитой. Дэвид вдали от всех попрощался со своей возлюбленной, которая должна была поехать вместе с остальными, и, судя по спокойному выражению его лица, никто не догадался бы, какой холод царил у него в душе.

Нэнси Лобиньер улучила минуту и, нежно глядя на молодого охотника, сказала:

— Я рада, что вы в скором времени будете с нами, Дэвид, и я хотела бы, чтобы после Анны вы думали обо мне. Я почти за величайшее счастье, если вы удостоите навестить меня в Квебеке. Я бы хотела, чтобы вы поверили мне.

— Вполне верю, — ответил Дэвид. — Я стоял в тени старой мельницы в тот вечер, когда мадемуазель Шарметт насмеялась надо мной, и слышал ваш ответ. Я верю, что вы мой друг, и буду счастлив, если когда-нибудь сумею чем-либо быть вам полезен, мадемуазель.

— Скажите «Нэнси», — поправила его девушка. — Этим именем меня называют только несколько самых близких и дорогих друзей. И клянусь вам, что никто отныне не будет моим другом, если он не будет также и вашим другом.

— Вы очень добры ко мне, — ответил юноша.

— И вы обещаете навестить меня, когда будете в Квебеке?

— Уверяю вас, что после Анны мне никого не захочется так сильно увидеть, как вас.

Глаза Нэнси Лобиньер заблестели, и она опустила ресницы.

— До свиданья, Дэвид!

— До свиданья...

— Ну скажите «Нэнси». Ведь вы уже почти сказали.

— До свиданья, Нэнси, — сказал Дэвид, — и спасибо вам за все.

В скором времени все уже сидели в лодках, и последней заняла свое место Анна, которая вырвалась из объятий старого отца и на виду у всех обняла Дэвида и дважды поцеловала его.

Полчаса спустя Дэвид стоял на холме среди сумах, где обычно происходили все его свидания с Анной, и смотрел на лодки, которые уже скрывались вдаль. На сердце у него было тяжело, и необоримая тоска одолевала его. А оттуда, где виднелись точки-лодки, доносились веселые звуки песни.

Вести быстро неслись по лесам поздней осенью 1754 года.

По тропинкам лесной чащи и по рекам спешили гонцы, и белые, и краснокожие, а порой казалось, сам ветер передает об удивительных событиях в Канаде.

Черный Охотник вернулся из Монреаля и принес известие о торжестве французского оружия. Вашингтон сдался у Форта Необходимости, Вилье одержал победу у форта Дюкен, и теперь ни один английский флаг не развевался больше за Аллеганскими горами. А Селерон де Бьенвиль закончил свое изумительное дело: вдоль границы французских владений были на равном расстоянии друг от друга прибиты к деревьям металлические дощечки, на которых красовался щит Франции. Французское оружие и умение обращаться с индейцами одержали победу и вдоль реки Огайо и на равнинах!

В английских колониях в это время Динвиди буквально выходил из себя, так как ассамблея квакеров не желала оказывать сопротивление неприятелю на севере и на западе. Политика британских губернаторов приводила к тому, что все больше и больше индейских племен отходило от них; несмотря на то, что в колониях проживало полтора миллиона англичан и лишь семьдесят тысяч французов, Динвиди не переставал требовать помощи из Англии.

И в ответ на его призыв Англия отправила армию под предводительством генерала Браддока.

Эти вести горячо занимали Дэвида Рока и вызывали в нем все больший трепет по мере того, как приближался день отъезда в Квебек. Он подробно написал Анне обо всем, что происходило на юге, и о том, что передавалось на реке Ришелье, и через десять дней получил ее ответ.

«То, о чем ты пишешь, так ничтожно по сравнению с теми великими событиями, которые должны раньше или позже разыграться в истории Новой Франции, — писала она. — И когда эти страницы истории начнут разворачиваться, я бы хотела, чтобы ты был готов занять место, которое ты заслуживаешь. Я уверена, что у тебя нет никаких резонов дольше откладывать поездку в Квебек».

Она также писала, что ему, наверное, приятно будет узнать, что интендант дважды возил ее кататься по дороге Сентфуа вместе с прелестной мадам де Лери и с ее супругом, что он оказывает ей исключительные почести, когда бы он ни встречался с ней.

«Здесь все говорят о том, что король собирается послать армию в Новую Францию, и во главе ее будет стоять один из величайших генералов в мире, — заканчивала она письмо. — И я хотела бы, чтобы к тому времени, когда он прибудет, мой Дэвид находился уже в Квебеке».

— Анна совершенно права, мой мальчик, — сказал Черный Охотник. — Пора тебе в путь. Интендант действительно обратил на тебя внимание, и если явится французская армия, то, чем больше ты будешь подготовлен, тем более достойный тебя пост ты займешь в ней. Я тоже решил идти в Квебек вместе с тобой, а оттуда через Шодьер я отправлюсь к английским колониям.

Глаза юноши загорелись радостным огнем, когда он услышал, что Черный Охотник будет сопровождать его. Но почти тотчас же его взор затуманился, радость уступила место разочарованию и страху.

— Я надеялся, что вы останетесь возле моей матери, — сказал Дэвид.

Черный Охотник нежно положил руку ему на плечо и ответил:

— Ты можешь быть спокоен, Дэвид. Хотя меня здесь не будет, твоя мать останется под надежной защитой. Она ни на одну минуту не останется одна, даже когда мы с тобой будем

находиться на расстоянии многих миль отсюда.

— Вы хотите сказать, что эти четыре индейца делавера, которые пришли навестить нашего Козебоя, останутся здесь?

Черный Охотник утвердительно кивнул головой.

— Да, они останутся здесь до конца. Каждый из них верен мне по гроб, а в храбрости они не уступят пантерам. Твоя мать уже знает, что они остаются с ней, а сегодня утром я сообщил об этом старому барону, и он тоже позаботится о ней — так что тебе совершенно не о чем беспокоиться.

— А вы... вы тоже хотите, чтобы я уехал?

— Я полагаю, что это лучше всего для тебя, — тихо ответил Питер Джоэль. — Хотя не скрываю, что у меня на сердце, как и на сердце твоей матери, будет пусто после твоего отъезда.

— Почему вы хотите, чтобы я поехал в Квебек? — спросил Дэвид. — Почему вы все на этом настаиваете, когда мое сердце и все, что мне дорого, остается здесь? Меня нисколько не влечет та слава, которую мне сулят там, я даже боюсь тех обещаний, которые надавал мне интендант. Я хочу только остаться в этих лесах и защищать их от англичан и их жестоких союзников, если они осмелятся прийти сюда.

— Твой язык передает лишь часть того, к чему стремится твое сердце, Дэвид. И весьма незначительную часть к тому же. Ты больше всего на свете хочешь быть с Анной.

Дэвид опустил голову и тихо произнес:

— Это правда.

— И ради Анны ты должен поехать в Квебек, — продолжал Черный Охотник с такой нежностью в голосе, что Дэвиду, который стоял, опустив глаза в землю, показалось, что говорит его мать. — Город завладел помыслами Анны, в ней живет сильное желание оставаться там, и это желание, впрочем, так же естественно, как и твоя любовь к лесам, окружающим тебя. Когда-нибудь ты привезешь ее обратно сюда. Ты должен победить! Когда ты достигнешь того, что Анна рисовала тебе, она сама тогда рада будет вернуться в замок Гронден. Ты понял меня, Дэвид? Ты не находишь, что я прав?

— Я много думал в последнее время, и порой меня охватывал страх. Но теперь мне все ясно. Вы действительно правы.

— И ты всегда останешься тем же честным человеком, каким был до сих пор?

— Да.

— И не позволишь большому городу нанести тебе поражение?

— Никогда.

— И всегда будешь хранить в душе ту чистоту, которая составляет часть наших лесов?

— Да, всегда.

— Тогда поезжай, мой мальчик, и наступит день, когда Анна Сен-Дени вернется сюда вместе с тобой.

Серый ноябрь 1754 года тяжело повис над Новой Францией, словно зловещее знамение. Ни разу в продолжение всего месяца не показалось в небе солнце, но в то же время не выпадал и снег, который несколько оживил бы серую мрачную землю.

Среди холода и мрака неслась лодка, в которой Дэвид и Черный Охотник спешили по реке Ришелье к реке Святого Лаврентия, чтобы оттуда пуститься напрямиком к Квебеку. На второй день плавания они вошли в реку Святого Лаврентия, где она расширяется среди островов озера Святого Петра. На третий день они миновали Николет, и вдали показались богатые владения могущественных баронов, населявших земли между тремя реками и Квебеком.

Четвертый день был еще мрачнее предыдущих, и казалось, сплошная тяжелая серая мгла

облекала всю землю. Сумерки уже надвигались, когда Черный Охотник направил лодку к берегу близ леса Силлери. И только тогда он сказал Дэвиду, что дальше сопровождать его не будет.

Час спустя Дэвид направлялся к «Городу на скале», неся на спине котомку со всем своим имуществом и зажав в руке длинную винтовку. Пройдя несколько сот шагов по тропе, которую в течение многих десятков лет утаптывали и бароны, и вассалы, и воины Новой Франции, Дэвид увидел перед собой большой город.

Ночь быстро опускалась, и молодой охотник ускорил шаг. Напрягая зрение, он пронизывал сумерки глазами и, забыв обо всем на свете, не исключая и Черного Охотника, думал только о своей Анне и о ее городе. Вскоре его уже приветствовали освещенные окна, и через некоторое время он очутился в Нижнем городе. В это время дня на улицах было уже мало народу, и, когда Дэвид Рок проходил по опустевшему городу, эта безлюдность невольно напоминала ему о родных лесах.

Зато позади, за окнами, затянутыми занавесками, он мог видеть уютный, мягкий свет, и оттуда слышался смех, веселые голоса детей и песни. Внезапно до его слуха донесся голос ночного сторожа, охранявшего город от злоумышленников.

— Шесть часов и все благополучно! Мир и закон царят в городе, во имя короля и народа!

Дэвид направился к тому месту, откуда доносился голос, и, когда он поравнялся со сторожем, последний поднял фонарь и посмотрел ему в лицо.

— Здорово, брат! — приветствовал он его. — Длинная винтовка и полный мешок, — откуда ты, из форта или с поста?

— Прямо с реки Ришелье, — ответил Дэвид.

— О, в таком случае ты мужчина! — ответил блюститель покоя и порядка и пошел своим путем.

Продвигаясь в глубь города, юноша вышел на площадь, где раздавались веселые голоса и громкий смех. Это была площадь Нотр-Дам де-Виктуар, и здесь собралась большая шумная толпа. По трем сторонам площади горели огромные плошки, а на небольшом бугре был разложен яркий костер. И при этом зловещем свете молодой охотник увидел невысокий помост, вокруг которого стояло множество людей, на самом же помосте стояли на коленях друг против друга мужчина и женщина, а головы их были просунуты в огромные деревянные тиски.

Дэвид Рок в изумлении остановился и стал глядеть на это необычайное зрелище.

— Что это означает? — спросил он у круглолицего юнца, который заливался безудержным смехом.

— Старуха Гарен украла серебряную ложку, а ее муж сплавил краденое. Вот они оба выставлены здесь на потеху. И должен вам сказать, что они счастливо отделались, ибо ложка была украдена из частного дома, и закон мог бы обоих повесить за это.

Несколько поодаль от себя Дэвид Рок заметил небольшую компанию, державшуюся в стороне от толпы. Там стояло трое офицеров и с ними три нарядно одетые дамы в шелковых масках. Все они громко смеялись, и видно было, что зрелище доставляет им огромное удовольствие. Эта компания до такой степени напомнила юноше недавних гостей, которых он видел в замке Гронден, что он подошел ближе и стал всматриваться в них. Один из офицеров, человек с высокомерным и тупым лицом, заметил его.

— Черт тебя возьми, кто ты такой и чего тебе надо? — крикнул он.

Захваченный врасплох, Дэвид ответил:

— Я ищу монастырь Святой Урсулы. Я был бы вам очень признателен, если бы вы указали мне дорогу.

Офицер повернулся к нему спиной и обратился к своим дамам:

— Если бы я не боялся, что зловоние его крови отравит воздух, я проткнул бы его клинком

за то, что он осмелился так смотреть на вас.

Дамы весело захихикали.

Весь кипя от бешенства, Дэвид Рок сделал было шаг вперед, но в это время чья-то рука, сильная и твердая, дружески легла на его рукав.

— Обождите, мой друг, — услышал он тихий и ласковый голос. — Я вам покажу дорогу к монастырю.

И раньше, чем Дэвид успел оказать сопротивление, эта рука потащила его за собой и увела подальше от толпы.

— Если ваша кровь такая же гнилая, как кровь капитана Талона, и вы намерены проливать ее из-за него, то она, я бы сказал, никуда не годится! — продолжал тот же голос. — Я только недавно вернулся из Монреаля, где этот негодяй осушил все источники пороков. Он убил шесть человек и не задумываясь убьет еще одного, чтобы доставить удовольствие своим дамам, которые явились наслаждаться этим зрелищем. Меня зовут Пьер Кольбер, и «длинные винтовки» из пограничных лесов — мои друзья.

— Благодарю вас, — ответил Дэвид. — Меня зовут Дэвид Рок, и я живу в сеньории Сен-Дени на реке Ришелье.

— Бравые люди живут там, — сказал Пьер Кольбер. — Я торгую мехами и скупаю их непосредственно у индейцев. Пойдемте со мной. Ночь темна, и для того, чтобы увидеть монастырь Святой Урсулы, нужно подняться на высокий холм.

Они пустились в путь, и почему-то Пьер Кольбер снял шапку. И тогда Дэвид Рок заметил нечто такое, от чего возглас изумления сорвался с его губ. Как раз над ухом торговца мехами начинался рубец, который шел вокруг всей головы, и над этим рубцом не было ни малейшего признака ни волос, ни кожи.

— Знамение времени, мой друг, — сказал Пьер Кольбер, и его голубые глаза весело сверкнули. — Индейцы-сенеки заполучили меня лет двенадцать тому назад и сняли мой скальп, но этого было недостаточно, чтобы убить меня. А в былые дни и я сам не расставался с длинной винтовкой, и потому рад каждому, кто является в Квебек из пограничных лесов. Вот сейчас мы начнем подниматься на холм. Вы, я полагаю, никогда раньше не были здесь?

— Никогда, — признался Дэвид.

— В таком случае позвольте вам сказать, молодой человек, что это несколько необычно справляться о монастыре Святой Урсулы в такой час ночи.

— Я только хотел было издали взглянуть на него, — ответил Дэвид, и лицо его залилось краской. — Там учится мадемуазель Сен-Дени — моя невеста.

— О! — произнес Пьер Кольбер, тяжело дыша, так как они уже начали подыматься в гору. — Вы кого-нибудь знаете здесь?

— Да, многих, — ответил Дэвид Рок. — Интенданта Биго, и маркиза Водрея, и Гюго де Пина, и Пьера Ганьона, и, наконец, мадемуазель Нэнси Лобиньер.

— Черт возьми! — тихо произнес Пьер Кольбер и как-то странно посмотрел на юношу. — Вот здесь в таком случае находятся ваши друзья, — сказал он, указывая на дворец (во много раз больше замка Гронден), окна которого ярко горели в глубоких сумерках. — Сегодня понедельник, и там заседает Верховный Совет. Это губернаторский замок, обитель вице-королей Канады, и в настоящую минуту Дюкен сидит за столом, по правую руку его — епископ, по левую — интендант, а вокруг них сидят советники, занимая место по старшинству. Не собираетесь ли вы отдать им визит сегодня?

— Нет, — просто ответил Дэвид Рок, не замечая подозрительной интонации в голосе спутника. — Я не стану их сегодня беспокоить.

Пьер Кольбер посмотрел на молодого человека, разинув рот от изумления.

— Убей меня Бог! — воскликнул он. — Вашей выдержки хватило бы на десятерых лесных жителей с реки Ришелье! Пойдемте дальше. Монастырь Святой Урсулы расположен там, а я живу, вот тут, на Рю-де-Повр. Я пригласил бы вас разделить со мной трапезу, но какое дело другу губернаторов и интендантов короля до простого смертного, вроде меня.

— Вы ошибаетесь, я счастлив буду принять ваше приглашение, — с улыбкой ответил Дэвид, догадываясь наконец, что его проводник сомневается в правдивости его слов.

— В таком случае вы пойдете со мной?

— Если вы разрешите и если вы будете достаточно снисходительны к такому лжецу, каким я кажусь вам.

— Черт меня возьми, я начинаю уже любить вас! — воскликнул Пьер Кольбер. — Я готов поклясться, что у вас побольше найдется о чем рассказать, чем у меня. Но вот и монастырь, в котором живет ваша возлюбленная.

Дэвид Рок почувствовал, что какой-то клубок подкатил к его горлу, и он с трудом проговорил:

— Не можете ли вы мне указать, где находится монастырская школа, мсье?

— Вот, — ответил Кольбер, — там, где виднеется свет. Обождите-ка минутку! Там кто-то движется... Я вижу двух слуг с фонарями... А в глубине справа стоит экипаж. Ха! Юбка и сабля! Очевидно, по специальному предписанию власть имущих, если только не бегство!

Как раз в это время один из слуг поднял фонарь, и при тусклом свете его Дэвид Рок различил лица людей, занимавших места в экипаже. Юноша издал заглушенный крик, и почти одновременно слова Пьера Кольбера подтвердили, что глаза не обманули его.

— Мсье Биго! Интендант Новой Франции собственной персоной, или пусть меня разразит гром! И с ним...

— ...мадемуазель Сен-Дени, — закончил за него Дэвид Рок совершенно спокойным голосом. Но на душе у него был лед. — Мсье, — продолжал он, — вы были очень добры ко мне. Я хочу просить у вас еще об одной милости. Вполне возможно, что мне все же придется сделать еще сегодня визит во дворец интенданта. Но сейчас я прошу об одном: укажите мне путь к дому Нэнси Лобиньер.

Пьер Кольбер ничего не ответил и повел юношу по улице, спускавшейся вниз. Вскоре он круто завернул на улицу Святого Людовика и остановился на углу.

— Я дальше вас провожать не буду, — сказал он. — Отсчитайте десятый дом налево, и там живет Нэнси Лобиньер. Только смотрите не ошибитесь и не попадите в одиннадцатый — там живет красotka Анжелика де Пин, жена человека, которого вы, кажется, знаете, и она же *chefe amie* интенданта. Между прочим, она также получила воспитание в школе монастыря Святой Урсулы, что не мешает ей, однако... Очевидно, наш уважаемый мэр де Пин у себя дома... Когда вы закончите свои дела и все еще будете нуждаться в теплой постели и сытном ужине, спросите кого угодно, где живет Пьер Кольбер. Мой дом стоит неподалеку от статуи Иоанна Крестителя. Но если даже вы не придете сегодня и вам понадобится друг завтра, то вспомните, что я когда-то был оскальпирован сенеками. В моем сердце всегда найдется уголок для «длинных винтовок». Доброй ночи, друг Дэвид.

— Доброй ночи, Пьер Кольбер!

Юноша повернул обратно и снова направился к площади Нотр-Дам-де-Виктуар. Прокладывая путь сквозь туман и слякоть, он не переставал спрашивать себя, куда это могла ехать Анна в такой поздний час в обществе интенданта. Как это возможно, что, вопреки строгим правилам монастырской школы (как Анна сама неоднократно рассказывала), ей разрешили ночью выйти из монастыря? И что означали слова Пьера Кольбера «по особому предписанию власть имущих?»

Внезапно Дэвид Рок услышал позади себя скрипение колес. Он быстро обернулся и узнал экипаж, в который незадолго перед этим Биго помогал сесть Анне Сен-Дени. Экипаж остановился, кучер соскочил и открыл дверцу, и оттуда, гремя саблями, вышло двое мужчин — Анны не было с ними!

Юноша крепко зажал винтовку в руке и, не обращая внимания на окрик часового, направился напрямиком к двери, в которой скрылись люди, приехавшие в экипаже.

— Полегче, паренек! — крикнул часовой, загораживая ему путь. — Куда ты так спешишь? И что означает твоя длинная винтовка здесь, у дверей губернаторского дома?

— Я только что пришел с реки Ришелье, и мне нужно немедленно увидеть интенданта. Я хотел бы знать, дома ли он?

— А если даже так — тебе что до этого? Ну-ка, проваливай живее!

— Но если он здесь, и мадемуазель Сен-Дени с ним...

Но часовой не дал ему докончить.

— Если даже мсье Биго и находился в обществе мадемуазель, кто бы она ни была, то я не думаю, чтобы он стал привозить ее сюда на заседание Верховного Совета. Но теперь я понимаю, мой милый мальчик, почему его так долго не было, ха-ха-ха! Ну, что же, пожелаем ему счастья. А теперь, шевели ногами: тридцать секунд по часам — максимальный срок, что разрешается чужим останавливаться у дворца.

Дэвид Рок не стал вступать в пререкания. Сердце его ныло от какой-то тупой боли, а кровь бурлила в жилах. Он продолжал бродить во мраке и слышал, как сторож выкрикивал часы. Он снова прошел мимо монастыря, но там уже погасли все огни. Сердце его больно сжалось.

Внезапно молодой охотник принял какое-то твердое решение, и через несколько минут он уже снова находился на углу улицы Святого Людовика, где лишь недавно распрощался с Пьером Кольбером. Он тотчас же принялся отсчитывать дома по левую руку от себя и остановился возле десятого.

Это было большое красивое здание с высоким крыльцом, и оно стояло несколько в стороне от улицы. Над дверью горел большой фонарь, освещавший почти половину фасада. Дэвид Рок слышал голоса, доносившиеся изнутри, и в его сердце взыграла надежда. Голоса эти принадлежали Нэнси Лобиньер, Луизе Шарметт и какому-то мужчине. Возможно, что Биго именно сюда проводил Анну, — пронеслось в мозгу юноши.

Молодой человек быстро взбежал по ступенькам крыльца, и как раз в эту минуту дверь отворилась, и оттуда вышли три дамы в сопровождении трех кавалеров. Дверь затворилась за ними раньше, чем кто-либо успел заметить Дэвида. Последний стоял белый, как привидение, при тусклом свете фонаря и совершенно неподвижный, словно изваяние. Его Анны не было с ними!

В мужчинах он тотчас же узнал офицеров, которых он встретил раньше на площади, и среди них стояла Нэнси. Лобиньер под руку с капитаном Жаном Талоном!

Нэнси Лобиньер вдруг заметила его и, испустив радостный крик, который огнем прошел по всему телу юноши, оставила капитана и подбежала к Дэвиду Року. Ее глаза сверкали, а на прелестном личике светилась радостная улыбка — такую улыбку Дэвид надеялся увидеть на лице своей возлюбленной. Нэнси схватила его мокрую руку обеими руками, затянутыми в перчатки, и крепко пожимала ее. Присутствовавшие глядели с изумлением на эту сцену, за исключением капитана Талона, смуглое лицо которого еще больше потемнело.

— Дэвид! — воскликнула Нэнси. — Дэвид Рок! Это вы? После того, как вы снились мне прошлой ночью! После того, как я не переставала думать о вас, в продолжение всего дня! О, как я рада, что вы пришли! Как я рада, что вы сдержали свое обещание! И подумать только, — еще одна минута, и я ушла бы из дому!

Нэнси порывисто повернулась к своим друзьям.

— Это — Дэвид Рок, — представила она его. — Лейтенант Дэвид Рок, о котором я вам столько рассказывала.

Она поочередно назвала все пять имен, — но Дэвид запомнил лишь одно из них — капитан Жан Талон.

Последний криво усмехнулся и с ехидной улыбкой, которую подметил только Дэвид, спросил:

— Лейтенант Рок? А какого полка, разрешите узнать.

— О, — ответила за него Нэнси Лобиньер, — это пока наш маленький секрет. А вы, капитан, должны будете сегодня простить меня — лейтенант Рок мой долгожданный гость, и я горю желанием узнать вести, которые он принес с Ришелье. Милый Дэвид, я сейчас же отведу вас к себе и устрою вас возможно уютнее.

Капитан Талон что-то злобно промычал сквозь зубы, а Дэвид Рок, открыто усмехаясь, посмотрел на него и сказал:

— Мне искренне жаль, Нэнси, что вы лишаете капитана Талона вашего общества.

— Капитан должен будет простить меня, — снова решительным тоном заявила Нэнси. Затем она опять повернулась к Дэвиду: — Ваши руки холодны как лед, вы насквозь пропитаны этим противным туманом и, наверное, сильно устали. Как это глупо с моей стороны, что я стою здесь, когда давно уже должна была бы бежать с вами к камину!

И, не теряя ни секунды, Нэнси Лобиньер постучала молоточком в дверь, которая быстро открылась перед ней; еще раз извинившись перед друзьями, девушка повела своего гостя наверх.

Не давая Дэвиду опомниться, она усадила его в глубокое, мягкое кресло у камина, в котором горели огромные смолистые поленья. Она кого-то окликнула, и тотчас же вошли два негра; один взял у молодого охотника его шляпу и котомку, а другому Нэнси отдала свою собственную накидку, шляпу и перчатки. Когда слуги вышли, она подошла к юноше и протянула ему обе руки.

— О Дэвид, как я рада, что вы пришли! Так рада, что если бы не Анна, то я, пожалуй, расцеловала бы вас. И возможно, что я так и сделаю, если только вы не будете иметь что-либо против.

И раньше, чем юноша успел ответить или даже подумать, Нэнси быстро поднялась на цыпочки и протянула ему свои губы. Это случилось так неожиданно, и так заманчиво выглядел румяный ротик красотки, что Дэвид поцеловал его. Он не отказался бы от этого поцелуя, если бы даже ему грозила смерть!

— Я дала себе слово, что сделаю это, Дэвид Рок! — воскликнула Нэнси, отходя от него, и прелестное личико ее залилось румянцем. — Я должна была это сделать после того, что мне снилось прошлой ночью. Но могу вас уверить, что, кроме вас, только один человек в мире целовал меня за всю мою жизнь. Вы, наверное, разочарованы во мне, Дэвид, или шокированы, а может быть, даже огорчены моим поступком?

— Я бы не отдал назад этого поцелуя ни за какие блага!

Он с удивлением отдавал себе отчет в том, что с полным спокойствием смотрит в прекрасные глаза Нэнси Лобиньер. Он говорил твердым и уверенным голосом, и Нэнси теперь обратила внимание на какое-то особенное выражение его лица, чего она не заметила сразу. Сильная тревога отразилась в ее глазах, когда она снова заговорила:

— Дэвид, я уверена, что у вас есть что сказать мне. Давайте придвинем оба кресла сюда к камину, пока нам приготовят ужин. И, пожалуйста, начните с самого начала — с милой Мэри Рок, и старого барона, и Черного Охотника, и забавного, умного старого мельника Фонблэ и не скрывайте от меня ничего, а не то я сама прочту в ваших глазах то, что останется

недосказанным.

— Зачем вы меня поцеловали? — спросил внезапно юноша.

— Потому что вы мне очень нравитесь, Дэвид! — спокойно ответила Нэнси.

Она сидела, опершись подбородком о ладонь, и пристально глядела в огонь.

— А не потому, что вы... вы чувствуете жалость ко мне? Не потому, что я деревенский простофиля, как говорила про меня мадемуазель Шарметт?

— Вы самый мужественный человек на свете, Дэвид, за исключением лишь одного — и это Питер Джоэль, Черный Охотник.

— Вы знаете его? — воскликнул юноша и чуть не привскочил с места.

— Я очень люблю вашу мать, Дэвид, и мне кажется, что она меня тоже немного полюбила. Я бы сказала, что она сумела глубже заглянуть ко мне в сердце, чем кто-либо другой до сих пор, и, пожалуй, этим, объясняется то, что я поцеловала вас. Вы мне стали очень близки благодаря вашей матери, Мэри Рок. Она вошла ко мне в сердце и заняла там уголок, который навсегда останется для нее. Она передала мне повесть Черного Охотника, и я люблю его за все то, что он сделал.

Услышав ее слова, молодой охотник вдруг захотел прижаться лицом к золотистой головке девушки, чтобы выразить ей свою благодарность.

— Как жаль, что Анна совершенно иначе думает об этом, — сказал он. — Она боится его, не доверяет ему и даже ненавидит.

— А между тем она должна была бы любить его ради вас! — удивилась Нэнси Лобиньер. — Эти четырнадцать дней и четырнадцать ночей, что он шел через леса, неся вас на руках...

Девушка слегка вздрогнула и умолкла. Внезапно она подняла глаза на юношу и заметила, что его глаза буквально горят.

— Но вы мне еще не начали рассказывать всех новостей, Дэвид, — сказала она с улыбкой. — Пожалуйста, начните скорее и не пропускайте ни одной детали. Я хочу знать все, что случилось с вами до той самой минуты, пока вы дошли до этой двери.

Мало-помалу Дэвид начал чувствовать, что отходит и душой и телом. Теперь, когда не было с этой девушкой никого, кроме молодого охотника, она сумела в несколько минут обнажить свою душу и сделаться его другом — таким другом, словно он знал ее много лет. Если она и заслуживала репутацию кокетки, то ее искренность и врожденная доброта скрывали от юноши этот маленький недостаток. Если ее красота давала обильную пищу ревнивым и завистливым языкам, то Дэвид вовсе не хотел верить всем сплетням. То обстоятельство, что она стояла, опираясь на руку капитана Галона, несколько не умаляло ее достоинства, а поцелуй, которым она наградила его, Дэвида Рока, не внушал ни малейшего подозрения насчет ее намерения. У юноши было такое ощущение, словно он вдруг нашел надежное пристанище.

Он не стал рассказывать ни о своем приходе в Квебек, ни про неожиданную встречу с Анной, а начал, как просила Нэнси, с замка Гронден. В лице девушки отражались его собственные переживания, по мере того как он рассказывал. Ее сочувствие и умение быстро вникать во все вливали радость в его сердце, и понемногу стало испаряться то чувство разочарования, которое охватило недавно его душу.

Только однажды Нэнси Лобиньер прервала его и достала письмо, которое его мать написала ей.

«Что-то такое в моей душе говорит мне, что вы, так хорошо знакомая с Квебеком, не оставите без внимания моего мальчика и присмотрите за тем, чтобы с ним ничего не приключилось. Вы старше Анны и сумеете быть большой поддержкой для Дэвида, если захотите...»

— Таким образом, Дэвид, вы видите, что немного принадлежите мне, — сказала Нэнси. —

У меня есть много общего с Анной: и у меня нет матери, и я тоже ее не помню. Но зато я буду матерью для вас... и для Пьера Ганьона.

Дэвид рассказал ей про свою встречу и знакомство с Пьером Кольбером и о том, что случилось ему видеть у монастыря при свете фонаря.

— Куда бы могла Анна ехать в такой час с интендантом? — спросил он, закончив рассказ. — Я теперь упрекаю себя за то, что не окликнул их.

— И тем не менее я вполне понимаю, почему вы этого не сделали, — медленно произнесла Нэнси, все еще глядя в огонь. — В этом было много необычайного... ночью, с Биго... Я не люблю его, Дэвид. Я открыто признаюсь в этом, несмотря на то, что Пьер Ганьон надо мной смеется и не перестает твердить мне про золотые горы, которые интендант сулит вам. Я не доверяю этому человеку. Но надо полагать, что у Анны была какая-то цель, если она согласилась ехать с ним в такой поздний час, — и, наверное, благая цель. И будем надеяться, что завтра мы узнаем об этом. Я нисколько в этом не сомневаюсь.

Она долго сидела, не произнося ни слова, скрыв рукою лицо от Дэвида. А потом она просияла и с радостной улыбкой повернулась к нему:

— Дэвид, я все это время от вас кое-что скрывала. Я ждала, пока настанет подходящая минута, чтобы рассказать вам. Я знаю, что это будет неприятно вам. Я уже больше не пользуюсь доверием Анны. Мы с ней поссорились.

Дэвид Рок в изумлении уставился на нее, не будучи в состоянии произнести хотя бы одно слово.

— И ссора произошла, главным образом, из-за Биго и... из-за вас, — продолжала Нэнси. — Я презираю Биго и не доверяю ему. Анна любит его и так безгранично верит ему, что во мне это вызывает возмущение. Я знаю, что этот человек представляет собой, а Анна почему-то считает его душой Новой Франции. Я откровенно сказала ей все, что я думаю о нем, и она была взбешена. Я посоветовала ей увезти вас обратно в замок Гронден, а она ответила, что во мне говорит ревность. Я пыталась уверить ее, что во мне говорит только желание видеть вас обоих счастливыми, а она крикнула, что я задалась целью полонить вас в свои сети и что поэтому я так бесстыдно распустила волосы в лодке. Я не выдержала и ответила, что в то время я нисколько не думала о вас, а теперь, пожалуй, буду... Это совершенно вывело ее из себя.

Вот и все, Дэвид. Но, в общем, прелестная ссора. Когда мы встречаемся, мы так нежно воркуем, — когда при этом есть кто-нибудь, — что, наверное, со стороны любо смотреть на нас. Но всего более странно, Дэвид, следующее: несмотря на то, что мы с Анной как будто смертельные враги, я люблю ее больше, чем когда-либо раньше, я убеждена, что и она не меньше любит меня. Недурная путаница, как вы думаете?

Дэвид Рок не успел ответить. В дверь постучали. Вошел черный слуга и подал Нэнси маленький конверт. Девушка только быстро взглянула на него и протянула его своему гостю.

— Это вам, Дэвид, — сказала она, и в ее голосе звучало изумление. — Вы меня простите на несколько минут; пока вы будете читать, я пойду узнаю, что с вашим ужином.

Неуклюжими пальцами юноша вскрыл конверт и прочел:

«Мсье Рок! Я пишу для того, чтобы сказать вам, как я счастлива от сознания, что вы проводите ваш первый вечер в Квебеке в обществе моего лучшего друга Нэнси Лобиньер. Если вы улучите минутку, чтобы навестить меня, я буду рада сказать вам все, что я думаю о вас в связи с тем изумительным зрелищем, которое представилось нашим взорам, моему и мсье Биго, когда мы проезжали мимо дома Лобиньер. Разрешите вам посоветовать в следующий раз, когда вы повторите ваши поцелуи, не стоять между занавесом и освещенной комнатой.

Анна Сен-Дени».

Руки юноши бессильно опустились. Не успел он дать себе отчет в прочитанном, как в дверь

снова постучали.

Глава IV. ПОЦЕЛУЙ НЭНСИ ЛОБИНЬЕР

То, что произошло в течение ближайших нескольких минут, навсегда запечатлелось в памяти ошеломленного Дэвида. У него было такое ощущение, словно ему нанесли страшный удар, который одновременно оглушил его и душевно и физически. Тот факт, что Анна видела, как он целовал Нэнси Лобиньер; мысль о том, что означало для Анны это открытие; сознание, что теперь между ними разверзлась пропасть, — все это отняло у него способность говорить и логично мыслить.

Он сперва было привстал, а потом снова опустился в глубокое кресло и вдруг заметил, что в одном конце комнаты стоит Нэнси Лобиньер, а в другом — Пьер Ганьон.

Несмотря на свое состояние, Дэвид отдавал себе отчет в том, что Пьер, его друг Пьер, сильно возбужден и чем-то встревожен; тем не менее он продолжал сидеть, не шевеля ни одним мускулом, все еще держа в руке письмо Анны Сен-Дени.

Нэнси протянула Пьеру обе руки, так же приветливо, как раньше своему гостю с Ришелье. Радостная улыбка мелькнула было на ее губах, но внезапно она обратила внимание на выражение лица Пьера Ганьона.

Было очевидно, что он долго бежал. Дыхание с шумом вырывалось из его груди. Пуговицы его изящного кафтана не были застегнуты, на нем не было галстука, а в глазах у него было столько же отчаяния, сколько растерянности во всем облике.

— Где Дэвид? — спросил он первым делом, обращаясь к Нэнси и сверкая глазами.

Нэнси указала ему на кресло, в котором сидел Дэвид Рок с выражением безнадежности в лице. Молодой охотник поднялся навстречу своему другу, и тот сейчас же подбежал к нему. Он заметил скомканный лист бумаги в руках Дэвида, и усмешка скривила его губы. Он протянул молодому охотнику другой листочек бумаги, на котором Дэвид прочел:

«Дорогой Пьер! Я умираю. Приходите скорее к Анжеле Рошмонтье.

Анна Сен-Дени».

Листочек бумаги выпал из рук Дэвида. Анна умирает! Кровь застыла в его жилах! Пьер поднял листок, взял из рук Дэвида второе письмо и подал оба Нэнси Лобиньер. Та прочла сперва письмо к Дэvidу, затем послание к Пьеру и, к великому ужасу, негодованию и изумлению обоих молодых людей, она весело расхохоталась.

— От чего она умирает, Пьер? — спросила она.

— От разбитого сердца! — бешеным голосом крикнул тот. — Когда я пришел к ней, она тотчас же отправилась перехватить гонца, с которым она послала это письмо Дэvidу. Она раскаялась в своем поступке тотчас же после того, как гонец ушел. Анна — чудная девушка, вот что! А вы...

— Мне очень жаль, Пьер, — с ласковой улыбкой ответила Нэнси. — Но им не следовало заглядывать ко мне в окна. К тому же, каким образом Анна узнала, что это был именно Дэвид?

— Потому что она видела его с вами, когда вы стояли в обществе капитана Талона и его друзей.

— О! И тогда Биго, конечно, остановился или, возможно, даже повернул назад, чтобы посмотреть, не случится ли что-нибудь интересное.

— Этого я не знаю. Она даже не позволила мне остаться достаточно времени, чтобы я мог толком все узнать. Она хочет скорее видеть Дэвида. Где его шапка?

— Но он еще не ужинал, Пьер, — запротестовала Нэнси. — И, помимо того, я хочу познакомить его с моим отцом, который через полчаса будет, наверное, здесь. Что же касается Анны, то пусть она немножечко поплачет, — это ей принесет пользу: слезы, я заметила, ей

очень к лицу.

Нэнси, ласково улыбаясь, глядела на Пьера Ганьона, который чувствовал, что горло его конвульсивно сжимается. Не обращая на него внимания, девушка повернулась к Дэвиду и взяла его холодные пальцы в свои теплые руки.

— Вы очень спешите, Дэвид? Вы хотите скорее увидеть Анну, не правда ли?

— Да, — ответил юноша. — Я должен спешить.

— И у вас не останется злого чувства против меня?

В глазах Нэнси светился лукавый огонек, которого не видел Пьер Ганьон.

— Вы — мой лучший друг, — ответил Дэвид. — Я только жалею...

В глазах Нэнси выразилось еще больше нежности, когда она убедилась, что ее гость не решается закончить фразу. Что же касается Пьера, то она, казалось, совершенно забыла про него.

— Настанет день, Дэвид, когда вы не будете жалеть — ни о том, что поцеловали меня, ни о том, что Анна увидела нас в окне. В скором времени вы сами признаетесь мне, что рады этому. А пока что я хочу, чтобы вы безгранично верили мне, и помните также, что я сказала вам сущую правду: до сих пор я никогда так не целовала ни одного мужчину — кроме одного.

Было очевидно, что последние два слова предназначались главным образом для ушей Пьера Ганьона.

— И эти два поцелуя, Дэвид, я не взяла бы назад, если бы даже могла. — Нэнси круто повернулась и воскликнула: — Милый Пьер!

Не обращая внимания на ярость, светившуюся в глазах последнего, она снова поднялась на цыпочки и быстро поцеловала его. В следующее мгновение она уже исчезла за дверью, и молодые люди услышали, что она беспечно поет какую-то песенку.

— Черт меня возьми! — сорвалось с уст Пьера Ганьона, и после этого вплоть до дома Анжелы Рошмонтье он не произнес ни одного слова.

Когда они подошли к дому Рошмонтье, Пьер сказал:

— Теперь я покину тебя, Дэвид. И когда ты освободишься, Анжела пошлет кого-нибудь из слуг, чтобы указать тебе, где я живу.

И, даже не попрощавшись со своим другом, Пьер Ганьон повернул назад и скрылся.

Анжела Рошмонтье сама открыла дверь Дэвиду и сказала:

— Я очень рада, что вы пришли. Я не знаю, что такое случилось с Анной, но, должно быть, что-то страшное. Я очень рада, что моих родителей нет дома, а то не обошлось бы без расспросов. Пройдите в мою спальню — она там.

В течение нескольких секунд Дэвид стоял перед дверью, не решаясь шевельнуться. Наконец он поднял руку и постучал — один раз, второй, третий... Никакого ответа. Только тогда, когда он еще громче постучал в четвертый раз, изнутри послышался звук, походивший на заглушенные рыдания.

Юноша тихо открыл дверь и просунул голову и плечи. В комнате горели две свечи. Напротив него у стены стояла кровать, покрытая белоснежным покрывалом, а налево, у другой стены, стоял маленький шелковый диванчик. В середине комнаты красовалось огромное кресло, обитое плюшем, — в нем могли бы свободно поместиться два человека. И на полу перед креслом, положив голову на сиденье, лежала Анна Сен-Дени.

Дэвид Рок услышал ее рыдания, и только он вошел в комнату, как раздался тихий, надорванный голос:

— Он пришел, Анжела?

— Это не Анжела, Анна, — это я.

Девушка вскочила и, словно маленькая фурия, подбежала к нему.

— Вы?! — крикнула она. — Вы, здесь? В спальне Анжелы? Как вы смели войти сюда, Дэвид Рок?

— Анжела сама послала меня сюда.

— Я не верю вам! — крикнула она. — Анжела не стала бы осквернять своей спальни вашим присутствием!

Ужас безнадежности придал духу несчастному молодому человеку, и он тихо произнес:

— Я искренне жалею, Анна. Я жалею о том, что все так случилось. Жалею, что я приехал в Квебек, что видел вас ночью вместе с Биго... И жалею о том, что так огорчил вас.

— Огорчили меня! — крикнула Анна, отбрасывая назад волосы. — Неужели вы думаете, Дэвид Рок, что вы могли бы огорчить меня? После того, как я узнала, кто вы такой! О, вы ошибаетесь, мсье! Я не огорчена, это вовсе не то!

Она подошла к нему почти вплотную и пылающими глазами посмотрела на него.

— Но это унижение! Унижение от сознания, что Нэнси Лобиньер добилась того, чего ей хотелось, хотя она все время притворялась, будто все это лишь шутка! А теперь я рада, рада, рада тому, что она это сделала! Она доказала мне, какой вы низкий человек, вопреки всему тому, что я хотела думать о вас. О, это унижение! Оно меня с ума сводит! Что скажет Биго? Что скажут все другие? Как я ненавижу ее! И вас я тоже ненавижу и никогда больше не хочу вас видеть!

А потом случилось самое неожиданное. Дэвиду казалось, что земля разверзлась у него под ногами. Анна кинулась на него с кулаками, и юноша закрыл глаза, дожидаясь, что вот-вот грянет последний удар...

Но руки девушки не нанесли удара. Дэвид Рок почувствовал, что эти самые руки обвили его шею и на груди у него лежит голова Анны; теперь девушка рыдала, уже несколько не скрывая, что ее сердце разбито. И, к изумлению своему, он услышал:

— О, прости меня, Дэвид! Ради Бога, прости! Нет, нет, нет! Я не ненавижу тебя! Я люблю тебя! И мне ровно никакого дела нет до того, что скажут люди, пока ты мой! Но... Дэвид, дорогой, если ты действительно любишь Нэнси Лобиньер...

Дэвид Рок обрел наконец способность речи, и с уст его полились слова, которых девушка не слыхала никогда раньше. Он и сам не знал, что он такое говорил. Впоследствии он не мог вспомнить ни одной фразы, ни одного слова. Прижавшись лицом к лицу Анны и крепко обняв ее, он без конца целовал ее, и сам плакал вместе с ней и старался объяснить... как он увидел ее ночью с Биго, как горечь закралась ему в сердце и наполнила душу отчаянием, как он нашел утешение в обществе Нэнси Лобиньер и, несколько не колеблясь, поцеловал ее... И Анна Сен-Дени слушала и горячо целовала его.

Когда Анжела Рошмонтъе подошла к двери, она долго не могла добиться ответа.

Ее родители должны с минуты на минуту вернуться домой, сказала она, а потому лучше было бы, если бы Дэвид ушел.

Анна всем телом прильнула к нему.

— Обещай мне, Дэвид, поклянись мне своей честью, что ты никогда больше не будешь целовать эту бесстыдную женщину! И что ты никогда больше не станешь думать о ней.

— Да, да, обещаю, Анна, — ответил он и почти выбежал из комнаты.

Следом за ним из дома Рошмонтъе вышел негр-слуга, чтобы проводить его в дом Пьера Ганьона, который жил неподалеку на улице Святой Урсулы.

Лишь пройдя несколько шагов, Дэвид вдруг вспомнил, что он забыл даже спросить у Анны о том, что главным образом занимало его: куда возил ее ночью интендант. А Анна сама между

тем ни словом не обмолвилась об этом.

Он постучался в дом Пьера Ганьона, и дверь открыл слуга, проводивший его в огромную гостиную.

Стоило лишь взглянуть на эту комнату, чтобы догадаться, что она принадлежит избалованному красавцу Пьеру Ганьону. Во-первых, все стены были увешаны всякого рода пистолетами, до которых Пьер был такой любитель. Кроме того, все в комнате отдавало роскошью и уютом, без которых не мог бы прожить ни одного дня Пьер Ганьон.

Последний длинными шагами ходил по комнате, зажав в руке пистолет, и улыбка, с которой он встретил Дэвида Рока, была скорее зловещей усмешкой, чем приветствием другу. Дэвид еле узнал в нем того веселого, румяного и славного Пьера Ганьона, которого он знал на реке Ришелье.

Не обращая внимания на протянутую руку Дэвида, Пьер почти вплотную подошел к нему и прошипел:

— Так, так, так! Любовник Нэнси Лобиньер? Быстро, однако, вы умеете работать — вы, честные воины с реки Ришелье! А мы оставались совершенно слепы ко всему, что происходило у нас под самым носом! Что вы можете сказать в свое оправдание? Я не могу вызвать вас на поединок, Дэвид Рок, и убить вас — из-за вашей матери. Но, право же, мне следовало бы это сделать ради Анны Сен-Дени!

Дэвид Рок медленно опустил протянутую руку и сказал:

— Опомнись, Пьер! Все это ошибка. Я не...

— Ошибка! — прервал его Пьер, повышая голос. — Ошибка!

Он бешено швырнул пистолет на диван, стоявший в дальнем конце комнаты.

— Я боюсь держать этот пистолет в руках, в противном случае я выпущу, кажется, в вас пулю, которой он заряжен! Ошибка! Уж не ошибка ли, что ты целовал Нэнси Лобиньер? Уж не в том ли ошибка, что ты позволил себе такую низость по отношению к твоему другу! А она!.. Она только одного целовала так, кроме вас, мсье Рок! Слыхали вы, что она сказала? Два любовника — и ты последний из них!

— Пьер! — крикнул Дэвид, лицо которого побелело как мел. Быстрым движением руки он схватил его за плечи. — Пьер, ты лжешь!

Он с силой отбросил его от себя шага на три, а потом скрестил руки на груди по манере индейцев и снова произнес:

— Ты лжешь!

Пьер Ганьон с разинутым ртом глядел на своего друга. Он стиснул зубы, и глаза его превратились в две щелки, из которых, казалось, струится огонь. Голосом, холодным как лед, он ответил:

— Я стрелялся с тремя людьми за меньшее оскорбление и прострелил их насквозь.

— Ну что ж, стреляй, если угодно, — спокойно ответил Дэвид Рок. — Но я все повторяю: ты лжешь.

Совершенно другой человек стоял теперь перед Пьером Ганьоном. Будь он на несколько лет старше, будь у него в голове белая прядь, его можно было бы принять за Черного Охотника.

— Я поцеловал Нэнси, — начал Дэвид, — я поцеловал ее потому, что она казалась мне единственным другом в городе, который я начал уже было ненавидеть. По прибытии в Квебек я первым делом направился к монастырю, несмотря на холод и слякоть. Я познакомился с человеком по имени Пьер Кольбер, и он проводил меня туда. И там я увидел, как Анна, весело смеясь, садилась в экипаж вместе с Биго. Найдя ее такой веселой и счастливой, я почувствовал, что со мной творится что-то необычайное. Я попросил Кольбера показать мне дом Лобиньер. Нэнси собиралась было куда-то идти со своими друзьями, но все же она была так добра, что

взяла меня в дом и дала отдохнуть и отогреться... и там это случилось. Вот и все. После моей матери и Анны на свете нет другой женщины, которую я любил бы так, как Нэнси Лобиньер. Она дважды защищала мое имя. И если в Квебеке живут ангелы, — с легкой иронией закончил Дэвид, — как ты мне неоднократно рассказывал, то Нэнси, наверное, принадлежит к их числу. Я не позволю тебе оскорблять ее. Ты полагаешь, что она дурная женщина...

— Дурная женщина! — зарычал Пьер Ганьон. — Кто тебе сказал, что она дурная женщина? Уж не хочешь ли ты сказать, что я говорил это?

— Ты, во всяком случае, намекал!..

— Черта с два, намекал! — крикнул Пьер, проводя рукой по своим взлохмаченным волосам. — Оскорбить Нэнси Лобиньер! Да я бы скорее умер! Я убью первого, кто осмелится сказать что-нибудь против нее! Нэнси — ангел!

— Вот это я и стараюсь все время доказать тебе, — сказал Дэвид.

— Она в двадцать раз красивее твоей Анны и в двадцать раз умнее ее. Но... она целовала тебя! Объясни мне, черт возьми, зачем это она делала?

— Я думаю, что ею руководила только жалость, — ответил Дэвид.

Пьер Ганьон перестал шагать по комнате, и лицо его приняло уже спокойное выражение, когда он произнес:

— Пожалуй, ты прав. Действительно жалость. И меня она, вероятно, тоже пожалела! Поцеловала меня и убежала, потому что ей жаль было Меня. Но тебя она совсем не так целовала, если верить тому, что рассказывает Анна. Меня не столько возмутило то, что она тебя целовала, сколько то, что она сказала про другого! Кто он такой? Где мне найти его?

— Я полагал, что она подразумевала тебя... после всего, что случилось, — предположил Дэвид.

— Меня! — Пьер Ганьон рассмеялся безнадежным смехом, а потом протянул руку Дэвиду: — Прости меня, Дэвид. Я выказал весьма мало гостеприимства по отношению к тебе. Но я буквально без ума от Нэнси. Я умру без нее. Я в течение двух лет ползаю на коленях перед ней, и она ни разу не разрешила мне прикоснуться к ее губам, а теперь она вдруг целует тебя по собственному желанию и, таким образом, отдает другому то, чего я добивался в течение стольких недель. Я должен найти человека, о котором она говорила, и, клянусь, я убью его!

Он крепко сжал руку Дэвида и вдруг просветлел. Какая-то мысль озарила его.

— Возможно ли, что это капитан Талон? — воскликнул он. — Его считают лучшим стрелком в Новой Франции, и я с величайшим удовольствием всажу в него пулю.

— Но это невозможно! — возмутился Дэвид Рок. — Я бы скорее поверил, что Нэнси полюбит змею!

— Тем не менее ты сам говоришь, что видел их вместе сегодня вечером.

— Да, точно так же, как Анну с интендантом Биго, — парировал Дэвид.

— Но Анна ведь объяснила тебе...

— Она ровно ничего не объяснила мне, — прервал его Дэвид, — и, чем больше я думаю об этом, тем меньше нравится мне эта история.

Оба любовника безмолвно глядели друг на друга, и в эти мгновения их дружба стала крепче, чем когда-либо.

— Дэвид, мне искренне жаль, что я вел себя таким дураком по отношению к тебе. Но ты напрасно тревожишься из-за Анны. Я готов поклясться, что у нее были все основания для того, чтобы покинуть ночью монастырь.

— Я с одинаковой уверенностью могу поклясться, что у Нэнси Лобиньер были основания для того, чтобы находиться в обществе капитана Талона... и целовать тебя, — ответил тот.

Пьер сжал руки в кулаки и через некоторое время спросил:

— Скажи мне, что случилось, когда ты увиделся с Анной?

Дэвид Рок вкратце рассказал ему о своем бурном свидании с возлюбленной и к концу добавил:

— Ты, наверное, знаешь, что Нэнси и Анна поссорились?

— Знаю ли я! — воскликнул Пьер. — В последний месяц я служил для них обеих козлом отпущения! Они мне буквально все нервы поистрепали. Одна из них ненавидит Биго и боится за тебя, другая верит ему так же, как себе, и безоговорочно доверяет всем его обещаниям. Одна смешивает интенданта с грязью, другая — превозносит его до небес. Одна считает его проклятьем Новой Франции, другая смотрит на него, как на великого патриота, который покрывает славой имя Новой Франции. Как же им не ссориться, тем более что между ними царит еще ревность, которая мне отнюдь не нравится, поскольку это касается Нэнси.

— И кто из них прав? — спросил Дэвид Рок, прикасаясь к руке Пьера.

Пьер некоторое время колебался, а потом ответил:

— И та и другая.

— Ты хочешь сказать...

— Интендант никогда не нарушает обещаний, вроде того, что он дал тебе и Анне. Не знаю почему, но он, очевидно, очень расположен к тебе. Со временем он выведет тебя на путь к богатству и славе. Таким образом, Анна вполне права. Но что касается всего остального, Нэнси гораздо ближе к истине. Биго и его клика овладели сердцем Новой Франции, которое они держат во дворце интендантства. Биго так умен и хитер, что половина народа за него и только половина — против. Я тебе однажды говорил уже, что считаю его самым порочным человеком в Квебеке, и мое мнение о нем ничуть не изменилось с тех пор. В смысле нравственности он в действительности уже не может пасть ниже, и Нэнси это знает, равно как это известно мне. Но Анна Сен-Дени этого не знает. Она отказывается верить тому, что она называет «постыдным вымыслом завистливых людей». Но это опять-таки не имеет ничего общего с твоей карьерой. Ты можешь быть вполне спокоен. Тогда как я... Теперь, когда я узнал, что Нэнси отдала предпочтение другому человеку...

— Ты так уверен в этом, Пьер?

— Так же, как в том, что Анна никогда не позволит интенданту или кому-либо другому целовать себя.

Эти слова, в которых сказывалась вся вера Пьера в чистоту Анны Сен-Дени, были для Дэвида ударом ножа в сердце.

Пьер Ганьон продолжал.

— Когда Нэнси Лобиньер сказала тебе, что она только одного человека целовала так, как тебя, ее слова предназначались не для тебя, а для меня. Я это чувствовал. А потом она насмешливо прикоснулась к моим губам и все лишь потому...

— Почему? — спросил Дэвид, видя, что его друг колеблется.

— Все из-за моей никчемности, как она говорит, — почти простонал Пьер Ганьон. — Она уже два года твердит мне, что я приношу меньше пользы, чем чайки, которые носятся над скалами. Что я лентяй и бесполезный человек, а потому я так жирею с каждым днем. Что я только думаю о роскоши и о себе самом. Что если бы все мужчины были такие неженки и так же страдали одышкой и отсутствием амбиции, как я, то англичане давно уже метлами повыгоняли бы нас из Канады! Но все это было не так еще скверно, пока Она не увидела тебя, — с этой минуты она буквально стала приходить в ярость, когда речь заходит о моем комфорте. Она не перестает попрекать меня тобою, — вот, мол, каким должен быть мужчина! А тут она вдруг целует тебя и самым бесстыжим образом признается, что есть еще другой мужчина, которого она целовала!.. И... и... черт меня возьми! Я заставлю ее раскаяться во всем.

Лицо Пьера пылало. Видно было, что много диких мыслей копошится в его мозгу.

— Да! — крикнул он, и в голосе его впервые зазвучала металлическая нотка. — Начиная с этой ночи старого Пьера Ганьона больше нет! Теперь я научусь чему-нибудь более полезному, чем стрельба из пистолетов! Будь проклят Биго! К черту всю его шайку! И тем не менее я готов остаться с ним до последнего издыхания, лишь бы только избавиться от своего жира! Я вместе с тобой, Дэвид, отправлюсь в леса. Я буду драться, займусь плаванием, буду много бегать! Я должен получить звание лейтенанта, хотя бы мне пришлось поднять из-за этого революцию! Начиная с этой минуты я вступаю на боевую тропу, чтобы добиться славы... и мести! Ты сможешь мне, Дэвид?

Пьер Ганьон отнюдь не разыгрывал комедию. Он весь горел. В несколько минут исчезла вся его женственность, и он перестал быть тем безукоризненным денди, страстным любителем дуэли, проводившим все свое время в экипаже. В нем проснулся дух его воинственных предков.

О таком Пьере Дэвид грезил с самого детства. Он не раз старался представить себе, как его лучший друг будет биться рядом с ним, плечом к плечу, отстаивая права Новой Франции. И в эту минуту Дэвид Рок совершенно забыл и про Биго, и про Нэнси, и даже про Анну.

Молодые люди крепко пожали друг другу руки. Спокойная улыбка озарила лицо Пьера, а в глазах Дэвида можно было прочесть его душевное ликование. Все еще пожимая руку Пьера, он заметил:

— Как счастлив был бы твой дедушка, если бы он видел тебя в эту минуту. Я рад, что в тебе течет хоть несколько капель его крови, которая заговорила в тебе сейчас.

Они не слышали, как в дверь, что вела на улицу, несколько раз громко постучались. Наконец Пьер отправился открыть ее, и, когда он вернулся, в его глазах прыгали веселые огоньки.

— Вы еще не ужинали, мсье искатель приключений, — сказал он, — а вам между тем все еще не хотят дать покоя. У дверей моего дома тебя ждет экипаж, и в нем сидит человек. Экипаж принадлежит интенданту Новой Франции, а человек, который сидит в нем, — сам Биго. Он собственной персоной явился, чтобы отвезти тебя во дворец. — И шепотом, которого не мог расслышать его друг, Пьер добавил: — Черт меня возьми! Что все это означает?

Франсуа Биго, тринадцатый и последний интендант Новой Франции, любимец короля и фаворит мадам Помпадур, никогда еще не верил так сильно в свою счастливую звезду, как в этот вечер — тринадцатого ноября 1754 года.

Многое случилось в последнее время, что показывало, до какой степени велико его могущество. Облеченный по приказу короля огромной властью над департаментами юстиции, полиции, финансов и военного флота, Биго все же до тринадцатого ноября 1754 года оставался одной ступенью ниже генерал-губернатора колоний. Но сегодня на заседании Верховного Совета обнаружилась перемена, которая доказала превосходство его самодержавного правления и одновременно с тем открыла первую страницу трагической истории, сулившей конец существованию Новой Франции.

В этот день король Франции потерял целый континент. В этот день англичане одержали величайшую победу, и к тому же бескровную.

Биго одержал верх в Верховном Совете. Генерал-губернатор, маркиз Дюкен де Менвиль, был сброшен с пьедестала, на котором он в течение многих лет возвышался над интендантом. В январе будущего года маркиз де Водрей-Кабаньял станет губернатором Новой Франции, и на этот пост его возведет он, Биго, и тем самым сделает его своим орудием, чтобы с большим успехом и безнаказанностью грабить беззащитный народ.

Всего этого добился Биго, человек, обладавший хитростью дьявола и которому совершенно

чуждо было всякое понятие о совести. А Водрей сидел рядом с ним и пыхтел от сознания своей важности.

Но в эту ночь торжество интенданта не ограничивалось одним лишь достижением власти. Сегодня он весь находился во власти женских чар. Впервые в его жизни нашлась женщина, которая заставила его забыть про всех остальных любовниц. Эта ночь привела к нему Анну Сен-Дени как бы для того, чтобы вознаградить его за триумф над маркизом Дюкеном.

Такие мысли проносились в голове интенданта, пока он сидел в экипаже, дожидаясь Дэвида. Откинувшись на мягкие подушки, он тихо напевал про себя веселую мелодию и ждал, подобно тирану, ожидающемуся своей жертвы. Довольная улыбка мелькнула на его лице, когда он вспомнил забавное зрелище, которое пришлось ему наблюдать сегодня. Нетрудно будет заставить Анну поверить, когда наступит должный час.

Должный час!

Что значила теперь Новая Франция?.. И интендантство?.. И все остальное?..

Он и сейчас еще рисовал себе в уме Анну, какой она была в ту минуту душевной паники, когда они увидели Дэвида Рока. Он и сейчас еще как будто ощущал трепет ее тела, когда он, словно желая утешить ее, осмелился на одно мгновение обвить ее стан рукой. Он не стал заходить слишком далеко. Нет, он ковал свою цепь звено за звеном. Он должен быть терпелив. Он будет обладать Анной целиком, без всяких оговорок, и это обладание будет еще полнее, чем обладание Шарлоттой или Екатериной Луизбургской и так далее.

— Подумать только, что вы являетесь в Квебек в такую ужасную ночь! — воскликнул он, когда Дэвид спустился с крыльца. И, выскочив из экипажа, Биго, великий интендант, могущественный сеньор, обнял молодого охотника и поцеловал его поцелуем Иуды. — Если бы я мог предположить, что вы явитесь сегодня, я отправил бы эскорт навстречу вам. И с места в карьер подобное приключение! Наша бедная маленькая Анна была вся потрясена, но я нисколько не сомневаюсь, что вы завтра все уладите. Никогда не забывайте прикрывать ставни, Дэвид, когда вам случится быть другой раз в таком положении. Не забывайте, что вы теперь уже не в лесу!

И интендант залился добродушным смехом. В его голосе не было ничего такого, что могло бы навести Дэвида на подозрение, — ничего, кроме дружеской шутки.

— Я хочу вам кое-что объяснить, — продолжал интендант. — Сегодня вечером я должен был встретиться с епископом, и я решил познакомить его с нашей Анной, чтобы вы, благодаря ей, имели друга в этом могущественном человеке. И тот маленький дьявол, которого мы называем случаем, привел нас к дому мадемуазель Лобиньер в ту минуту, когда вы стояли там вместе с ней в обществе ее друзей. Мне казалось, что маленькая мадемуазель Сен-Дени превратилась в лед при виде вас. Придя в себя, она стала просить поехать назад, и мы вернулись как раз вовремя, чтобы захватить вас на месте преступления, — ха-ха-ха! — когда вы целовали Нэнси! И, поверите, я вам позавидовал в эту минуту! Прелестная Нэнси, соперница Анны Сен-Дени по красоте и грации! Право же, вы счастливый любовник, Дэвид. Но ставни! Как же это вы были так забывчивы?!

И Биго снова расхохотался.

— Я вовсе не намеревался делать визит мадемуазель Лобиньер, — начал Дэвид, сердце которого радостно забило, когда он услышал, зачем Анна в такой поздний час оставила монастырскую школу, чтобы ехать с интендантом. — Я...

— Я понимаю, — прервал его Биго. — Конечно, вы не сделали этого намеренно. Но результат, во всяком случае, был один и тот же, и Анна настояла на том, чтобы я немедленно отвез ее к ее подруге, мадемуазель Рошмонтье, у которой вы, наверное, найдете ее завтра утром.

— Я уже видел ее, — сказал Дэвид. — Она прислала за мной Пьера Ганьона.

— Черт возьми! — воскликнул Биго. — Ну и что же — она простила вас или разорвала на части?

— Я объяснил ей, как все это случилось, и я полагаю, что она меня простила.

Биго ничего не сказал. Экипаж подъехал ко дворцу, и интендант вышел, а Дэвид Рок последовал за ним. Они прошли через дверь, и тотчас же юноша услышал гул голосов. Здесь не было и намека на величие, какое рисовалось Дэвиду во дворце Новой Франции. Все походило скорее на тюрьму, говорил он себе.

Юноша не догадывался, конечно, что в действительности под его ногами расположены казематы, в которых томились пленники, жертвы интенданта Биго. Он только слышал множество голосов, доносившихся из комнат, а Биго, лукаво поглядывая на своего гостя, радовался ошеломляющему впечатлению, которое произвела на него окружающая обстановка.

— Здесь — зал суда, — объяснил интендант. — Завтра, если захотите, вы сможете присутствовать при суде над преступником, которого ждет, возможно, смерть.

Дэвид невольно вздрогнул. Ему вспомнились слова, навсегда запечатлевшиеся в его мозгу: «Сто ударов плетью по обнаженной спине». И при первом же посещении дворца он узнает, что какой-то человек должен умереть.

А Биго между тем продолжал делать свое дело, стараясь возможно больше ошеломить своего неопытного гостя. Он вместе с ним поднялся по нескольким ступенькам, достал ключ и открыл потайную дверь — и внезапно Дэвид очутился в роскошной комнате, увешанной картинами и гобеленами, с огромным камином, в котором ярко горели огромные сосновые чурбаны. Из этой комнаты несколько дверей вело в другие, поменьше, и все были ярко освещены и так же роскошно убраны. Ибо последний интендант Новой Франции всегда держал наготове свои покои, чтобы в любую минуту принять кого-нибудь из женщин, которые часто удостаивали его посещением.

До слуха юноши донеслись звуки песен и смеха, и на губах интенданта он увидел благодушную усмешку. Биго снял с себя плащ и подал его черному слуге, который, как показалось Дэвиду, словно вырос из-под земли.

— Наконец-то дома, — сказал интендант, лениво потягиваясь и с удовольствием прислушиваясь к граду, бившему в железную крышу (специально привезенную из Франции). — Дьявольская ночь! Но здесь, право же, недурно, хотя и недостает приятного общества Нэнси Лобиньер и Анны Сен-Дени. Вы останетесь моим гостем до утра, и я постараюсь хоть сколько-нибудь вознаградить вас за неприятные часы, которыми ознаменовался ваш приход. К тому же вам предоставляется удобный случай познакомиться с людьми, которые со временем станут вашими верными друзьями, — если только вы не слишком устали с дороги и не слишком расстроены маленьким приключением.

— Ни то, ни другое, — ответил Дэвид, с удовольствием предаваясь чувству тепла и уюта.

Биго, к удивлению своему, заметил, что юноша не чувствует ни малейшего смущения и не обнаруживает и признака благоговейного ужаса в присутствии могущественного интенданта. Он не знал, что в душе Дэвид действительно был потрясен всем, что произошло с ним в этот день, и тем, что пришлось ему видеть, но внешне он нисколько не показывал своих переживаний и держался как равный с равным. Черный Охотник держал бы себя точно так же.

Биго без удовольствия мысленно отметил это. Он любил смелых людей — такие люди тем сильнее стучаются лбом, когда падают с пьедестала, и тем легче их погубить.

Как бы невзначай Биго взял со стола, возле которого он сидел, маленькую перчатку и стал играть ею, улыбаясь Дэвиду. Перчатка принадлежала женщине.

— Я сегодня же представлю вас моему штабу, и отныне вы будете лейтенант Рок, — сказал он. — Наша маленькая дама не говорила вам о вашем производстве?

— Нет, — ответил Дэвид.

— Ну конечно, — со снисходительной усмешкой кивнул головой Биго. — Она была слишком расстроена, чтобы вспомнить о нем. Но документ о вашем производстве находится при ней; он должным образом подписан, со всеми печатями, и я готов поклясться, что он будет передан вам вместе с букетом цветов!

Дэвид Рок склонил голову в знак благодарности; даже сейчас, несмотря на дрожь во всем теле, он абсолютно ничем не выдал своих чувств «благодетелю».

— Из вас выйдет превосходный офицер, — продолжал интендант. — Вы завтра же начнете ваше военное обучение. В этом не будет для вас ничего трудного, тем более что я назначил вам особого инструктора, капитана Робино. Официально вы произведены в офицеры на основании тех огромных услуг, которые мы надеемся получить от вас как от человека превосходно знакомого с пограничными лесами. Мне лично вы очень нужны, и я бы не хотел, чтобы ваше военное образование откладывалось хотя бы на один день. Первым делом — портной, затем — знакомство с городом, потом — специальное обучение в течение двух часов с капитаном Робино, самым образцовым офицером в нашем гарнизоне. Как вам нравится такая программа?

— Я горю желанием скорее приступить к делу, — ответил Дэвид.

Биго кинул на стол перчатку, свернутую в клубок, и, казалось, немного задумался, пока его не заставил очнуться громкий хохот, доносившийся из комнат в глубине дворца.

— Да, Дэвид, — задумчиво произнес он. — Пожалуй, что это самое удачное время. Лучше всего вам познакомиться с ними во время отдыха — со всеми этими людьми, которые помогают мне править Новой Францией. Карты и немного вина — нужно несколько развлечься после тягот государственных дел, и у нас вошло в обыкновение собираться здесь и за стаканчиком обмениваться всеми слухами и новостями. Люди, которые вершат большие дела, тоже нуждаются в развлечениях, и вы вскоре сами убедитесь в этом в Квебеке.

Он пошел вперед, и, миновав две комнаты, Дэвид, следовавший за ним, очутился в огромной зале, где сидело множество офицеров, распивая вино и играя в карты. Но Дэвид не знал того, что здесь собрались самые бессовестные государственные преступники, которые когда-либо играли роль в истории человечества. Целая банда грабителей в крупном масштабе, люди, которые во имя удовлетворения своих низких страстей обманывали страну, люди, которые предпринимали смелые разбойничьи кампании, чтобы еще больше увеличить свои и без того огромные состояния.

Это были те люди, которые готовы во всякое время нанести ножом удар в спину.

Люди, которые истощили Новую Францию, загубили весь цвет ее молодежи и привели процветающую страну к полному разорению, нищете и голоду, пока наконец жители не стали приветствовать англичан как своих освободителей.

Эти люди во главе с Биго сумели уже далеко зайти в своей беззастенчивой игре с мировой картой.

А между тем в Новой Франции никто и не догадывался об их предательстве.

Сам король был другом Биго. А потому Биго являлся символом Франции.

В комнате сидело человек двенадцать. Здесь не было той несравненной роскоши, которая характеризовала личные покои Биго. Тут стоял целый ряд столов, кресел, несколько диванов, на стенах были развешаны редкие картины, а на полу лежали ковры. Все носило на себе следы долголетнего пользования. Полы были в пятнах. Столы и стулья — сильно потертые. Один диван был поломан, огромный канделябр частью вылез из своих закрепов в стене.

«Цвет Новой Франции» — так называл Биго эту банду. И здесь в этот вечер собрались Каде, Мерсье, Варен, Брер, Вергор, Канон, Рюго, и, наконец, в одном из углов комнаты сидели Водрей, де Пин и капитан Робино. К ним-то и направился Биго, с радостью отметивший в уме,

что его приказ был выполнен с изумительной быстротой и ординарцы не потеряли ни одной минуты.

Де Пин первый увидел приближение Биго и Дэвида и тотчас же направился им навстречу, выражая всем своим существом удивление и удовольствие. Он схватил обе руки Дэвида в свои и продолжал крепко пожимать их, пока не подошли Водрей и капитан Робино. На маркизе был великолепный новый парик, и, хотя он не выражал открыто такого восторга при виде Дэвида, как де Пин, он, тем не менее, радостно приветствовал его.

Лишь Робино несколько озадачил юношу. Капитан улыбался, но было очевидно, что его улыбка вынужденная. Дэвиду показалось, что этот человек читает у него в сердце. Капитан был невысокого роста, приблизительно средних лет, и на лице у него застыло выражение, какое можно только заметить в жертве вечного злополучия. Лишь случайно несколько дней спустя Дэвид узнал, что Робино был последним отпрыском воинственного и славного рода, оказавшего неопределимые услуги Новой Франции.

— Вот это счастливое совпадение! — воскликнул де Пин. — Если бы не новый парик маркиза Водрея, то мы вряд ли увидели бы вас сегодня. Маркизу не терпелось поскорее похвастаться своим новым приобретением.

Маркиз благодушно повернулся так, чтобы свет падал прямо на роскошный парик, ниспадавший волнами на плечи.

— Это английские волосы, Дэвид, — сказал он, и в голосе его звучала гордость. — Воображаю, как они чудесно выглядели на голове женщины, которой они принадлежали. Индейцы племени оттава прислали дюжину скальпов в подарок своему «белому отцу за морем». Но мне больше нужен был вот этот скальп, чем королю Луи, и я получил его благодаря тому, что обыграл нашего друга Биго. Как вам нравится, мой юный друг?

— Подумать только — носить на голове женский скальп! — в ужасе воскликнул де Пин. — Лейтенант, какого вы мнения о тщеславии человека, который способен на подобную вещь? Женщину — да, но волосы, срезанные с ее головы вместе с кожей — брррр!!!

— Вы забываете, мсье мэр, — невозмутимо парировал маркиз, — что в вашем собственном городе есть немало охотников за скальпами, а также немало джентльменов, которые носят на голове «женские скальпы», как вы выражаетесь. Разве это не так, Робино?

— Совершенно верно, — согласился Робино сухим, бездушным голосом.

Дэвид Рок провел языком по пересохшим губам.

— Скальпирование людей я считаю возмутительным преступлением, — сказал он. — Но это будет продолжаться до тех пор, пока наши губернаторы, а также и английские покупают человеческие волосы. Я хотел бы сказать вам, мсье Водрей, что мне пришлось видеть скальпы французских женщин в форту Вильям-Генри, и один из этих скальпов не уступал в красоте тому, что украшает вашу голову. И мне было бы очень неприятно думать о волосах французской женщины на голове англичанина.

Биго рассмеялся довольным смехом.

— Совершенно верно, лейтенант! — воскликнул он. — И вы тем более правы, что, благодаря возмутительной неудаче, я проиграл маркизу такое сокровище!

После этого Дэвид был представлен всем присутствующим в зале. Секретарю интенданта Дешено, лукавому человеку, доверенному всех любовных связей своего господина. Генеральному комиссару Каде, который успел награть двадцать миллионов франков и который впоследствии частично расплатился за свои преступления в Бастилии. Генеральному казначею Эмберу, морскому контролеру Бреру и еще несколькими офицерами.

Дэвид видел перед собой блестящих джентльменов, приветствовавших его как собрата-офицера. Больше всего ему понравился Каде, тот самый Каде, который в скором времени

должен был получить на девять лет договор поставки продуктов (по умопомрачительным ценам) для ста двадцати французских фортов и постов. Каде, этот архиплут всех времен, сумевший награть еще больше, чем его господин — Биго! И, как ни странно, он пользовался популярностью в народе как в провинции, так и в городе. Этот человек обладал такой приятной внешностью, что, уплатив шесть миллионов франков штрафа и отбыв срок наказания в Бастилии, он был освобожден; после чего он приобрел великолепное поместье в самой Франции, ссудил Франции тринадцать миллионов франков, которые он награл у ее же правительства, и продолжал жить беспечно и преуспевая в той самой стране, которая, отчасти благодаря ему, потеряла заокеанскую империю.

Он произвел на Дэвида впечатление великодушного, чистосердечного и открытого человека.

— Вы должны возможно чаще навещать меня, мой друг, — сказал Каде и ласково положил руку на плечо Дэвида. — Я люблю моих людей из пограничных лесов, а вы, наверное, так много знаете, что могли бы дать мне драгоценные сведения и помогли бы мне прийти этим людям на помощь.

Де Пин еле сдержал саркастическую усмешку. Он великолепно знал, что Каде высасывает кровь из своих людей, которых он так любит.

Час спустя Дэвид лежал в постели, подобной которой он никогда в своей жизни не видел, и думал о всех переживаниях минувшего дня и ночи. Его последней мыслью было: «Я так и не ужинал сегодня».

Дэвид Рок проснулся рано и стал прислушиваться к перезвону колоколов. Он не знал, что этот колокольный звон служит лишь для того, чтобы известить жителей Квебека о предстоящей сегодня публичной экзекуции.

Первая мысль его была об Анне. У него было желание открыть окно, громко закричать от радости и позвать ее к себе. Его Анна находилась недалеко от него, и теперь трагедия прошлой ночи казалась ему такой малозначащей и ничтожной. Анна поняла его и, наверное, простила. И сегодня она еще лучше поймет, Как это случилось, что он поцеловал Нэнси Лобиньер.

Капитан Робино пришел во дворец завтракать вместе со своим будущим учеником. Дэвид не увидел в это утро ни Биго, ни кого-либо из его сподвижников. Зато Робино все больше и больше привлекал его к себе. Капитан не был болтлив, но то, что он рассказывал, было интересно.

В это утро инструктор занялся исключительно туалетом юного лейтенанта и водил его к портному, к сапожнику, к ювелиру, к оружейному мастеру и, наконец, предложил проводить к знаменитому мастеру, делавшему парики для самого маркиза Водрейя. Но Дэвид категорически отказался.

— До тех пор, пока индейцы не сняли моего скальпа, я буду носить собственные волосы. И даже если я лишусь их, то все же удовлетворюсь голым черепом, как у Пьера Кольбера.

Он обратил внимание, что Робино истратил уже на него целое состояние, как ему казалось, и он не преминул выразить свои опасения по этому поводу.

— Пусть это вас не беспокоит, — ответил Робино. — Биго позаботится об уплате за все. Это — не регулярная армия, где каждый может позволить себе лишь то, что разрешают ему его средства. Здесь интендант и губернатор следят за тем, чтобы у джентльменов офицеров ни в чем не было недостатка.

Закончив с покупками, Робино стал показывать Дэвиду цитадель и форты, и тогда Дэвид впервые убедился в том, как укреплен этот город.

Несмотря на то, что война между французами и англичанами официально еще не была

объявлена, военные действия, выразившиеся в нападениях друг на друга и в безжалостном истреблении друг друга, проводились уже давно. Поскольку это касалось Америки, Семилетняя война давно уже началась. И Квебек весь бурлил в подготовке к военным действиям и к кровавой драме, которой суждено было изменить мировую карту.

По улицам шли взад и вперед солдаты и офицеры. Даже гражданское население Квебека и то носило сабли. Яркие мундиры, сверкающее оружие и развевающиеся перья индейских вождей встречались на каждом шагу. Никогда еще город не был так богат, ибо огонь, меч и истребление в колониях означали богатство для города. Ни на один день не прекращались балы и званые обеды. Повсюду царила восточная роскошь, и в этот день, когда солнце выглянуло наконец после многих беспросветных дней, жизнь в городе кипела.

Дэвид Рок глядел на батареи, охранявшие со всех сторон каждый уголок Квебека, на огромные двухтонные орудия, которые могли пустить ядро мили на полторы, на десятидюймовые мортиры, выбрасывавшие двухсотфунтовые ядра на расстояние в пять тысяч ярдов, и теперь он понимал, почему Анна была так уверена, что Квебек всегда сумеет отразить нападение, когда залают английские псы.

Он поделился этой мыслью с Робино, но тот, к великому изумлению юноши, ответил:

— Мы спим глубоким сном, между тем как англичане бодрствуют. Если мы не очнемся вовремя, то город, который кажется вам неприступным, в скором времени падет.

Дэвид посмотрел на спокойное, бесстрастное лицо Робино и поверил его словам. «Как странно, — подумал он, — Черный Охотник говорил то же самое».

Был уже полдень, когда Робино, выполняя данные ему инструкции, вернулся со своим учеником во дворец. Здесь Дэвида ожидал сюрприз.

Когда он вошел в покои Биго, встретившего его так же ласково и, пожалуй, еще приветливее, чем накануне, навстречу ему встала Анна Сен-Дени. Девушка вся сияла. Если накануне ее и терзали горе и сомнения, то сейчас от этого не осталось и следа. Она протянула Дэвиду обе руки, и по ее глазам юноша понял, что Биго уже передал, как радушно его приняли во дворце. Но Дэвид обратил внимание, что на этот раз она и не подумала поцеловать его.

Внезапно ему бросилось в глаза, что в одной руке Анна держит ту самую смятую перчатку, которой Биго накануне играл на столе, когда они вдвоем сидели в его кабинете. Ошибки не могло быть — Дэвид узнал ее и по цвету, и по тому, как скомкал ее в клубок Биго. Он, однако, ничем не выдал той дрожи, которую вызвало в нем это открытие.

Биго смотрел на него и на Анну с благодушием отца, наблюдающего за любимыми детьми. Он ласково прикоснулся к рукаву Дэвида.

— Я велел накрыть обед только для нас троих. Я привел в ужас настоятельницу монастыря, когда попросил ее снова отпустить со мной мадемуазель Сен-Дени, и только благодаря, я полагаю, заступничеству Анжелы Рошмонтье она не отказала мне в этой милости.

— И также благодаря Дэвиду, — добавила Анна. — Я столько рассказывала о тебе матушке Мэри, и она сама горит желанием увидеть тебя, Дэвид.

Лицо Анны светилось нескрываемой радостью в продолжение всей трапезы. Дэвид заметил, что пока Биго говорил, девушка буквально не спускала с него глаз. Все время в голове юноши звучали слова Пьера Ганьона: «Одна ненавидит Биго, другая безоговорочно доверяет ему. Одна смешивает его имя с грязью, другая — превозносит его до небес».

«Пьер был прав, — думал юноша. — И Нэнси Лобиньер тоже. С Анной произошла какая-то разительная перемена с тех пор, как она покинула Ришелье». С ним, с Дэвидом, она была так же ласкова, как и раньше. Тем не менее молодой человек был рад, когда обед кончился.

Биго встал и сказал, что, к сожалению своему, не может дольше оставаться с ними.

— Меня ждут неотложные дела, которые отнимут у меня целый час. Я думаю, что для вас

этот час пройдет быстро, а потом мы сядем в экипаж и поедem кататься.

Он крепко пожал руку Дэвиду, и его рука несколько дольше, чем это полагалось бы, задержала пальцы Анны. Но он был так отечески ласков и фамильярен и, казалось, так бесконечно заинтересован в счастье этих молодых людей, что ни у кого не могло бы возникнуть каких-либо подозрений. Глаза Анны сияли.

Как только Биго вышел, она тотчас же повернулась к Дэвиду, словно чего-то ожидая. Даже губы ее, казалось, к чему-то приготовились.

Но Дэвид Рок не шевельнулся. Он глядел вслед Биго, и девушка подумала в эту минуту, что ее юный возлюбленный вдруг стал выше, старше и сдержаннее. Накануне вечером она всего этого не могла заметить. Как он изменился! Она прижала обе руки к груди и, словно зачарованная, смотрела на Дэвида, который все еще глядел на дверь, через которую вышел Биго. И в это мгновение ее поразило, до чего юноша похож на Черного Охотника.

— Дэвид! — окликнула она его.

Тот медленно повернулся к ней.

— Дэвид!

Юноша улыбнулся... Как страшно похожа была его улыбка на улыбку Черного Охотника в ту лунную ночь на Красной Опушке!

— Прости меня, Анна, — сказал юноша таким спокойным и твердым голосом, что холод проник в душу девушки. — Я думал о том, как отвратительно действует на меня прикосновение руки мсье Биго.

Он и не подумал поцеловать ее, как она того ожидала.

— Я тебя не понимаю, Дэвид, — прошептала она.

— Я и сам себя не понимаю... вполне. Но я думаю, что скоро пойму, очень скоро.

— Дэвид, ты должен объяснить мне свои слова. В твоем голосе звучит нечто такое, что пугает меня. Почему ты там стоишь? Почему ты так смотришь на меня? Почему ты не поцелуешь меня, хотя видишь, что я этого жду?

— Потому что я совершенно неожиданно сделал ужасное открытие. И было бы нечестно целовать тебя, когда я чувствую, что ты, пожалуй, возненавидишь меня, услышав то, что я хочу сказать.

— Боже мой! В чем дело, Дэвид? Что это значит?

— Ничего особенного! Ничего такого, что я мог бы объяснить тебе сейчас. Но когда Биго вышел за дверь, у меня в ушах раздалось два голоса. Голос мельника Фонблэ и голос Нэнси Лобиньер.

— Дэвид, ты не сошел с ума?

— Нет, я был гораздо ближе к сумасшествию, когда вчера вечером увидел тебя возле монастыря с ним. Когда я слышал твой смех, в котором звучало больше счастья, чем когда-либо...

— Но пойми же, Дэвид, что я только ради тебя поехала с ним! Я думала только о тебе. Мы поехали к епископу, и у меня в руках был документ о твоem производстве, который привез мне Биго. И я была счастлива, счастлива...

— Я принял все это во внимание, Анна. Мне казалось, что я тоже счастлив, пока не обнаружил в руках Биго ту перчатку, которую ты держишь сейчас.

— Но я случайно оставила ее в экипаже! — воскликнула девушка. — И мсье Биго привез ее сюда.

Ее глаза внезапно загорелись зловещим огнем.

— Дэвид, ты не веришь мне? Ты меня подозреваешь? Ты готов поверить...

— Я ничему дурному о тебе не могу поверить, Анна. Я скорее потерял бы веру в самого

себя.

— В таком случае...

— Голоса, которые я только что услышал...

— О, я знаю, в чем дело! — воскликнула Анна глухим голосом. — Это все из-за интенданта. Его внимание ко мне, его любезность, его...

Она сжала руки и поднесла их к горлу.

— Дэвид, неужели это возможно? Неужели ты стал слушать завистливые речи его врагов? Врагов единственного человека, готового умереть ради Франции? Человека, у которого нет ни одного нечистого помысла? Который ставит себе единственной целью в жизни наше счастье? Уж не объясняется ли это ядовитым язычком Нэнси Лобиньер?

Дэвид совершенно спокойно смотрел в глаза девушки.

— Нет, — ответил он, — все это объясняется тем, что во мне проснулся какой-то безотчетный инстинкт, который вынуждает меня назвать Биго лжецом, лицемером и тем непревзойденным негодяем, каким считают его враги.

Анна Сен-Дени в ужасе попятилась назад.

— Хотя возможно, что этот инстинкт меня обманывает, — добавил Дэвид Рок. — Но если так, Анна, то я в скором времени узнаю это, и тогда на коленях буду молить прощения и у тебя и у него. Но до тех пор...

Анна посмотрела на него долгим взглядом, и глаза ее до такой степени расширились, что Дэвид умолк и ждал. С побелевших губ девушки сорвалось:

— Дэвид, как ты похож на Черного Охотника.

— Я очень рад этому, — тихо ответил тот.

Он не стал рассказывать ей, что заметил, как в ту минуту, когда Биго держал ее руку в своей, в зеркале у дверей отразилось ехидное и лукавое лицо Гюго де Пина, и по выражению этого лица тотчас же понял, в чем заключается секрет Биго.

Интендант сразу подметил перемену в молодых людях, когда он час спустя вернулся в комнату. Лицо Анны было залито румянцем. Дэвид был спокоен и бледен. Биго быстро вывел заключение — совершенно ложное: размолвка из-за вчерашней истории с Нэнси Лобиньер.

Со свойственным ему тактом Биго сделал вид, будто ничего не замечает, и передал Дэвиду, что Пьер Ганьон просит его разделить с ним его покои, в которых хватит места для обоих. Одновременно с этим Биго подал Анне огромную красную розу. Парниковые цветы были величайшей редкостью в Квебеке, и такое подношение могло бы доставить удовольствие даже мадам Помпадур.

Анна пуще прежнего залилась румянцем и дрожащим голосом поблагодарила интенданта.

Они сели в экипаж, но, к изумлению Биго, Анна попросила отвезти ее назад в монастырь. В лице Биго впервые отразилось разочарование, и он не скрыл этого, когда спросил голосом, в котором звучало искреннее огорчение:

— Неужели вы намерены испортить нашу маленькую прогулку, Анна?

— Мне очень жаль, но я хочу вернуться в монастырь.

Дэвид не проронил ни слова. Он продолжал глядеть прямо перед собой. Биго не стал его тревожить; про себя он подумал, что эта размолвка между Анной и ее возлюбленным тоже ему на руку.

Дэвид помог Анне сойти с экипажа, как он сотни раз помогал ей выходить из лодки. Но на этот раз она не пожалала нежно его руку, как всегда делала это раньше, а лишь прикоснулась кончиками пальцев. И сам Дэвид тоже не намеревался добиваться большего. Он низко поклонился ей, улыбнулся и пожелал всего доброго, и опять в уме девушки мелькнула мысль,

что рядом с ней с одинаковым успехом мог бы стоять Черный Охотник, до того похожи были друг на друга эти два человека.

Перед тем, как оставить мужчин, Анна ласково улыбнулась интенданту:

— Я буду хранить эту розу, как сокровище, мсье интендант.

Биго самодовольно улыбался, когда экипаж повернул назад.

— Не стоит так огорчаться, Дэвид, — утешил он юношу. — В том, что вы поцеловали Нэнси Лобиньер, нет никакого преступления, и я не думаю, чтобы Анна долго помнила об этом. Ах уж эти женщины!

Когда они подъезжали к Лобной площади, где высился помост, всегда готовый для экзекуции, Биго стал рассказывать Дэвиду историю палача Жана Ратье. Казалось, он несколько не огорчен тем, что Анна Сен-Дени расстроила его план приятного катания по городу.

— Жан Ратье убил одну девушку, и его судили и приговорили к повешению, причем предварительно ему должны были переломить руки и ноги железным ломом. Но внезапно умер палач, и некому было привести приговор в исполнение. Тогда осужденному было предложено занять завидное место палача, и он, конечно, согласился. Но это еще не все. И не это забавно! — уверял его Биго. — Немного спустя жена и дочь Жана Ратье были пойманы с поличным в качестве соучастников грабежа. Дочь, как несовершеннолетняя, была приговорена к порке, но экзекуция должна была происходить «частным образом» в монастыре. Что же касается жены палача, то она должна была быть подвергнута наказанию публично. И шутка состояла в том, что палач Ратье вынужден был запороть свою собственную жену. И когда он кончил свое дело, та была почти мертва. Сегодня, — закончил Биго, — будет происходить экзекуция некоего Карбанака, которого будет пороть негр.

Когда они подъезжали к рынку в Верхнем городе, навстречу им шла уже огромная толпа людей.

— О, Карбанак, — спокойным голосом заметил Биго.

Дэвиду казалось, что он никогда в жизни не забудет этой жуткой сцены. Огромный вол лениво тянул телегу, к которой был привязан высокий светловолосый человек геркулесовского сложения. Он шел, высоко подняв голову, стиснув зубы, и ни разу стон не вырвался из его груди. А страшная плеть то и дело опускалась на его обнаженную спину и резала кожу на полосы.

Но когда осужденный проходил мимо экипажа, он встретился взглядом с интендантом и его губы открылись, глаза метнули пламя, и он произнес тихо:

— Ты! Убийца!.. Подлец!..

Голос звучал спокойно, но он хлестал, как плеть. Эти слова предназначались только для интенданта. Карбанак вовсе не желал, чтобы толпа его слышала.

А в следующее мгновение экипаж проехал мимо, и Биго лицемерно вздохнул и произнес:

— Неприятное зрелище, Дэвид. Но ничего не поделаешь. Это — самая мягкая мера наказания, какую только оставляет нам закон.

Он подвез Дэвида к дому Пьера Ганьона и распрощался с ним. А когда экипаж стал удаляться, Дэвид посмотрел вслед интенданту и почувствовал, что в душе у него подымается чувство неизбывной ненависти к этому человеку. Теперь он уж больше не сомневался.

Дэвид вошел в дом Пьера Ганьона, задержался лишь на несколько секунд в длинном коридоре, тотчас же вышел обратно и догнал толпу, сопровождавшую экзекуцию. Как раз в это время негр закончил свою жуткую работу, развязал руки Карбанаку и подал ему его куртку и сорочку.

Не говоря ни слова, Карбанак накинул куртку на плечи, а сорочку свернул и положил под мышку. Ни один стон не сорвался с его губ, но Дэвид заметил, что он покачивается. Толпа, привыкшая к подобным зрелищам, успела уже разойтись во все стороны, и только несколько

мальчишек шло еще следом за Карбанаксом.

Дэвид Рок тоже пошел следом за ним.

Он обождал, пока не отстал наконец последний из мальчишек, и тогда перегнал Карбанакса.

— Друг! — окликнул он его.

Карбанакс круто повернулся. При виде костюма Дэвида, выдававшего в нем жителя пограничных лесов, и теплого сочувствия на его лице злоба, вспыхнувшая было в душе несчастного, тотчас же улеглась.

— Я присутствовал при экзекуции, — спокойно сказал юноша. — Меня зовут Дэвид Рок, и если вы будете нуждаться в друге, то вы найдете меня в доме номер одиннадцать на улице Святой Урсулы. Я слышал то, что вы сказали интенданту, когда он проезжал. Почему вы это сказали?

Карбанакс сжал в кулаки свои огромные руки.

— Почему? — Он засмеялся бешеным хохотом. — Потому что он и Николет, богатый купец и друг интенданта, украли мою молодую жену! Я встретил Николета на улице и пригрозил ему; тогда они возвели на меня облыжное обвинение в краже бутылки вина, выставили подкупных свидетелей — и вот результат.

Дэвид схватил его руку и крепко пожал ее.

— Если вы будете нуждаться в друге, — повторил он, — вы найдете меня у мсье Пьера Ганьона, номер одиннадцать, улица Святой Урсулы. А пока что возьмите вот это и позаботьтесь, чтобы кто-нибудь перевязал вам спину.

Карбанакс изумленно глядел на свою огромную ладонь, на которой лежало больше денег, чем он когда-либо видел. Дэвид тотчас же оставил его и только однажды повернулся и приветливо кивнул ему головой. Он спешил к дому Пьера Ганьона, где теперь был его собственный дом...

«Надолго ли?» — спрашивал он себя. В нем зародилось сильное желание пуститься немедленно назад к реке Ришелье. Теперь уже его подозрения относительно замыслов Биго превратились в полную уверенность. Биго, который сулил ему богатство и славу, который сумел завоевать веру и любовь Анны Сен-Дени, которого последняя считала безукоризненным джентльменом и честным патриотом, действительно был тем негодяем, каким его считали враги.

Пьера Ганьона не было дома, когда Дэвид Рок вошел в его комнату. Юноша быстрыми шагами ходил взад и вперед по огромной комнате, пока наконец не устал. В груди у него горел огонь, который буквально пожирал его. Он принял твердое и определенное решение, изгнавшее зародившееся было желание вернуться на реку Ришелье.

Если Биго действительно таков, каким он считает его, если он обманывает Анну Сен-Дени, его Анну, если правда то, что говорили Пьер и Нэнси, если он способен на то, что сейчас рассказывал ему Карбанакс, — в таком случае он, Дэвид Рок, будет трусом, если сейчас убежит.

Это будет поступком, которого стыдился бы Черный Охотник.

Бешеная злоба охватила душу молодого охотника, одновременно в нем проснулись инстинкт лесного жителя и вместе с тем досада на Анну за ту роль, которую она играла. Она выбирала между ним и интендантом и предпочла отдать свое доверие последнему.

Он почти не сознавал, что держит в руках какой-то сверток бумаги, взятый со стола. Это был документ о его производстве, написанный на пергаменте, перевязанном синей ленточкой. Дэвид развязал ленточку и горящими глазами прочел о своем производстве в лейтенанты.

Очевидно, Анна прислала этот документ с посыльным. От себя она не написала ни одной строчки. В руках Дэвида не было ничего, кроме пергаменты, который шуршал, подобно сухим листьям. Сердце юноши бешено колотилось. Он швырнул пергамент на стол, словно в нем было

что-то омерзительное...

Интендант Биго сдержал свое обещание. Почему?

Завтра, послезавтра — когда-нибудь он узнает причину этого, даже если ему придется отдать за это жизнь... и Анну.

Он очень обрадовался, когда услышал в коридоре шаги Пьера Ганьона.

Пьер вошел и, не произнося ни слова, крепко пожал руку своего друга. Затем он подошел к стене, снял пистолет, которым он накануне размахивал перед носом Дэвида, и положил его на стол.

Когда он снова посмотрел на Дэвида, последний заметил в его глазах бешеный огонь.

— Я нашел того человека, — сказал Пьер. — Сегодня в четыре часа мы будем драться в лесу Сен-Рош.

Глава V. ЗАПАДНЯ

Слова Пьера не вызвали в его друге ни тревоги, ни испуга. Если бы Пьер сказал: «Ты будешь драться сегодня в четыре часа дня», Дэвид оставался бы так же спокоен. Он готов был драться с кем угодно. Черный Охотник однажды говорил ему, что у каждого человека бывают минуты, когда он страстно желает драться. И это желание проснулось сейчас в груди Дэвида. И поединок Пьера был его поединком.

Пьер открыл ящик и достал оттуда пулю, порох и пыж.

— Я очень рад, что ты здесь, Дэвид, — сказал он. — Я уже опасался было, что мне придется искать себе секунданта в кофеине. У меня произошла ужасная ссора с Нэнси.

— Кто этот человек? — спросил Дэвид.

— Не знаю, и мне дела нет до этого. Только бы он умел стрелять, потому что я твердо решил убить его, и я не хочу, чтобы меня после мучила совесть. Я всей душой желал бы, чтобы это был капитан Талон.

Впервые за все время Дэвид Рок обнаружил изумление, и Пьер Ганьон расхохотался, глядя на него. Внезапно он увидел пергамент с производством Дэвида.

— А, вот это оно и есть? Поздравляю, Дэвид! Я говорил тебе, что Биго сдержит слово, хотя он и большой негодяй; надо отдать справедливость нашей Анне — она молодец. Право же, ты счастливеец!

Дэвид не стал ничего говорить. Он не спускал глаз с Пьера, готовившего патроны.

— Кто этот человек, с которым ты будешь драться? — снова спросил он.

— Я только могу сказать тебе, что он будет лежать в гробу сегодня вечером, — уверенным тоном ответил Пьер. — Я дал слово Нэнси, что сделаю это. Мы с ней ужасно поссорились, я никогда не подозревал, что женщина может прийти в такую ярость. Она назвала меня величайшим трусом, когда-либо существовавшим на земле, и сказала, что когда я стану лицом к лицу с моим соперником, то испугаюсь, уроню пистолет и даже не стану стрелять. Вот почему я начинаю верить, что это и есть капитан Талон. Он считается лучшим стрелком во всей провинции, и он хвастает, что никогда еще в жизни не промахнулся. Ну что же, я тоже не помню, чтобы я когда-нибудь промахнулся.

Он кончил заряжать пистолет и начал беспечно насвистывать.

— Но если ты не знаешь, кто это, как же ты будешь драться с ним?

— Нэнси поручилась мне, что он будет ждать меня в четыре часа. О, как она была взбешена! Она призналась мне, что целовала его не один раз, а тысячу, и сказала, что вполне уверена в его победе, равно как и в моей трусости, и заставила меня дать ей странный обет. До чего только может довести женщину озлобление! Если я откажусь стрелять, то должен дать торжественное обещание никогда больше не драться на дуэли. Можешь ты себе представить подобную вещь, когда весь мир знает, что я охотнее откажусь от еды, чем от удовольствия обменяться выстрелами.

Дэвид молчал. Мало-помалу в сердце его стал закрадываться страх за своего друга. Он тихо произнес:

— Питер Джоэль часто говорил мне, что человек не должен ничего делать под влиянием минутной вспышки. И я верю ему. Если бы ты обождал до завтра...

— ...и стал бы посмешищем всего города, не так ли? — огрызнулся Пьер. — Чтобы Нэнси пальцем стала указывать на меня на улице? Ба! Где она, пресловутая храбрость ваших лесов, о которой ты столько рассказывал мне?!

Пьер встал и вместе со своим другом вышел на улицу. По дороге он не переставал шутить,

между тем как Дэвид испытывал все больший и больший страх в душе.

Наконец они миновали город, вошли в лес и через несколько минут вышли на опушку, хорошо знакомую Пьеру, который не раз бывал уже здесь и в качестве дуэлянта и в качестве секунданта. Было без пяти четыре: Пьер никогда не являлся ни раньше, ни позже.

Внезапно Дэвид услышал веселые голоса и смех. «Наверное, случайные прохожие, — подумал он. — Не может быть, чтобы люди смеясь шли на кровавый поединок». Он отчасти обрадовался этому: дуэль будет хотя бы на некоторое время отсрочена из-за присутствия чужих.

Дэвид посмотрел на своего друга, и в то же время он снова услышал веселый хохот. Пьер нахмурил брови.

— Я узнаю смех доктора Куэ, — сказал он. — Он большой любитель поединков, но сдается мне, что он проявляет слишком много дружеского расположения к моему противнику. Ну что же, я в скором времени доставлю ему работу.

В это время на опушку вышло из лесу четверо людей. Двое остановились, а двое направились к Пьеру и Дэвиду.

Один из них, человек маленького роста и худощавый, весело улыбался. Дэвид невольно вспомнил старого мельника Фонблэ. В руках у маленького человека был ящик с хирургическими инструментами, и Пьер представил его Дэвиду, назвав доктором Куэ. Вместе с ним был секундант противника, человек средних лет, с чисто военной выправкой.

Пьер как бы случайно посмотрел на двух других мужчин, остановившихся у опушки. Они стояли шагах в пятидесяти от него. Оба были в длинных плащах и с черными масками на лицах. Легкая дрожь прошла по спине Дэвида Рока. Особенно не понравился ему более высокий, который, подумал он, вероятно, и окажется противником Пьера. В нем было столько достоинства и в то же время столько самоуверенности, что сразу видно было человека, не привыкшего шутить.

Его спутник был невысокого роста и почти юношеского сложения. Но в его осанке тоже было столько гордости и спокойствия, что невольно забывался его маленький рост.

Полковник Ташеро, секундант противника, прикоснулся к руке Дэвида.

— Прошу прощения, лейтенант Рок, — холодно начал он. — Солнце начинает заходить, и нам нужно торопиться, а потому давайте скорее обсудим детали. Вы, конечно, знаете, что мой друг, как сторона, которой был брошен вызов, имеет право выбора оружия, а также ему предоставляется право назначить расстояние и выбрать форму поединка. Мы решили драться на пистолетах, расстояние — десять шагов. И, кроме того, мой друг будет драться инкогнито, не снимая маски, к чему его вынуждает высокое положение в обществе.

— Бойтся снять маску! — прошипел сквозь зубы Пьер Ганьон. — Одно оскорбление за другим!

Полковник Ташеро ничем не показал, что слышал его замечание, и спокойно продолжал:

— Противники будут стоять лицом друг к другу. Мы будем считать до трех с промежутком в пять секунд после каждого счета. При команде «три» противники могут стрелять. Я полагаю, что это все. Вы готовы, джентльмены?

Дэвид не в состоянии был выжать из себя ни слова. И Пьер ответил за него:

— Мы готовы, полковник.

Дэвид чувствовал какую-то ноющую боль в груди; это было еще хуже, чем экзекуция. Если бы только это был не Пьер... Лучше бы он сам, Дэвид Рок!

Полковник Ташеро в это время отмерил расстояние, тщательно обозначив обе черты. Доктор Куэ опустился на колени и стал приводить в порядок инструменты. Ташеро поднял руку, и более высокий из двух мужчин, стоявших у опушки, направился к своему противнику. Дэвид посмотрел на своего друга и, к изумлению своему, увидел довольную улыбку на его

губах. Пьер даже почти смеялся, когда занял свое место и взял пистолет из рук Дэвида.

— Когда он будет мертв, мы увидим, кто скрывается за его маской, — сказал он.

Дэвид отступил назад и стал рядом с полковником Ташеро, стоявшим наготове с часами в руках.

— Готовы, джентльмены?

— Готовы, — ответило два голоса.

— Хорошо. Начинаем! Раз!

«Тик-тик-тик» — слышал Дэвид, как отстукивали часы в руке Ташеро, и вместе с тем он слышал, как неистово билось его собственное сердце.

— Два!

Одновременно с этим счетом высокий человек поднял руку и сорвал маску с лица. Тем же движением он сбросил с себя плащ и шляпу. Все это произошло в две-три секунды.

— Теперь, мсье, вы можете увидеть мое лицо! — воскликнул он.

Дэвид, совершенно ошеломленный, глядел на своего друга. Казалось, Пьер Ганьон потерял способность мыслить, говорить и двигаться. Его нижняя челюсть повисла, рот широко открылся, глаза, казалось, вот-вот выскочат из орбит, а пистолет висел в безжизненно опустившейся руке.

— Три!

Это слово, словно пушечный выстрел, раздалось в ушах Дэвида. Пьер все еще стоял не шевелясь, и его лицо, которое несколько секунд тому назад улыбалось, сейчас было мертвенно-бледно и выражало дикий ужас. «Он сейчас будет убит!» — подумал Дэвид и, не отдавая себе отчета в своем поступке, кинулся между дуэлянтами.

И в это мгновение он увидел, что пистолет выпал из безжизненных пальцев Пьера, который повернулся и, как предсказывала Нэнси Лобиньер, направился к лесу, все ускоряя шаг, и, наконец, бросился бежать без оглядки.

Дэвид Рок переводил глаза с одного из присутствующих на другого. Высокий мужчина, сорвавший с себя маску, глядел на него и улыбался. Доктор Куэ посмеивался и кудахтал, как курица. Даже суровое лицо полковника Ташеро озарилось улыбкой.

Противник Пьера протянул руку Дэвиду и просто сказал:

— Я — отец Нэнси Лобиньер. Надеюсь, вы не будете очень сердиться на нас за то, что мы сыграли такую шутку с вашим другом. Он горел желанием убить человека, которого столько раз целовала моя дочь. Это я и есть. Прошу вас, простите нам нашу невинную шутку.

— Я бесконечно рад, что это так кончилось, — ответил Дэвид.

Он случайно посмотрел туда, где стоял у опушки второй человек в маске, и заметил, что тот машет ему рукой. Дэвид подумал, что это не относится к нему. Он понятия не имел о том, кто этот незнакомец; а пока он стоял в нерешительности, тот повернулся кругом, вошел в лес и скрылся с глаз.

Мсье Лобиньер еще раз извинился перед Дэвидом. И он и полковник Ташеро весело смеялись.

— Я вряд ли гожусь куда-нибудь в качестве секунданта, — сказал Дэвид. — Я совершенно забыл о своих обязанностях, а потому, если вы простите меня, я постараюсь догнать мсье Ганьона.

Он быстрыми шагами пустился в лес, но едва прошел шагов двадцать, как из-за кустов выскочила чья-то фигура и подбежала к нему. Это был тот молодой человек, который раньше махал ему рукой.

И тут перед глазами Дэвида Рока разыгралась самая удивительная часть необычайной сцены. Незнакомец сбросил с себя плащ, сорвал маску и шляпу, и по плечам его рассыпались золотистые волосы.

— Нэнси! — воскликнул Дэвид.

Девушка была бледна как мел и вся дрожала, но в то же время она улыбалась и сияющим взором глядела на Дэвида.

— Я еще никогда в жизни не испытывала такого испуга, — сказала она, и в ее голосе послышалось рыдание. Она протянула руку Дэvidу, словно нуждаясь в опоре. — Я не думала, что они зайдут так далеко в своей шутке. Я просила отца снять маску, как только он станет лицом к лицу с Пьером, а он ждал, пока Ташеро не произнесет этого страшного «два». Я чуть было не закричала! Но каким молодцом вел себя Пьер, правда? Пока он не увидел, что это мой отец.

Не дожидаясь ответа, она быстро добавила:

— Пойдемте скорее, Дэвид. Вы мне нужны.

Юноша последовал за ней, и вскоре они вышли на дорогу, где ждали два экипажа. Нэнси села в один из них, и Дэвид сел рядом с ней. И только тогда молодой охотник вздохнул свободно и сам тоже рассмеялся.

— Бедный Дэвид! — заметила Нэнси. — Вы, наверное, не меньше меня испугались.

— Да, вы правы.

— А Пьер! — восторженно воскликнула Нэнси. — Подумайте только, он стоял и улыбался, когда даже самые храбрые люди бледнеют в таких случаях. О, как это было красиво! Я знаю, что он будет долго злиться на меня, но я одержала победу. Я знаю, что Пьер сдержит свое слово и никогда больше не будет драться на дуэли. Я так ненавижу эти поединки.

— Он говорил мне про данный вам обет.

— И он сдержит его! Потому-то я и люблю его.

Заметив, что Дэвид смотрит на нее с недоумением, Нэнси призналась:

— Да, это правда, Дэвид, я люблю его. И я хочу, чтобы вы так передали Пьеру. Скажите ему, что я давно уже люблю его, но этого мало, — я должна питать также уважение к любимому, и я не могла бы уважать человека, который живет только для того, чтобы драться на дуэли и бездельничать. И вы можете еще подтвердить ему, что вы, мой отец и Пьер — единственные мужчины, которых я когда-либо целовала. Я сейчас так счастлива, что почти готова еще раз расцеловать вас, Дэвид.

— Один поцелуй уже чуть не погубил меня, — с суровой усмешкой сказал Дэвид. — Но я сейчас в таком отчаянии, Нэнси, что, пожалуй, рискнул бы еще на один.

Нэнси весело расхохоталась.

— О, вы в скором времени будете самым интересным кавалером в Квебеке, Дэвид! Вы делаете большие успехи.

— Только назад, — заметил Дэвид и тотчас же поведал ей обо всем, что произошло между ним и Анной, и о своих подозрениях касательно Биго.

— Я день и ночь не переставала молить судьбу, чтобы у вас наконец открылись глаза, пока еще не поздно, — ответила Нэнси, выслушав его, и лицо ее приняло напряженное выражение. — Дэвид, теперь, когда вы угадали часть этой тайны, я хочу изложить вам всю правду, как бы это ни было больно. Я боюсь за Анну. Она слишком любит Новую Францию, и ничто не сможет поколебать ее веры в Биго, пока она смотрит на него как на полубога, которому суждено вести Новую Францию к победе и славе. Биго — чудовище, его порочности нет границ. Я могла бы еще понять его отношение к Анне. Но мне никак не постичь, чем объясняется его очевидный интерес к вам, Дэвид. Вот тайна, которую вы должны разрешить, и я убеждена, что вы это сделаете. Но за Анну, повторяю, я боюсь. Она любит вас, я это знаю. Но Биго умеет оказывать влияние на людей, и влияние его всегда было роковым. Вы не сердитесь на меня, Дэвид, за то,

что я вам это говорю?

— Нет, — ответил юноша, становясь еще бледнее. — Ваши слова лишь служат подкреплением зародившихся во мне подозрений.

Экипаж подъехал к дому Лобиньер.

— Я надеюсь, что вы... вы не собираетесь уйти обратно к Ришелье? — с тревогой в голосе спросила Нэнси.

— Нет. Этого я никогда не сделаю.

— Я очень рада этому. Я хочу выдать вам маленький секрет Пьера, Дэвид. Он настаивал на вашем приезде в Квебек не ради вас, а ради Анны.

— Вы думаете...

— Я ничего не думаю. Я не смею ничего думать, разве только, что считаю Биго лжецом и лицемером и что я не могу понять причины его расположения к вам. Я рада, что вы не собираетесь бежать с поля битвы. Анна нуждается в вас, и в скором времени она убедится в этом. Не зайдете ли вы к нам? Скоро вернется мой отец.

— Я хочу скорее разыскать Пьера Ганьона, — ответил Дэвид, делая попытку улыбнуться. — Нельзя надолго откладывать ту миссию, которую вы возложили на меня.

— И вы будете часто навещать меня, Дэвид?

— Да, — решительно ответил тот.

Юноша поспешил на улицу Святой Урсулы и там обнаружил гостя, опередившего его. Это был Карбанак.

Его с трудом можно было узнать. Лицо гиганта было покрыто грязью, на голове не было шляпы, и густые волосы космами спадали на глаза. Рот был открыт, губы совершенно бескровны, глаза блуждали, а огромные руки судорожно цеплялись за ручки кресла, в котором он сидел, весь съежившись, словно загнанный зверь.

Дэвид закрыл за собой дверь и приблизился к нему. Карбанак сделал усилие над собой и встал, но улыбка, которой он хотел приветствовать Дэвида, придала его лицу еще более страшное выражение.

— Я пришел по вашему приглашению, — начал он, с трудом выжимая из себя слова. — Вы велели мне прийти, если я буду нуждаться в друге. Когда вы оставили меня, я отправился домой и там нашел Николета у моей жены. Пока меня истязали на улице, он был с нею. Я захватил их врасплох — мою жену, которая была честной и преданной женщиной, пока Биго и этот купец не развратили ее, и...

Руки Карбанака судорожно сжались в кулаки. Он поднял их к Дэвиду, раскрыл их и показал ему залитые кровью пальцы.

— Я не успел смыть кровь, — прошептал он, — я убил Николета — вот так!..

Дэвид Рок слушал его и от ужаса и изумления не в состоянии был произнести ни одного слова.

— Весь город гонится за мной по пятам, — продолжал Карбанак. — В последнюю минуту, когда я уже потерял было всякую надежду и считал себя погибшим, я подумал про вас и вспомнил ваши слова. Никто не видел, как я забрался сюда через окошко, которое вы оставили открытым. Что вы намерены сделать со мной?

Раньше, чем Дэвид успел ответить, открылась дверь и вошел Пьер Ганьон.

Двадцать минут спустя Карбанак был спрятан в глубине чулана, в котором хранилась старая мебель.

Присутствие Карбанака, его горькая и жуткая повесть, то обстоятельство, что он теперь скрывается от закона, и даже сознание, что весь город ищет его, — все это нисколько не

встревожило Пьера Ганьона, на лице которого по-прежнему были написаны грусть и безнадежность.

— Несчастный человек, — сказал он, подразумевая Карбанака. — Я вполне понимаю, что он должен переживать. У него так же безнадежно на душе, как у меня. Стоит ему только выйти отсюда, и его ждут пытки и петля... что, впрочем, я и сам предпочел бы, чем находиться в моем положении.

— Я тебя не понимаю, — сказал Дэвид.

— Не понимаешь? В таком случае позволь тебе сказать следующее: с тех пор, как белый человек поселился на берегу этой реки, ни над одним джентльменом не сыграли еще такой шутки, как сегодня надо мной. Завтра я стану всеобщим посмешищем во всей провинции. Подумай только, обманут и обещен одной и той же женщиной — Нэнси Лобиньер!

— Нэнси совершенно иначе смотрела на это, — задумчиво произнес Дэвид Рок.

Пьер Ганьон метнул в него молниеносный взгляд.

— Почему ты знаешь?

— Я провожал ее в ее экипаже после... дуэли. Она и была тем молодым человеком, который стоял у опушки леса.

— Что-о-о? — воскликнул Пьер.

— Да, — подтвердил Дэвид. — И она чрезвычайно горда твоим поведением. И она была счастлива, когда все это кончилось. Нэнси сказала мне, что теперь убеждена, что ты никогда в жизни не будешь больше драться на дуэли и сдержишь свое слово джентльмена. И потому, сказала она, она тебя любит.

— Она что?

— Тебя любит, — спокойно повторил Дэвид. — Она так и сказала мне: передайте ему, что я давно уже люблю его, но, помимо любви, я должна также питать уважение к любимому, а я не могла бы уважать человека, который живет праздно и занимается только поединками. Вот ее подлинные слова.

Пьер Ганьон подошел к окну, выходившему на улицу. Он отвернул лицо от Дэвида, выглянул сперва на улицу, а затем произнес:

— Дэвид, возможно ли, что ты бы стал искажать слова Нэнси, чтобы доставить мне удовольствие?

— Даю тебе слово, что я повторяю ее слова.

Пьер все еще стоял, отвернувшись от него, и глядел на улицу.

— На улице полно народу, — тихо произнес он. — Надо полагать, что ищут Карбанака.

— Я убежден, что Нэнси будет счастлива, если ты наведишь ее сегодня, — продолжал Дэвид. — Эта ярость с ее стороны, о которой ты рассказывал, и дикая ссора между вами — все это было разыграно ею как часть замысла. И то, что она сказала тебе о поцелуях, тоже правда. Ее отец и я...

— Ты обратил, Дэвид, внимание на руки Карбанака? — спросил Пьер, словно он и не слышал того, что говорил ему друг. — Мне кажется, что у него типичные руки лодочника.

— Да, пожалуй, — согласился Дэвид, озадаченный странным оборотом разговора. — Он рассказывал мне, что на лодке забирался в глубь страны и скупал меха у индейцев оттава.

— Было бы чудесно иметь его с собой в лодке, — словно обращаясь к самому себе, продолжал Пьер Ганьон. — Как жаль, что такой человек должен пропадать здесь. Ты знаешь, что ждет его, если его найдут здесь, спрятанным у меня?

— Могу только догадываться, — ответил Дэвид.

— Мы все трое будем повешены. Таков закон. Можешь вообразить — Пьер Ганьон и лейтенант Дэвид Рок висят на Лобной площади в Нижнем городе. А Нэнси Лобиньер и Анна

Сен-Дени стоят и глядят на это зрелище. Но все же я надеюсь, что до того, как нас будут вешать...

— Да? — спросил Дэвид, видя, что его друг умолк.

— ...до того произойдет еще много удивительных вещей, мой друг.

Пьер Ганьон повернулся к Дэvidу. На лице его уже не было прежней тревоги, напряжения и выражения безнадежности. Полный покой озарял его черты, и вместе с тем Дэвид заметил какое-то необычное для этого избалованного красавца выражение решимости.

— Если ты простишь меня, то я на время оставлю тебя, — сказал Пьер, и, когда он ушел, Дэвид подумал, что его друг спешит повидаться с Нэнси.

Дэвид отправился в ближайшую харчевню и там достал кой-чего съестного для Карбанака. Повсюду вокруг себя он слышал разговоры об убийстве купца Николета.

Пока Карбанак ел, Дэвид успел поговорить с ним относительно пограничных лесов на реке Ришелье, и оказалось, что тому эта местность хорошо знакома. Покончив с едой, Карбанак снова спрятался в чулане. Дэвид взял в руки одну из книг Пьера, пытаясь заняться чтением, но как ни старался он отогнать навязчивые мысли, он ни на секунду не переставал думать об Анне.

Пьер вернулся довольно поздно, и вид у него был очень усталый.

— Ты видел Нэнси? — первым делом спросил его Дэвид.

— Нет, я был страшно занят. Я приготовил маленький сюрприз для Нэнси. Я убежден, что он понравится ей. Но пока что ты не должен меня расспрашивать.

Пьер сел за стол и принялся писать письма. Дэвид глядел на него и думал, что его друг никогда не кончит писать. Было уже за полночь, когда они разошлись по своим комнатам и легли спать. Дэвид уснул, спрашивая себя, что они будут делать с Карбанакom.

Утром Дэвид оделся и стал дожидаться появления Пьера. Но тот не показывался. Тогда Дэвид отправился к нему в комнату и, к великому изумлению своему, обнаружил, что постель Пьера оставалась нетронутой, — было очевидно, что он не ложился в нее. Пьера самого тоже не было.

Дэвид отправился к чулану, в котором был спрятан Карбанак... Того тоже не оказалось.

Совершенно озадаченный, он вошел в гостиную, и там черный слуга подал ему письмо.

«Дорогой друг» — начиналось письмо Пьера, занявшее три полных страницы. И Дэвид узнал, что Пьер ушел, взяв Карбанака с собой, вычернив его предварительно «под негра».

«Ты можешь пользоваться моим домом, сколько тебе будет угодно, — читал он дальше. — Я никогда больше не вернусь. Если мне когда-нибудь случится быть в Квебеке, то лишь в качестве гостя. Я покидаю Квебек, не повидав Нэнси, потому что в полной степени отдал себе отчет в том, каким ничтожеством я был до сих пор. Я был слеп, как крот, глуп и ни к чему не пригоден, и я не стою того, чтобы она обращала на меня хотя бы каплю внимания, — пока у меня не будет такая же талия, как у тебя, пока не закалятся мои мускулы, пока мое лицо не загорит, как у тебя. Я люблю Нэнси всей любовью, на какую только я способен, и я стараюсь поверить тому, что ты говорил мне, — что она меня любит. Я поставил себе целью организовать отряд независимых воинов на реке Ришелье, чтобы быть готовым принять участие в великой борьбе, которая уже не за горами. И в этой борьбе я надеюсь завоевать уважение Нэнси. Как я ей благодарен за то, что она сумела разбудить во мне уснувшее достоинство!»

Дэвид Рок долго сидел и с наслаждением снова и снова перечитывал письмо. Слова Пьера влили еще больше решимости в его собственную душу. Он принял твердое решение — такое же твердое, как решение Пьера. Он останется здесь и до последней капли крови будет защищать свою Анну. Чем ближе она будет к Биго, чем теснее он, Дэвид, окажется затянутым в сети, которые раскинул интендант, тем больше сведений будет он получать.

О том, что ему лично могла грозить опасность, юноша и не задумывался.

Вернувшись домой после завтрака в кофейне неподалеку от дома Ганьона, Дэвид, в ожидании капитана Робино, первым делом написал Пьеру подробное письмо. Он не упоминал, конечно, в письме про Карбанака, но о своих намерениях писал подробно, как и о многих других вещах, которые он подозревал и в которых был уверен.

Робино явился ровно в десять и до часу проводил первый урок военного обучения. После перерыва на завтрак он занимался с ним фехтованием. Робино был неумолим в своих требованиях, и все в нем выдавало человека, чрезвычайно бережно относящегося к своим обязанностям. Он все больше и больше нравился Дэвиду, который между прочим спросил его, не знает ли он, как отправить возможно скорее письмо в Ришелье. Робино ответил, что вечером отправляется почта, и он позаботится о том, чтобы письмо Дэвида пошло по назначению.

Несколько часов спустя Биго читал это письмо. Оно доставило огромное удовлетворение интенданту, и тот горячо благодарил капитана Робино, который принес ему это письмо. Интендант приказал снять копию, а оригинал снова запечатать и отправить по назначению.

— Даже такая мелочь, как это письмо, капитан, — сказал Биго, покончив с этим делом, — в значительной степени облегчает ваши обязательства по отношению ко мне.

Робино ничего не ответил и лишь холодно поклонился.

В течение всего дня Дэвид нетерпеливо дожидался какой-нибудь весточки от Анны, но весточка не приходила. Зато ему принесли письмо от Нэнси, веселой и счастливой Нэнси, в котором та сообщала, что получила подробное письмо от Пьера и очень просит Дэвида прийти поужинать вместе с ней и ее отцом.

Дэвид не задумываясь принял приглашение. Его встретила Нэнси, сияющая и радостная. Ее голос слегка дрожал, когда речь заходила о Пьере Ганьоне. Она очень боялась, как бы Пьер не забрел слишком далеко в земли индейцев.

Взяв с нее слово никогда не рассказывать об этом Пьеру, Дэвид дал ей прочесть письмо, которое последний оставил ему перед отъездом.

Слезы выступили на глазах Нэнси, когда она кончила читать.

— Милый Пьер, — прошептала она. — Пройдет много времени, раньше чем я его снова увижу, и все же я рада, что он уехал.

Мсье Лобиньер, который предпочитал, чтобы люди забывали о его баронском титуле, принял Дэвида как родного сына и также как равного. Этот высокий, красивый джентльмен, глава Общества Честных Людей, предки которого начали строительство Новой Франции под предводительством славного Талона, произвел на Дэвида более глубокое впечатление, чем кто-либо до сих пор. Между ним и старым джентльменом тотчас же возникло чувство доверия и взаимного уважения. Дэвид стал рассказывать ему про Ришелье, про земли, лежащие на юге, про английские форты, про индейцев, а мсье Лобиньер упивался каждым словом молодого охотника. А затем он в свою очередь принялся рассказывать Дэвиду про Квебек, правительство, политику, о слабых сторонах города и о тех людях, которые навлекают на Новую Францию опасность.

Когда зашла речь о капитане Робино, дымка грусти прошла по лицу старого джентльмена, и он тихо заметил:

— Никак не могу понять, по какой причине Робино якшается с интендантом и его друзьями. Вы должны знать, что Робино — лучший военный эксперт во всей Новой Франции и даже лучше знаком с условиями этой страны, чем вы и я. Он происходит от чрезвычайно порядочных и честных людей, и сам тоже никогда ничем не запятнал себя. Но в последний год он так изменился, что мы совершенно не узнаем его. Он превратился почти в отшельника, если не считать его военных обязанностей. Для меня является загадкой, каким образом Биго сумел захватить его в свои руки.

Нэнси Лобиньер все время оставалась с ними и слушала, несмотря на то, что ее давно уже клонило ко сну. Когда же Дэвид собрался наконец уходить и он и девушка остались на минутку одни, Нэнси впервые упомянула имя Анны Сен-Дени.

— Вы видели ее сегодня? — спросила она.

— И в глаза не видел, — грустно ответил Дэвид.

— Но вы что-нибудь слышали о ней?

— Ничего.

— В таком случае, я получила от нее письмо, которого хватило бы на нас обоих! — сказала Нэнси, и в ее глазах вспыхнул огонек. — Она прислала мне длинное и весьма ядовитое послание, в котором упрекает меня за то, что я отравила ваше сознание и настроила против Биго. Возможно, что нехорошо с моей стороны так расстраивать вас, Дэвид, но все же я буду продолжать в том же духе, пока не буду окончательно убеждена, что вам удастся спасти Анну от губительного влияния интенданта. Он опять катался с ней по городу в экипаже, и я была буквально ошеломлена, когда увидела их. За всем этим что-то скрывается, и мы должны во что бы то ни стало раскрыть это дело.

Нэнси чуть вздрогнула и умолкла.

— Почему вы не скажете всего, что накопилось у вас на душе? — сказал Дэвид.

— Я не могу! Я не могу! Мои мысли слишком страшны, слишком неправдоподобны!

— Я почти уверен в том, что вы хотели бы сказать мне, что... Биго добивается обладания Анной.

Нэнси опустила голову, и слезы брызнули из ее глаз.

— Да, вы совершенно правы, Дэвид.

— И вы думаете...

— О, я ничего не думаю, Дэвид, я только боюсь!

Юноша спокойным голосом пожелал ей доброй ночи и, высоко, как индеец, держа голову, вышел из дома Лобиньер. Но когда он остался один, то почувствовал, что ноги у него подкашиваются. Он ничего не видел вокруг себя и понятия не имел о том, куда несут его ноги. Очевидно, инстинкт привел его к стенам монастыря, и он обошел вокруг него и долго стоял под тем окном, где в это время спала Анна Сен-Дени. Мысли вихрем проносились у него в голове. То его глазам представлялся лес на реке Ришелье и долина, вся в цветах, залитая лучами солнца, то он видел вдруг перед собой смятую перчатку Анны или же Биго вместе с ней в экипаже...

— Куда мог деться Черный Охотник? — не раз спрашивал он себя. — О, если бы он был сейчас здесь!

Дэвид стиснул зубы и расправил плечи. Он знал, что сказал бы в таком случае Черный Охотник: «Охотник с реки Ришелье никогда не поворачивается спиной к опасности!»

Он снова вспомнил свой разговор с Нэнси Лобиньер. Наконец-то ему открылась часть загадки. Но почему же, почему Биго по-прежнему так дружески расположен к нему?

На третий день после «бегства» Пьера, Дэвид получил наконец письмо от Анны Сен-Дени.

Письмо было очень коротенькое. Она обращалась к нему по-прежнему «дорогой Дэвид» и подпись гласила «твоя любящая Анна», но в самом письме не чувствовалось прежнего тепла. Она писала, что была больна и не сможет видаться с ним, пока не поправится окончательно. Но она не перестает думать о нем. Она выражала надежду, что ее посланец доставил ему в целости пергамент с его производством; она очень рада слышать, что он быстро подвигается вперед в военных науках.

Дэвид ответил на письмов в спокойном и нежном тоне. Но в то же время он отнюдь не настаивал на свидании с ней. Он только писал, как это прискорбно, что он столько времени не

будет видеть ее. Он писал ей про Пьера и о своем военном обучении под руководством Робино и как бы между прочим упомянул о вечере, проведенном в обществе Нэнси Лобиньер и ее отца.

И после этого Дэвид Рок с еще большим усердием принялся за работу. В продолжение следующей недели он изредка получал вести от Анны, которая писала, что физическое недомогание лишает ее возможности увидеться с ним. Робино, приходивший в изумление от успехов своего ученика, обстоятельно докладывал обо всем Биго. Последний трижды приглашал юношу в свой дворец, и тот каждый раз находил там Каде, де Пина и других. Дэвид надел военную форму и вскоре немного освоился с нею. А в глазах Робино блеснул огонек профессиональной гордости, когда он впервые увидел своего ученика в мундире и при сабле.

Биго по-прежнему уделял много внимания Дэvidу. Он лично представил его губернатору и познакомил с советниками, которые собирались на заседание Совета во дворце Святого Людовика. Однажды он пригласил Дэвида на одно из этих заседаний и попросил его поделиться с присутствующими своими сведениями о пограничных лесах и главным образом о землях, расположенных вдоль Ришелье. Он всеми мерами старался показать юноше, что тот приносит огромную пользу Новой Франции и этим оправдывает заботы интенданта о нем.

Однажды на заседании своего частного Совета он расспрашивал Дэвида о его поездке с Черным Охотником в форт Вильям-Генри и в Пенсильванию и просил подробно поделиться своими впечатлениями от этого путешествия. Он также познакомил его с епископом, который интересовался борьбой между двумя церквями на юге, где сталкивались два направления: католицизм и протестантство.

Дэвид, который все еще терялся в догадках, давал на все обстоятельные ответы и в то же время ломал голову над вопросом, почему интендант по-прежнему так дружески расположен к нему.

А Биго, подобно огромному пауку, дожидаящемуся жертву в центре паутины, потирал руки от удовольствия.

Тем временем де Пин, Водрей и Дешено не переставали рассказывать направо и налево о том, какая глубокая, искренняя дружба зародилась между интендантом Новой Франции и красавцем-охотником из пограничных лесов, несмотря на то, что последний незадолго перед этим удостоил великого интенданта «ледяным крещением». И романтическая сторона этой истории захватила воображение жителей Квебека.

По мере того, как проходили дни, Дэвид, к удивлению своему, стал замечать, что становится заметной фигурой в городе. Он это видел и чувствовал. Самый могущественный человек во французских владениях отметил его своими милостями. Спокойное отношение Дэвида ко всему окружающему, его сдержанность, напоминаяшая поведение индейца, его быстрая карьера — обо всем передавалось из уст в уста.

А Биго между тем изливал свою душу Анне в обильных посланиях и каждый раз напирал, что все, о чем он пишет ей, должно оставаться в секрете. Он умолял ее простить его за то, что досаждаст ей тревогами, но он сам живет, мол, все это время в безумной тревоге и нуждается в человеке, с которым мог бы поделиться и которому мог бы изложить все, что волнует его в связи со счастьем двух наиболее дорогих существ на свете — ее и Дэвида Рока.

Он просил ее приложить все старания и использовать свое влияние на Дэвида, дабы тот прекратил всякие сношения с Черным Охотником. Его письма, казалось, исходили из глубины великой души. А смиренный тон их окружал Биго ореолом святого в представлении Анны Сен-Дени.

Что же касается Дэвида, то он черпал бодрость у Нэнси Лобиньер. Она откровенно показывала, что гордится им. И она, и ее отец относились к нему как к лучшему другу и познакомили его с большим числом «Честных Людей», принявших Дэвида в круг близких

друзей.

Мало-помалу Нэнси Лобиньер, опьяненная своим собственным счастьем, стала преодолевать свой беспричинный страх за Анну.

— Я надеюсь, — говорила она Дэвиду, — что Анна допустила ошибку только в своем мнении насчет Биго. Остается лишь радоваться тому, что она находится еще в монастырской школе, которая в значительной степени ограждает ее от интенданта. А к тому времени, когда Анна кончит школу, она в достаточной степени убедится в том, кто такой Биго, и сама не захочет лучшего места на земном шаре, чем замок Гронден, — на коленях будет умолять вас о прощении. Точно так же, как я сама не мечтаю о лучшем пристанище, чем дом Пьера на реке Ришелье.

Однажды она встретилась с Анжелой Рошмонтье, и та в разговоре об Анне сказала:

— Анна не больна — я хочу сказать, физически она отнюдь не больна. Что-то гложет ее сердце и ее мозг, нечто такое, что тревожит меня больше, чем серьезная болезнь, которая в большинстве случаев поддается лечению.

В субботу после целой почти недели молчания Дэвид получил наконец записку от Анны. Ее принесли ему утром чуть не на заре. Анна просила его не откладывая прийти к ней в полдень в школу.

В первое мгновение волна радости залила душу Дэвида. Но потом его возбуждение улеглось, и он твердо решил, что должен выложить ей все, что он знает о Биго и в чем его подозревает.

Ровно в полдень он был в монастырской школе; его провели в низкую, сводчатую комнату. Когда Анна вошла, дрожь прошла по всему телу Дэвида. Перемена, которую он заметил в ней, не могла быть результатом болезни. Не говоря уж о том, что в лице девушки не было ни кровинки, что оно стало много тоньше, она производила впечатление совершенно бескровного существа.

Девушка заметила, как потрясен ее возлюбленный.

Прошло несколько секунд, прежде чем кто-либо в состоянии был заговорить. А затем Анна тщательно прикрыла дверь за собой и, ласково улыбнувшись Дэвиду, протянула ему руку. Но юноша тотчас же увидел, что ее улыбка вымученная. Он взял ее руку в свои и крепко сжал ее, борясь с безумным желанием заключить девушку в свои объятия. И он ясно видел, что Анна тоже переживает такую же борьбу. И только это сознание заставило его наклониться, чтобы поцеловать ее.

Но Анна не позволила даже этого. Она слегка отодвинулась от него и сказала:

— Только не сейчас, Дэвид!

А потом они сели у окна друг против друга, и глаза Анны скользнули по мундиру Дэвида. Она снова улыбнулась, несколько не скрывая своей гордости, но ее улыбка, как показалось юноше, принадлежала старому человеку, и вместо того, чтобы доставить ему удовольствие, она лишь пуце прежнего потрясла его.

— Форма тебе удивительно к лицу, Дэвид, — сказала она.

— Я очень рад, что тебе нравится, — ответил юноша.

Он не отдавал себе отчета, что его лицо было сейчас так же бескровно, как и ее.

— Анжела Рошмонтье рассказала мне, что ты с удивительной быстротой продвигаешься вперед и даже успел стать заметной фигурой в городе.

— Робино говорит, что я делаю быстрые шаги, — подтвердил Дэвид, оставляя без внимания вторую половину ее фразы.

Некоторое время они сидели молча. Внезапно Дэвид вскочил на ноги, и глаза его вспыхнули огнем.

— Анна! — крикнул он. — Во имя нашей любви, скажи мне, что случилось? Что все это значит? Что означает эта перемена в тебе? Я сижу в этом проклятом городе только из-за тебя, я ношу эту форму только ради тебя, я принимаю благодеяния и лицемерную дружбу негодяя и предателя только ради тебя. Совсем еще недавно ты радовалась, когда я обнимал тебя, ты говорила, что любишь меня, а теперь ты, очевидно, возненавидела меня. Почему это? Что произвело эту перемену... Если не Биго, это чудовище, который ослепил тебя своими лисьими речами, который украл у Карбанака жену, а его самого предал экзекуции, который строит все время хитроумные замыслы, чтобы забрать тебя у меня! Как же ты...

Больше он ничего не успел сказать. Анна тоже вскочила на ноги, и мертвенная бледность ее лица сменилась густым румянцем. Властным жестом указав на стул, с которого встал Дэвид, она приказала:

— Садись!

Дэвид, который под действием страсти и душевной муки сказал гораздо больше, чем намеревался, повиновался и сел. Анна тоже опустилась на стул и посмотрела на него глазами, в которых сверкал огонь.

— Во-первых, я прошу тебя вспомнить, что ты находишься в монастыре, а потому должен был бы больше обдумывать свои слова, перед тем как швырять подобные оскорбления. Затем позволь мне сказать несколько слов, не прерывая меня, и я объясню тебе, почему я не бросилась в твои объятия, когда ты вошел, и почему, как ты говоришь, во мне произошла такая перемена.

Уже целую неделю, как мое сердце разрывается от тоски, боли и тревоги. Мне очень хотелось бы, чтобы ты обнял меня. Мне очень хотелось бы целовать тебя. И я люблю тебя сейчас еще больше, чем когда-либо. Но это не значит, что я могу позволить себе усыпить мою преданность Новой Франции и веру в человека, который думает только о ней.

Она умолкла и продолжала глядеть на Дэвида, словно желая увидеть, какое действие произвели ее слова.

— Ты сказал сейчас, что мсье Биго — чудовище, негодяй и предатель. На каком основании ты бросаешь такие обвинения?

— У меня уже есть доказательства и с каждым днем их прибавляется все больше.

— В таком случае, Дэвид, когда ты услышишь о том, что заставило меня пригласить тебя сюда, ты переменишь свое мнение. У каждого из нас есть свой долг независимо от нашей любви, и в течение всех этих дней я собиралась с силами, чтобы, вопреки наболевшему сердцу, сказать тебе, что происходило за это время в моем мозгу, обо всем, что я думала и в чем убедилась.

И позволь тебе сказать, что, несмотря на все те злобные сплетни и пересуды, которые раздаются по адресу Биго, я считаю его самым честным человеком в Новой Франции. Его враги угрожают ему смертью, а его смерть была бы равносильна гибели Новой Франции. Он единственный преданный ей человек, он — крепость, о которую разбиваются все козни врагов, от которой зависит судьба нашей родины. Тогда как ты слеп, он великолепно все видит, и только благодаря той бескорыстной дружбе, которую он питает к нам, он до сих пор не уничтожил еще — по заслугам — человека, который дорог тебе. Биго сумел обнаружить один из источников, один из самых главных между прочим, откуда исходит предательство, которое с каждым днем дает англичанам все больше и больше преимуществ перед нами. И теперь я понимаю, почему мое сердце наполнялось таким безотчетным страхом каждый раз, когда ты произносил при мне имя Черного Охотника. В этом крылся инстинкт самозащиты еще до того, как появился на горизонте интендант Биго. Ибо теперь уже не может быть больше сомнения, Дэвид... Черный Охотник, который так глубоко привязан к тебе и к твоей матери, — предатель и шпион, один из самых смертельных врагов Новой Франции!

Руки его покрыты кровью французских колонистов, их жен и младенцев. Роль, которую отвели ему англичане, заключается в том, чтобы собирать сведения для них, и он предаёт наши незащищённые дома огню и топорам индейцев. Благодаря своим друзьям (а интенданту известно, что таковые есть у Чёрного Охотника на реке Ришелье), ему удалось добыть все сведения, какие только нужны англичанам. И в последнее время, как ты сам знаешь, он стал ещё более смел, чем когда-либо. Биго знает, что он проводил тебя почти до самых ворот Квебека и там оставил тебя... а несколько позднее он пробрался к Квебеку в качестве торговца мехами, два дня спустя покинул город и с добытыми сведениями направился к англичанам. И интендант Биго, человек, которого ты называешь чудовищем, негодяем, предателем, этот великодушнейший патриот, который так искренне пригласил и тебя и меня, этот великий человек дал Чёрному Охотнику возможность безнаказанно выйти из города! Он дал уйти угрозе Новой Франции! И только потому, что, будь Чёрный Охотник пойман и повешен, это непременно было бы связано с опасностью для тебя и для твоей матери.

Лицо Дэвида приняло пепельно-серый оттенок, и кровь совершенно застыла у него в жилах к тому времени, когда Анна кончила говорить. А девушка, видя результат своих убийственных слов, не спускала с него глаз.

— Дэвид, я позвала тебя, чтобы открыто сказать» обо всем... даже если ты будешь ненавидеть меня за это. Теперь на карту ставится наше счастье, а также твое будущее и даже твоя жизнь. И я прошу у тебя только одного: откажись от дружбы и всякого общения с человеком, который называет себя Питером Джоэлем. Выкинь его из памяти, как человека, который может явиться причиной твоей гибели, и настаивай, чтобы твоя мать тоже так поступила — хотя возможно, что она откажется. Если Питер Джоэль будет повешен...

— Тогда я займу место рядом с ним и вместе с ним пойду на виселицу, — ответил Дэвид.

Его слова произвели ошеломляющее впечатление на Анну. Она в продолжение нескольких секунд глядела на него, широко раскрыв глаза, словно не веря себе, а потом прикрыла лицо обеими руками, и юноша слышал ее заглушенные рыдания.

Он встал и, подойдя вплотную к девушке, положил руку на ее склоненную голову. Вопреки всему, что она сказала, он любил ее сейчас больше, чем когда-либо. Но теперь к его любви прибавилось еще чувство страшного опасения за ее жизнь, чувство, во много раз сильнее того страха, что испытывала за него Анна Сен-Дени. Голосом, полным нежности, он сказал:

— Все, что ты слышала, все, что ты мне передала, — ложь, возмутительная ложь.

Анна сидела не шевелясь и, казалось, перестала дышать.

— И в самом ближайшем будущем ты сама в этом убедишься, — прошептал юноша, склоняясь над ней.

У него появилось безудержное желание охватить ее голову руками и прижаться губами к ее волосам, но он взял верх над собой.

— В скором времени ты узнаешь, что во всем виновен только Биго: он старался завоевать твое доверие и сделал это таким образом, чтобы обратить тебя против меня. Он хочет тебя. И он знает...

Он не успел кончить. Анна вскочила и теперь стояла против него лицом к лицу. В ее глазах Дэвид прочитал невыносимую муку.

— Дэвид, ты это серьезно думал, когда сказал сейчас, что согласился бы умереть вместе с Чёрным Охотником... если б его повесили?

— Да, — ответил Дэвид. — Даже этим я не мог бы воздать ему за любовь ко мне и к моей матери.

— В таком случае наберись силы, чтобы перенести все, что судьба готовит тебе! — воскликнула девушка сквозь рыдания. — Ты говоришь о том, что другой человек любит меня,

как о чем-то бесчестном, а не как о чем-то вполне естественном, и в то же время ты можешь сказать, что согласился бы умереть смертью предателя! О, как ты безжалостно разбиваешь мою последнюю надежду! Ты рассеиваешь мое последнее сомнение! Ты заставляешь меня еще больше верить моим словам. И ты явился сюда напрямик от Черного Охотника, и ты еще сегодня снова увидишь его...

— Ты с ума сошла, Анна, — не выдержал Дэвид. — Питер Джоэль не шпион и не предатель, и его нет в Квебеке. И я не думаю, чтобы он когда-нибудь стал приходить сюда, разве только я сам буду просить его об этом.

— Он сейчас в городе, — прервала его Анна. — Он дожидается тебя, а тем временем приводит в исполнение свой страшный замысел. И ты, ты, Дэвид, — о, почему ты смотришь на меня так пристально и так открыто и в то же время лжешь мне? Черный Охотник здесь! Если бы мсье Биго пожелал, то Питер Джоэль был бы давно в тюрьме. Но он этого не делает, он чуть ли не сам становится предателем из-за дружбы к тебе и любви ко мне, о которой я могу говорить без всякого колебания или стыда, ибо она не вызывает ни капли радости в моем сердце, целиком отданном тебе. Но, очевидно, моя любовь должна быть принесена в жертву, раз ты можешь стоять передо мной, глядеть мне в глаза и произносить подобную ложь!

— Анна, ты действительно веришь тому, что ты говоришь? Ты действительно думаешь, что я лгу?

— Я не думаю, Дэвид, я уверена...

Не будучи в состоянии больше владеть собой, она подбежала к окну и быстро открыла его настежь. Холодный ветер ворвался в комнату.

В течение нескольких секунд Анна стояла перед открытым окном, но вдруг отшатнулась, словно чья-то рука с силой отбросила ее назад. Она хотела что-то сказать, но из ее груди вырвалось лишь хрипкое рыдание. Она прошла мимо Дэвида, открыла дверь и, снова зарыдав, вышла в коридор. Дверь затворилась за ней.

Совершенно ошеломленный, стоял юноша после ее ухода, прислушиваясь к звукам ее шагов. А затем он сам вышел через другую дверь, которая вела на улицу. Холодный декабрьский воздух ударил ему в лицо. Он глядел прямо перед собой, и в его памяти встала темная холодная ночь, когда он увидел Анну, которой Биго помогал садиться в экипаж.

И вдруг Дэвид открыл рот от изумления, и глаза его расширились. Дыхание занялось у него в груди. Он увидел то, что заставило Анну отскочить от окна.

Прямо к нему, сияя от радости, шел Питер Джоэль, Черный Охотник.

Анна Сен-Дени лежала на кровати в своей комнате и, свернувшись клубком, изливала в слезах наболевшую душу. И время от времени ее губы тихо шептали имя Дэвида. Но даже и в те минуты, когда она произносила его имя, имя другого человека, вопреки ее воле, проносилось в ее мозгу. Имя интенданта Франсуа Биго, который первый предостерег ее от грозящей опасности; который вел борьбу, чтобы спасти Дэвида Рока только потому, что она любит последнего; которого все ненавидели; против которого ее предостерегала даже матушка Мэри, начальница школы. Биго с его самоотверженной любовью к ней и еще более самоотверженной любовью к Новой Франции, человек, так обнаживший перед ней свою душу, что она могла видеть в ней все, что там происходит, — этот человек стоял, наконец торжествуя, в воображении девушки.

Это сознание изгнало всю радость любви из сердца Анны Сен-Дени. Она сидела глядя перед собой отсутствующим взглядом и думала. Дэвид лгал ей! Но ее привела в ужас не столько его ложь, сколько та цель, которая скрывалась за этой ложью. Он лгал, чтобы утаить от нее что-то. И он скрывал именно то, что Биго так тактично, жалея ее, открывал ей.

Анна достала из шкатулки письма Биго, и глазами, загуманенными от слез, и с душой, полной бесконечной муки, стала перечитывать хитроумные послания интенданта. Все это были самые нежные, самые красивые письма, но, тем не менее, они приносили с собой боль.

В последних своих письмах Биго нашел возможность говорить о своей любви больше, чем он осмеливался до сих пор.

«За вашу любовь, — писал он, — я готов отдать все, что только есть у меня на свете. За эту любовь я с радостью пожертвовал бы и Богом, и королем, и надеждой на спасение моей души. В вашей любви я нашел столько силы, что теперь нет тех высот, до которых я не мог бы добраться. Вы стали для меня олицетворением Новой Франции, и вместе с вами я продолжал бы работать на ее благо.

Я пишу не для того, что говорить вам о той безнадежности и пустоте, которые овладели моей душой, а лишь затем, чтобы вы могли простить меня за тревоги, за ту боль, которые я вам причиняю. Я бы с большей готовностью позволил отрубить себе правую руку, чем заставил страдать человека, которого я люблю так, как вас. И все же я вынужден это сделать — причинить кратковременную боль для того, чтобы вы могли счастливо жить впоследствии».

И с той же тонкостью, с тем же умением проникать в душу он поведал ей, что Черный Охотник находится в городе, какое это имеет значение для Новой Франции и, наконец, что он еще больше убедился в участии Дэвида в предательских планах и деяниях Черного Охотника.

И Дэвиду, таким образом, грозит смертельная опасность.

Только ради нее, только потому, что она была всей радостью, которую он видел в своей жизни, только потому, что ее счастье значило для него, интенданта Новой Франции, больше, чем благо его родины, только потому он готов, рискуя именем и честью, бороться вместе с ней, Анной Сен-Дени, ради спасения Дэвида Рока.

Но он должен поставить условие, что тот никогда больше не увидит Черного Охотника, и если Дэвид действительно любит, ее, в чем не может быть сомнения, тогда ее влияние должно привести в конце концов к его спасению.

Он кончил изъявлением страстной надежды видеть ее счастливой; ради этого он готов был отказаться от своего собственного счастья.

В конце концов, решила Анна, придется обратиться к Биго в этот страшный час ее жизни. Эта мысль засела у нее в голову, завладела ею и поработила ее волю. Но вместе с тем Анна испытывала безумный ужас, ибо между строками интенданта она прочла, ей казалось, то, что он старался прикрыть нежностью. Ей казалось, что она читает слова, написанные огромными буквами: «Спасите Дэвида. Если вы не сумеете этого сделать, тогда сам Бог ему не поможет. Ибо воля народа, короля и закон сильнее меня. Я сдерживаю пока карающую руку, но сколько времени еще удастся мне сдерживать ее — тем более, что Черный Охотник даже в настоящую минуту находится в Квебеке?»

Дрожь охватила девушку. Что бы ни делал Дэвид, что бы он ни намеревался делать, пусть даже он лгал ей, пусть он участник предательства, ее долг, тем не менее, спасти его. Биго рассеял ее последние сомнения. Черный Охотник раньше или позже будет изловлен и повешен, как шпион и предатель. И тогда неминуемая опасность, на которую намекал Биго, будет грозить также Дэвиду.

Она должна немедленно отправиться к интенданту и дать ему знать, что потерпела поражение в порученной ей задаче. Она на коленях будет умолять его дать возможность Черному Охотнику уйти из Квебека — только на этот раз ради Дэвида!

Больше она ни о чем не пыталась думать. Быстро поправив волосы, Анна накинула на себя плащ, и три четверти часа спустя Дешено докладывал интенданту, что мадемуазель Сен-Дени дожидается аудиенции.

Он явился с этой вестью как раз в ту минуту, когда Биго закончил расспрашивать одного из своих агентов, который донес ему, что Черный Охотник в настоящую минуту находится с Дэвидом Роком в доме Пьера Ганьона.

Прошло несколько минут, прежде чем Дешено вернулся в комнату, где дожидалась Анна Сен-Дени. Лицо его выражало сильную тревогу.

— Мсье Биго, очевидно, нездоров, — сказал он, стараясь показать своим тоном, что он и сам озадачен. — Я еще утром заметил какую-то ужасную перемену в нем и посоветовал позвать врача. Он очень обрадовался, когда узнал, что вы здесь, и вы, возможно, сумеете повлиять на него и заставите посоветоваться с врачом.

В кабинете Биго не было никого, когда Дешено провел туда девушку. Оставив ее там, секретарь интенданта вышел, тщательно прикрыв за собой плотную, массивную дверь. И только тогда Биго вышел из соседней комнаты, отгороженной тяжелой портьерой.

Несмотря на то, что Дешено уже предупредил ее, Анна, тем не менее, была изумлена при виде интенданта. Действительно, по всему облику Биго видно было, что он переживает что-то страшное. Этот непревзойденный комедиант казался олицетворением отчаяния, безнадежности и душевной муки.

Но лишь только Биго увидел перед собой Анну Сен-Дени, он как будто сделал огромное усилие над собой и согнал с лица все, что она могла там прочесть. Но не раньше, чем Анна успела все как следует заметить. Закончив это маленькое вступление к своей комедии, он сказал:

— Я знаю, что случилось. Настала минута, которой я с ужасом дожидался, и теперь я не вижу выхода.

В его голосе звучала жалость, нежность и бездна сочувствия. Влекомая силой, против которой она не могла устоять, Анна направилась к нему. Голова ее шла кругом. В комнате стоял какой-то пряный, насыщенный запах.

— Бедная, бедная девочка! — тихо произнес Биго.

И когда Анна приблизилась к нему, он привлек ее к себе и, не давая ей опомниться, стал покрывать ее лицо и губы страстными поцелуями. И раньше, чем Анна могла бы подумать о сопротивлении, он уже отпустил ее, и, к великому своему удовольствию, интендант заметил, что ее лицо, залившееся румянцем, не выражает ни гнева, ни стыда.

— Бедная девочка! — снова тихо произнес Биго. — Я знаю, что случилось. Уже с самого утра мои люди не спускают глаз с Черного Охотника. Он сейчас находится с Дэвидом в доме Пьера Ганьона. Он намеревается оставить город сегодня вечером со сведениями, им добытыми, и с чертежами, которые Дэвид приготовил для него. Моя бедная, бедная девочка!

Последние слова он произнес прерывающимся голосом и, прикрыв лицо руками, отвернулся от Анны и подошел к столу...

— Что вы намерены делать? — спросила Анна, с трудом шевеля губами. — Что вы намерены делать с Черным Охотником и... и с Дэвидом?

— Черный Охотник выйдет из Квебека, не встречая препятствий, унося с собой сведения, которые он добыл для наших врагов, — твердым голосом ответил Биго. — Когда он очутится за пределами города, ему будет сделано предостережение никогда больше не возвращаться сюда под страхом смерти. Что же касается Дэвида, то я завтра же пошлю его возобновить дружеский договор с нашими индейскими союзниками в лесах оттава.

Анна подошла к нему и протянула ему руку. Биго взял ее пальцы и стал нежно гладить их, а потом поцеловал их несколько раз и прошептал:

— Я день и ночь вижу вас перед собой, Анна. Я не перестаю грезить о вас. Мне как-то не верится, что я когда-нибудь потеряю вас. Милая, чудная Анна! Возможно ли, что если бы не

Дэвид, то вы немного полюбили бы меня?

— Вы великий, благородный человек, — ответила девушка, чувствуя, как к горлу подкатывает какой-то комок. — Но я не вольна над собой — я люблю Дэвида Рока...

— Да, если бы не Дэвид, — задумчиво произнес Биго, словно обращаясь к самому себе. — Вместе вы и я. Мы шли бы рука об руку и добились бы величия и славы для Новой Франции. Какая это чудная мечта, Анна! О, почему она не может осуществиться!

Анна склонила голову, и Биго увидел, что плечи ее задрожали, а потому он решил, что пора прервать комедию.

Но когда девушка покинула его, он обратился к маркизу Водрею:

— Теперь незачем больше мешкать, остается только нанести последний удар. И после этого мадемуазель Сен-Дени сама придет сюда, в эти покои, и уже останется здесь.

— Мы не станем терять времени, — согласился Водрей. — Черт возьми, Франсуа, вы всегда были счастливым человеком!

Кошмарный сон, каким было для Анны свидание с Дэвидом и с интендантом, несколько рассеялся, когда она снова вернулась в монастырскую школу. Она почти совершенно забыла, что Биго целовал и ласкал ее, она думала сейчас только о Дэвиде. Если бы Дэвид был сейчас с ней, она ушла бы с ним куда угодно!

Если в этом будет необходимость, решила она, она даже отдастся ему, хотя бы сегодня, только бы стать между своим возлюбленным и Черным Охотником! Только бы спасти его от грозящей ему опасности!

Рука ее дрожала, когда она писала Дэвиду, умоляя немедленно явиться к ней.

«Мне кажется, что я нашла выход, — писала она. — О Дэвид, я нашла выход из ужасного положения, и я не могу понять, как это я была столь слепа, что не видела его раньше!»

Сейчас она чувствовала себя счастливой. Сердце ее радостно билось, и она с нетерпением отсчитывала минуты и секунды, которые отделяли ее от встречи с Дэвидом. Она то и дело, почти поминутно, подходила к окну, дожидаясь его.

И вдруг она заметила, что ее посланец возвращается назад один. И в его руке было письмо, которое он должен был передать Дэвиду Року...

Она опоздала. Мсье Рок покинул город за час до того, как посланец явился на улицу Святой Урсулы. Казалось, неумолимая судьба протянула руку, чтобы нанести окончательный удар, и ничто не может теперь спасти ее и Дэвида.

В тот же день пришла также весть от Биго. Он писал, что не терял ни минуты времени. Дэвид находится уже на пути к индейцам оттава, и вместе с ним отправился один из самых надежных гонцов интенданта. Питер Джоэль, Черный Охотник, тоже ушел, — очевидно, чтобы отнести англичанам добытые сведения. Интендант кончал письмо уверением, что все кончится хорошо, и просил ее не терять надежды.

Но Анна, для которой неожиданный отъезд Дэвида был слишком большим ударом, страдала неимоверно. Не надежда, а страх снова овладел всем ее существом. И с бесконечной тоской перечитывала она письмо Биго, который уверял ее, что к тому времени, когда Дэвид вернется, с Черным Охотником все будет кончено и притом таким тихим манером, что об этом никто не узнает.

Глава VI. В ПОСЛЕДНЮЮ МИНУТУ

Анна ждала. Проходили дни и недели, а от Дэвида Рока — ни слова. Прошло Рождество, тяжелое, хмурое и тоскливое для нее. Много событий разыгралось за это время, событий, чреватых последствиями для всего мира. В январе 1755 года Водрей стал губернатором Новой Франции; и в его генеральном штабе было заготовлено место для Дэвида Рока — когда он вернется.

— Когда он вернется, — часто шептала Анна Сен-Дени, просыпаясь темной ночью.

И мало-помалу с легкой руки Биго и его сподвижников стали ползть по городу зловещие слухи. «Среди нас водятся предатели и шпионы», — передавалось из уст в уста. Предательство! Это слово вызывало улыбку на губах мсье Лобиньера и его «Честных Людей», но простонародье, которое не разбиралось в событиях, готовилось к расправе с преступниками.

Закон гласил, что предательство должно караться смертью, и Водрей, новый губернатор, старался напоминать об этом на каждом шагу.

Что касается Биго, то он хранил молчание. Он не переставал повторять Анне Сен-Дени, что ведет непрерывную борьбу за искоренение предательства в Новой Франции, чтобы вместе с тем заставить народ забыть об опасности.

Наступили короткие, черные февральские дни, следом за ними явился март, и вместе с ним ворвалась весна. Но двадцать второго марта разыгралась страшная буря, и ветер с глухим ревом ударялся о ставни и окна, вызывая дрожь во всем теле Анны Сен-Дени, лежавшей в своей постели в монастыре.

Днем она снова была у Биго, и тот сильно напугал ее. Он напоминал человека, которого мучает лихорадка, он явно показывал ей, что скрывает от нее что-то. Интендант гладил ее волосы, называл их своими, а минуту спустя он молило прощенья. Но в то же время он не говорил ей того, что, очевидно, знал. Девушка нисколько не сомневалась, что он многое скрывает от нее.

И сейчас, лежа без сна в постели, она прислушивалась к вьюге, бушевавшей за окнами, и радовалась, когда проходил мимо ночной сторож, выкликавший часы.

Анна уснула было, но вдруг проснулась и села на кровати. Очевидно, вьюга уже прекратилась, и в тишине, наступившей в городе, отчетливо раздавался стук палки сторожа по каменным плитам. Какое-то злое предчувствие сжало сердце девушки. Внезапно она услышала голос:

— Три часа. Предатель пойман в городе. Да благословит Господь Новую Францию! Смерть всем предателям!

Глухой крик вырвался из груди Анны. Слова сторожа, как удары молота, раздавались в ее мозгу, и, словно в подтверждение своих страхов, она снова услышала голос, доносившийся уже издали:

— Предатель пойман в городе. Смерть предателям! Да спасет Господь Новую Францию!

И снова, снова доносился до нее этот голос, от которого ужас охватывал душу девушки, и кровь стыла в жилах.

В городе пойман предатель!

Анна засветила свечу и посмотрела на себя в зеркало. Ее лицо было мертвенно-бледно. Казалось, жизнь совершенно покинула ее, — только в глазах горел огонь.

Под влиянием какого-то безотчетного чувства, она стала быстро одеваться. Скоро ночной сторож снова пройдет под ее окнами. Она должна успеть одеться...

Словно в подтверждение событий, которых она дожидалась, она услышала в коридоре

шаги. В ее дверь постучались, и вошла начальница школы матушка Мэри. Она была изумлена, увидев Анну совершенно одетой, и сделала попытку улыбнуться, чтобы не слишком тревожить девушку, но это ей не удалось.

Стараясь говорить возможно спокойнее, она обратилась к Анне:

— Мсье Биго, интендант Новой Франции, прервал наш сон требованием, в котором мы не могли ему отказать. Он просит тебя, дитя мое, приехать немедленно во дворец по делу, касающемуся государства. Сестра Эстер поедет вместе с тобой. Но объясни мне, моя девочка, почему ты одета?

— Потому что, матушка Мэри...

Больше Анна ничего не сказала и вместе с сестрой Эстер вышла из комнаты и спустилась вниз.

На улице их дожидалась карета. Когда обе девушки сели в нее и по обледеневшим улицам помчались ко дворцу, до слуха Анны снова донесся жуткий выкрик:

— Предатель пойман в городе. Смерть предателю! Да спасет Господь Новую Францию!

Франсуа Биго дожидался в своих роскошных покоях. Вместе с ним находился маркиз Водрей, губернатор Новой Франции, а кроме них, стоял у дверей секретарь интенданта Дешено, и на лице у него было написано что-то кошачье — так приятно было ему сознание, что любовные дела его господина приняли вполне удачный оборот.

Водрей, такой же выхоленный, как и всегда, в своем великолепном парике из волос, снятых с головы английской женщины, ничем не обнаруживал, что в эту ночь он еще не ложился спать. Вместе с получением губернаторского поста в нем с еще большей силой выжили амбиция и алчность. Он стал до того напыщен, словно после короля был первым человеком в Новом Свете. Он уже рисовал себе в воображении роскошь, которой превзойдет Фонтенбло и даже Версаль, а Биго, изучивший его слабые стороны, старался еще больше распалить его воображение, зная, что, в общем, маркиз Водрей всегда останется орудием в его руках.

Лицо интенданта носило все признаки бессонницы и душевных мук. Это было искусно проделано руками Дешено, который картинно взъерошил волосы своего господина, нарисовал у него на лбу несколько глубоких морщин и кое-где положил белил на и без того бледное лицо Биго. И при взгляде на интенданта создавалось впечатление, что он ни на минуту не прилег в эту ночь, что он переживает душевную агонию.

Одним словом, Биго был готов принять Анну. И даже Водрей, глядя на него, был восхищен изумительным актерством интенданта.

— Я говорил вам, Франсуа, что это так и случится, — сказал он. — Ваша маленькая Анна уже находится на пути во дворец.

— Да, я знаю, — тихо сказал Биго.

— В таком случае, чего еще можно требовать? Игра почти что кончена. Я подарил вам прелестную голубку, Франсуа.

— Да, слишком даже прелестную, я бы сказал, — смеясь ответил Биго. — Но зато, Водрей, у меня есть и для вас сюрприз, и, когда настанет великая минута, я расскажу вам, о чем я просил для вас у мадам Помпадур. Сегодня и завтра вам предстоит закончить последний акт нашей комедии, а потом придется, пожалуй, заняться капитаном Робино.

— Вы думаете, что он осмелится... — начал было Водрей, лицо которого впервые нахмурилось.

— Возможно, что осмелится, — прервал его Биго. — Когда он убедится в том, к чему клонится дело, он, пожалуй, предпочтет...

— ...умереть как джентльмен, не так ли? — в свою очередь прервал его Водрей. — Ну что ж, нам нетрудно будет удовлетворить его желание, Франсуа, — продолжал маркиз и снова стал

перебирать большими пальцами рук на своем брюшке. — Я одолжил капитану Талону еще десять тысяч франков, и он готов драться с кем угодно на дуэли, когда бы мы этого ни потребовали. Он ненавидит капитана Робино и с удовольствием всадит ему пулю в сердце.

— Черт возьми! — воскликнул Биго, на этот раз с искренним восхищением в голосе. — Вы иногда пугаете меня, Водрей, вашей способностью сбрасывать с пути все препятствия. Да, если Робино хоть чем-нибудь вызовет во мне подозрение, я немедленно дам вам знать. Одного выстрела Талона хватит, чтобы навсегда успокоить его совесть.

Он проводил маркиза до дверей, через которые вышел Дешено, а затем снова вернулся в комнату. Если Анна придет, ее проведут через другую дверь. Через несколько минут здесь разыграется последний акт драмы. Он должен по-прежнему оставаться полубогом в глазах этой девушки. Возможно, что его победа и сдача Анны произойдут даже раньше, чем он ожидал. Но Биго старался отогнать эту мысль, твердо решив не предупреждать событий.

Невольно ему вспомнилась мадам Помпадур, любовница короля, а также «лучший друг» его, Биго. Кривая усмешка мелькнула у него на губах, когда он подумал о том, что сказал король Людовик, если бы ему было известно все, что происходило между его любовницей и его представителем в Новом Свете. Но улыбка сошла с губ интенданта, когда он подумал о том, что скажет мадам Помпадур, когда узнает о его отношении к Анне Сен-Дени.

Его любовные связи с Екатериной, Шарлоттой и Анжеликой де Пин, равно как десятки других, вызывали лишь усмешку на губах Помпадур. Эта женщина великолепно знала, что мужчинам нужно время от времени развлечься, и она ничего не имела против его коротких романов, пока «ее Франсуа» готов был отказаться от любой из наложниц по первому ее требованию. Но его страсть к Анне Сен-Дени приняла слишком бурный характер, и это, вне сомнения, вызвало бы гнев королевской любовницы.

Таким образом, не может быть и речи о том, чтобы жениться на Анне. Сама даже мысль эта заставила интенданта сделать гримасу. Ведь он не женился на Екатерине или на Шарлотте Луизбургской, и тем не менее эти женщины оставались верным орудием в его руках, пока им не вздумалось покончить с собой. И то же самое будет и с Анной Сен-Дени, с той лишь разницей, что она еще крепче привяжется к нему. И возможно, что если его страсть к ней долго не уляжется, если мадам Помпадур к тому времени умрет или ее красота увянет и она потеряет влияние на короля, тогда, может быть...

В дверь, через которую исчезли Водрей и Дешено, постучали несколько раз громко и отрывисто: это был сигнал. Анна Сен-Дени подъехала ко дворцу и теперь поднимается по потайной лестнице.

В то же мгновение Биго приготовился к действию. Он открыл настежь дверь и увидел перед собой Гюго де Пина; мэр города Квебека стоял впереди двух солдат, державших рослого мужчину, круглое лицо которого было блее бумаги от страха. Это был не кто иной, как ночной сторож Верхнего города, который во всеуслышание оглашал недавно весть о поимке предателя. Биго попятился назад в комнату, и тогда все четверо, стоявшие за дверью, вошли следом за ним. Глаза де Пина были устремлены на противоположную дверь, через которую должна была войти Анна Сен-Дени.

Почти в ту же секунду в эту дверь постучали; Биго услышал стук, но ничем не выдал себя. Голосом, в котором звучало бешенство, он накинулся на несчастного сторожа, требуя, чтобы тот признался, по чьему приказанию он оглашал поимку предателя. Стоя спиной к двери, Биго великолепно чувствовал, что Дешено уже провел Анну в комнату, и знал, что она стоит позади него, с лицом, белым как мел, и прислушивается к его словам.

— Уберите его прочь! — крикнул наконец интендант. — А вы, де Пин, во что бы то ни стало допытываетесь, кто открыл ему секрет о нашем пленнике, и если даже это сам губернатор, я

позабочусь о том, чтобы он понес должное наказание.

Ночного сторожа увели, и де Пин последовал за ним. Дверь затворилась. Биго продолжал стоять лицом к двери, его плечи опустились, голова поникла, и он казался совершенно разбитым случившимся. Из груди его почти вырвался стон.

— Теперь да поможет мне Господь!

Он слышал, как позади него раздались тихие шаги, но не повернулся, пока его не окликнул голос Анны.

— Мсье!

Только тогда интендант круто повернулся лицом к двери.

— Это... это — Дэвид?

Голос Анны звучал хриплым шепотом, и Биго невольно вспомнил шелест кукурузы, которую он несколько месяцев тому назад помогал носить в амбар. Он провел языком по губам и, словно выжимая из себя слова, ответил:

— Да. Это — Дэвид.

Анна слегка покачнулась. Лицо ее покрылось мертвенной бледностью. Огромным усилием воли она взяла себя в руки. Биго подвел ее к креслу и усадил. Больше он до нее не дотронулся, хотя пожирал ее глазами.

— Я правильно поступил, послав за вами? — спросил он.

Анна не отвечала и только смотрела отсутствующим взглядом прямо перед собой. Руки ее дрожали и подергивались. Ее нервы были истрепаны вконец. И Биго видел, что она окончательно разбита. Это ему и нужно было.

Он слегка наклонился к ней и тихо произнес:

— Разведчики поймали его еще два дня тому назад. Я только сегодня утром узнал об этом. Он был пойман с поличным, когда направлялся на свидание с английскими шпионами. В его куртке были зашиты планы Квебека, карты и чертежи всех фортов и батарей и вместе с тем инструкции, как с большей безопасностью пробраться окружным путем к реке Ришелье.

Едва успел он кончить, как Анна вскочила на ноги, сжала кулаки и, казалось, готовится броситься на него.

— Вы лжете! — крикнула она. — Вы все лжете, если смеее утверждать, что Дэвид предатель! И тем более вы лжете, будто Дэвид хотел предать своих на реке Ришелье!

Биго ничего не ответил и только, тяжело передвигая ноги, дотащился до кресла, в которое он и опустился, как человек, пораженный страшным горем. Вскоре до его слуха донеслись глухие рыдания Анны. Он обернулся и увидел, что она сидит, положив голову на стол и содрогаясь всем телом.

Тогда Биго встал, подошел к креслу, в котором она сидела, и стал рассказывать ей, сколько энергии он потратил, чтобы спасти Дэвида. Он ничего, мол, не мог сделать, так как Дэвид был захвачен военными властями. Тут все зависело от маркиза Водрея, но последний в ответ на просьбы интенданта сказал, что только суд может решить дело, а в таком случае судьба Дэвида заранее предрешена.

Анна слушала его, и каждое слово, словно ножом, ударяло ее в сердце. Мало-помалу ее рыдания затихли, и теперь голос интенданта казался ей единственным утешением в жизни. Совершенно произвольно она взяла руку Биго и прижала ее к себе.

— Я должна видеть Дэвида, — прошептала она.

Биго свободной рукой нежно обвил ее стан.

— Потому я и прислал за вами, — ответил он. — Я знал, что в эту минуту Дэвид захочет видеть вас. Мужайтесь, дорогая. Судьба Дэвида в руках Верховного Совета. Но даже в последнюю минуту я сумею потребовать смягчения приговора. Постарайтесь убедить Дэвида,

что он должен приписать свое преступление зловредному влиянию Черного Охотника и дать показания против мошенника, который погубил его. Будем надеяться, что Верховный Совет найдет возможным применить к нему какое-нибудь другое наказание, а не смерть.

— Смерть! — Это слово, словно рыдание, вырвалось из груди Анны.

— Да, да, возможно, что и смерть, — подтвердил Биго. — Если бы поимка Дэвида оставалась в секрете между нами, то можно было бы спасти его. Но кто-то сказал об этом ночью сторожу, и последний огласил по всему городу.

— И вы верите, что Дэвид Рок виновен? — резко спросила Анна, и ее глаза загорелись зловещим огнем. — Вы верите этому?

— Я знаю только, что в подкладке его куртки найдены исчерпывающие доказательства его вины. Я готов верить, что в глубине души своей Дэвид чист, как агнец, но Верховный Совет не будет с этим считаться, разве только в том случае, если Дэвид согласится выдать все тайны Черного Охотника. Чтобы спасти себя, он должен пожертвовать этим предателем. Вот все, что я могу сделать для него.

Анна ничего не ответила. Биго открыл дверь и позвал Дешено; секретарь, дожидавшийся в соседней комнате, немедленно явился.

— Дешено проводит вас к нему, — сказал Биго, — а я должен вернуться на заседание Верховного Совета. Мужайтесь, дорогая, и постарайтесь воздействовать на него, чтобы он дал нам все сведения о Черном Охотнике.

Дешено вывел Анну в длинный, темный коридор, еле освещенный тусклым светом редких свечей. Девушка ускорила шаг и шла чуть впереди секретаря. Вскоре они приблизились к полуоткрытой двери, из которой струился яркий свет. И как раз в эту секунду дверь открылась, и оттуда вышел человек. Анна узнала в нем поставщика Каде и хотела было броситься к нему, чтобы доказать ему, что ее Дэвид не виновен. Но что-то удержало ее. Раньше всего она должна увидеть Дэвида. Возможно, что она не будет нуждаться в помощи интенданта. Возможно, что она сама спасет его и узнает от него правду.

Вся во власти своих мыслей, Анна не могла, конечно, заметить, что из двери, которая вела в длинный коридор, вышел капитан Рэнэ Робино и при виде Анны остановился и глядел ей вслед, пока она не скрылась.

Вскоре Анна и Дешено вышли в еще более узкий сводчатый коридор и через несколько минут очутились перед входом в клетку с решетчатым окном; тяжелая дверь отворилась перед ними, и Анна оказалась лицом к лицу с Дэвидом.

И в то же мгновение дверь за ней закрылась, и она услышала в коридоре шаги удалявшегося Дешено.

— Дэвид! — тихо произнесла Анна, подвигаясь к нему.

Юноша медленно повернулся к ней, и при виде его Анна в ужасе отшатнулась. Он был в одной сорочке, да и та была вся разодрана, и выступало голое плечо. Волосы его, давно, видно, не чесанные, были взлохмачены. Но в глазах его застыло такое страшное выражение, что дрожь прошла по всему телу девушки.

— Чем я могу вам служить, мадемуазель Сен-Дени? — ответил юноша, и его тон заморозил кровь в жилах Анны.

— Дэвид, почему ты на меня так смотришь? Ведь я прибежала сюда, как только узнала. Я пришла сказать им, что это ложь, что этого не может быть, что ты не предатель, что все это ошибка.

— Да, большая ошибка, мадемуазель Сен-Дени, которую допустили вы, позволив себе стать игрушкой в руках Франсуа Биго. И мне очень жаль, что вы явились сюда. Вы и так уже сочли

меня однажды лжецом, когда я говорил вам, что не имею понятия о присутствии Питера Джоэля в Квебеке. А теперь я ничего не имею против того, чтобы вы считали меня предателем, шпионом и преступником. Ведь Биго, наверное, показал вам мою куртку, в которой они нашли доказательство моей вины. Разве может оставаться после этого какое-либо сомнение? И вы так же, как и Биго, должны согласиться с тем, что меня следует повесить.

— Дэвид, не говори со мной так! Подойди ко мне ближе, дай мне поцеловать тебя. Ведь я люблю тебя, я так люблю тебя...

— Действительно, так могло бы показаться со стороны, — холодно ответил юноша, — особенно если принять во внимание, что вы сумели заставить меня последовать за вами с реки Ришелье, чтобы я был повешен в Квебеке как предатель. Действительно, могло бы показаться, что вы любите меня, не зная, какую роль вы играли по наущению Биго. Но я отказываюсь вам верить. Вернитесь к Биго, которому вы принесли меня в жертву. Уйдите отсюда! Вы однажды уже сделали свой выбор, и теперь я хочу быть один. Я не боюсь виселицы и не боюсь оставаться здесь один, — у меня есть одно утешение: когда-нибудь вы узнаете, чего стоит дружба Биго. И у вас будет тогда о чем думать в продолжение всей вашей жизни!

Уши молодого охотника, привыкшие улавливать малейший шорох в лесу, различили шаги Дешено, который, крадучись, подходил к решетчатой двери. И тогда он громко крикнул:

— Дешено, вам незачем стоять там и подслушивать! Отведите мадемуазель Сен-Дени назад к вашему господину и передайте ему все, что вы здесь слышали. Вы можете передать заодно, что почти не уступаете ему в подлости и обещаете стать таким же негодяем, как и он. Идите скорее, а то мадемуазель Сен-Дени не привыкла выслушивать столько правды сразу.

Анна еле держалась на ногах. Шатаясь и придерживаясь время от времени за стену длинного коридора, она последовала за Дешено и вместе с ним направилась назад к покоям интенданта.

И опять-таки она не заметила, что в том месте, где два коридора расходились, стоял, прижавшись к стене, капитан Робино. Но Дешено заметил его, не ускользнул от него также мертвенно-бледный цвет лица капитана и зловещий блеск его глаз. И секретарь подумал про себя, что нужно будет немедленно доложить об этом интенданту.

В кабинете Биго было пусто, когда Анна и Дешено вошли туда. Секретарь заметил, что интендант, по-видимому, находится еще на заседании Верховного Совета, а потому он немедленно отправится за ним. Анна, которая буквально свалилась в кресло, хотела было крикнуть, что хочет видеть сестру Эстер и просит проводить ее назад в монастырь... она вовсе не хочет видеть интенданта. Но Дешено уже вышел, и девушка осталась одна.

Внезапно у нее появилось безумное желание вернуться назад к Дэвиду, сказать ему, что она не верит в его вину, что по-прежнему любит его, что во всем виноват Черный Охотник, что она готова собственными руками убить даже Биго, если только он причинит какой-нибудь вред ее Дэвиду.

Дверь тихо отворилась, и на пороге показался Биго. Он тщательно закрыл за собой дверь и быстро подошел к девушке.

— Милая, дорогая моя Анна! — воскликнул он. — Какую ужасную ночь приходится вам пережить. Но мы победили, дорогая. Мы взяли верх!

Анна поднялась с кресла, но покачнулась и снова опустилась. Они победили, — следовательно, Дэвид опять будет на свободе. И он не станет ненавидеть ее за дружбу с Биго, потому что не кто иной, как Биго, спас его...

Интендант склонился над ней, взял ее руку и тихо произнес:

— Они могли бы вынести смертный приговор — и Водрей настаивал на этом. Он требовал, чтобы Дэвида пытали, переломали бы ему руки и ноги на Лобной площади и повесили бы в

назидание всей Новой Франции. Но я пригрозил маркизу и некоторым другим, и они уступили мне. Вы слышите, Анна, Дэвид спасен. Он не будет повешен... Он только будет изгнан из армии, после чего подвергнется порке на улицах Квебека.

Крик ужаса вырвался из груди Анны. Она вскочила, цепляясь руками за воздух и не находя опоры. Дэвид, ее Дэвид, подвергнется публичной порке! Его, как преступника, будут водить привязанным к телеге, и палач будет плетью полосовать его спину! Голова ее закружилась и, испустив дикий вопль, она упала на пол.

В то же мгновение Биго подхватил ее, вынес в соседнюю комнату, положил на оттоманку и повернул ключ в дверях. В течение нескольких секунд он стоял над ней, а потом наклонился и, издав какой-то хриплый звук, впился в ее бескровные губы. Теперь она принадлежала ему. Теперь она навсегда будет прикована к нему.

Его рука потянулась к вороту ее платья, но, к великому его изумлению, дверь отворилась. Биго, как зверь, обернулся и увидел перед собой капитана Робино. А позади него стояла сестра Эстер.

— Сестра Эстер пришла, чтобы отвезти мадемуазель Сен-Дени в монастырь, — сказал Робино, низко кланяясь интенданту.

В продолжение нескольких секунд мужчины в упор глядели друг на друга, пока наконец усмешка не заиграла на губах интенданта, который поспешил объяснить, что мадемуазель Сен-Дени потеряла сознание и он положил ее на диван в ожидании, пока она придет в себя.

В душе интенданта бушевала гроза. Этот самый Робино, который вчера еще целиком был у него в руках, разрушил его план! Робино одержал верх над ним, над ним, могущественным интендантом Новой Франции!

Но Биго достаточно хорошо умел владеть собой, и он не выдал того, что делалось у него в душе. Он немедленно вышел в соседнюю комнату, принес оттуда воды и нюхательную соль, и, когда несколько минут спустя Анна вздохнула и открыла глаза, он всем своим существом старался показать, что чрезвычайно рад этому.

Он позвал слугу, и в скором времени Анна сидела уже в экипаже, который увозил ее назад в монастырь.

А немного погодя Водрей получил все нужные инструкции. Капитан Талон должен вызвать на дуэль капитана Робино. Интендант ассигнует на это еще десять тысяч франков, если только Талон сумеет покончить с этим делом в двадцать четыре часа. Робино должен умереть.

Близился конец марта 1755 года, и вместе с тем надвигалась огромная перемена в судьбе Новой Франции. Семьдесят тысяч колонистов, обитавших в этой стране, стали понемногу терять ту уверенность в безопасности, которая воодушевляла их раньше, когда им казалось, что за ними стоит непобедимая сила в лице Франции.

Война между Англией и Францией еще не была объявлена. Мирпуа, французский посол в Лондоне, учил англичан танцевать, лорд Альбемарл, английский посол в Версале, учил французов играть в вист. А мадам Помпадур тем временем поднялась на высоту своего могущества.

А пока оба двора льстиво обменивались лицемерными улыбками, генерал Брэддок успел прибыть в Америку во главе сорок четвертого и сорок восьмого полков, и вместе с ним барон Диско с восемнадцатью военными судами, на которых прибыло шесть батальонов.

Вот каково было положение в Новой Франции к тому времени, когда Анна Сен-Дени, разбитая физически и душевно, покинула Дэвида в одном из казематов губернаторского дворца.

А по городу Квебеку полз злобный слух — предательство! Захвачен с поличным предатель, носивший англичанам карты и планы фортов, и этот предатель — не кто иной, как

лейтенант Дэвид Рок, любимец интенданта. Каким-то образом в городе стали известны почти все подробности того, что произошло во дворце интенданта, который был, якобы, так расстроен случившимся, что ни на минуту не покидал своих покоев.

То обстоятельство, что Биго потерял Анну в такое время, когда он считал ее уже своей, несколько не ослабило его уверенности в том, что раньше или позже он будет обладать ею. Пройдет еще несколько дней, возможно даже несколько часов, и опять ему выдастся благоприятный случай, и тогда уже не будет капитана Робино, который мог бы стать между ним и предметом его вождений.

Нэнси Лобиньер страдала неимоверно. Отчаяние и ярость клокотали в ее груди. Только мудрость ее отца, доказывавшего ей, что у нее недостаточно данных, которые подтвердили бы ее подозрения, удерживала ее от решительного шага — от открытого выступления против интенданта и его клики. И Нэнси со скорбью в душе соглашалась с отцом и ждала.

А потом настала страшная минута, когда по городу пошли глашатаи, объявляя во всеуслышание, что по приговору Верховного Совета лейтенант Дэвид Рок будет подвергнут порке на улицах Квебека.

Когда эта весть дошла до слуха Анны, она, казалось, совершенно потеряла рассудок. Напрягая последние силы, она встала с постели, дотащилась до окна и стала дожидаться рассвета.

И только бледное солнце озарило форты, по городу, по которому непрерывно носились всевозможные слухи, пронеслась поразительная новость. Капитан Рэнэ Робино дрался на дуэли с капитаном Жаном Талоном. И Талон, пресловутый бретер, лежал мертвый неподалеку от губернаторского дворца. А Робино исчез, и никто не знает, где он.

Дэвид Рок в своей темной клетке знал уже об ожидавшей его экзекуции и совершенно спокойно относился к этому. Он не боялся плети. Жители лесов не боятся боли или даже смерти. Но ужас невольно прокрадывался в его душу при мысли об ожидающем его унижении. Внезапно он вспомнил Карбанака — Карбанака, который шел по улице под страшными ударами плети, ни разу не дрогнув и не издав ни одного звука.

Возможно ли, что Карбанак, сердце которого было разбито вероломством жены, способен был выдержать то, чего не снесет он, Дэвид Рок! Нет! Не было такой пытки, такого унижения, которое могло бы убить достоинство в человеке, выросшем среди людей, готовых во всякое время умереть на костре, зажженном мучителями.

Наступил роковой час.

На Дэвида надели новый военный мундир с блестящими пуговицами и эполетами. И пока происходила процедура подготовки к экзекуции, Дэвид не переставал думать о Карбанаке, о честном труженике, руки которого задушили купца Николета.

Впервые за много дней увидел он наконец луч солнца, когда его вывели из каземата. Вокруг него было лишь несколько солдат, но за воротами слышен был шум, который мог исходить только от многочисленной толпы. И действительно, когда Дэвида вывели на площадь, он увидел, что тут собрался почти весь город.

Его взвели на помост, где он выделялся ярким пятном в своем красном форменном мундире, а по обе стороны его шпалерами выстроилась рота солдат. Внезапно сердце Дэвида сильно забило: неподалеку от помоста он увидел знакомую ему телегу, запряженную огромным ленивым волом.

Он слышал, как чей-то голос оглашал приговор, объявлявший жителям Квебека, в чем заключалась вина осужденного предателя. Когда голос умолк, раздался барабанный бой, от которого дрожь охватила всех присутствующих. Это был тот бой, которым сопровождают на кладбище мертвого воина, и, поскольку это касалось армии, Дэвид действительно умер для нее.

Внезапно он увидел, что к нему поднимаются два офицера. Как они похожи на напыщенных филинов, почему-то подумал юноша. Он всей душой надеялся, что Анна Сен-Дени находится в толпе, — в этом заключалась бы самая утонченная месть ей. Офицеры подошли к нему и стали по обе стороны; внезапно снова забили барабаны, и офицеры стали срывать пуговицы с его форменного мундира. Когда с этим было покончено, с Дэвида сняли мундир, потом сорвали рубашку, и он остался наполовину обнаженным перед толпой.

И тем не менее он ни разу не дрогнул, и лицо его оставалось совершенно спокойным. Толпа с изумлением глядела на него. Многие готовы были поклясться впоследствии, что он даже усмехнулся, когда один из офицеров долго не мог вырвать пуговицу. Другие уверяли даже, что он улыбался, когда его со связанными позади руками вели к телеге, запряженной волом.

Ленивый вол медленно двинулся в путь, и почти тотчас же негр взмахнул плетью и крепкие языки из буйволово́й кожи со свистом опустились на спину Дэвида. Телега покачивалась и подпрыгивала в рытвинах, а плеть со зловещим свистом опускалась на спину осужденного. И ни разу Дэвид даже не вздрогнул от боли, несмотря на то, что страшные языки рассекали ему кожу, и лишь порой ему начинало казаться, что все его нервы понемногу разрываются. Но пока телега заворачивала на улицы Верхнего города, произошел маленький перерыв, и Дэвид снова взял себя в руки и заставил себя относиться совершенно равнодушно к безумной боли.

Внезапно он увидел, что они проходят мимо дома Лобиньер, и отметил с теплой благодарностью в душе, что все ставни в доме были закрыты — Нэнси хотела показать ему, что не только она, но ни один человек в доме не увидит его унижения.

Мало-помалу Дэвид стал чувствовать, что невыносимая боль от страшных кожаных языков начинает оказывать свое действие. Каждый удар разрывал его тело на части. Огонь обжигал его, но тем не менее он, как индейский воин, твердыми шагами шел вперед, ничем не обнаруживая своих мук.

Телега завернула на улицу Святого Людовика, и тут, на площади, должна была закончиться экзекуция. Когда негр закончил свое дело, развязал Дэвиду руки и подал ему рубашку, кто-то взял юношу за руку, усадил его в экипаж, поджидавший тут же у мостовой, и великолепные лошади быстро помчались за город.

Биго спокойными шагами расхаживал по своему роскошному кабинету, и довольная улыбка время от времени пробегала по его губам. Он то и дело подходил к окну, очевидно кого-то дожидаясь. Внезапно в дверь постучали, и интендант услышал голос мадемуазель Сен-Дени, которая просила впустить ее.

Биго почти подбежал к двери и быстро повернул ключ — в комнату вошла Анна Сен-Дени с хлыстом из буйволово́й кожи в руке, а следом за ней вошел человек в длинном, старом плаще и рваной мягкой шляпе. Это был капитан Рэнэ Робино.

Только впоследствии стали носиться слухи о том, что произошло в покоях интенданта Биго в этот день. Когда Анна закончила свое дело, Дэвид Рок был в полной мере отомщен...

Три раза Биго схватывал девушку за руку, пытаясь удержать хлыст, который резал кожу у него на лице, и три раза клинок капитана Робино пронзал кафтан интенданта, и тот (в смертельном ужасе) отпускал ее руку. И каждый раз Анна снова продолжала полосовать выхоленное лицо интенданта. В конце концов, когда лицо Биго превратилось в кровавую маску, в которой вряд ли можно было бы узнать человека, Анна опустила руку, покачнулась и оперлась о стену. И тогда Робино подхватил ее, спокойно вышел с ней из дворца и сел в поджидавший его экипаж.

Дэвид Рок еще не успел отдать себе отчет во всем, что произошло с ним после экзекуции,

как экипаж остановился перед маленьким домиком, где его ждал доктор Куэ, тот самый, что сопровождал мсье Лобиньера на «дуэль» с Пьером Ганьоном. Маленький хирург умело и осторожно перевязал страшные раны на спине Дэвида и передал ему, что его просят оставаться здесь до четырех часов, когда за ним приедут мсье и мадемуазель Лобиньер, причем последняя занята приготовлениями к путешествию вместе с ним в долину Ришелье.

Эта весть впервые заставила встрепенуться Дэвида, у которого, казалось, все чувства были притуплены. Но в то же время это доставило ему мало радости. Нэнси Лобиньер занята приготовлениями для поездки в Ришелье. Нэнси, а не Анна Сен-Дени. Но мысли юноши отнюдь не отразились на его лице. Он спокойным тоном поблагодарил доктора и стал ждать, пока останется один.

Лишь только доктор ушел, Дэвид оглянулся. К удивлению своему, он заметил, что все его вещи перенесены чьей-то заботливой рукой в этот дом. Во всем видна была предусмотрительность Нэнси Лобиньер. В комнате лежала котомка, в которой Дэвид нашел все нужные вещи, и, быстро переодевшись, захватив пороховой рог, мешочек с пулями и свою старую винтовку, он потихоньку вышел с черного хода.

Только тогда, когда Дэвид очутился далеко за пределами города, он в последний раз оглянулся, и глухое рыдание вырвалось у него из груди. Он долго стоял и смотрел издали на город, в котором он нашел все то, что предсказывал старый мельник Фонблэ. Наконец он повернулся и пустился в далекий путь.

Спина болела немилосердно, и все тело ныло от перенесенной боли, но это было ничто по сравнению с той болью, которая терзала его душу. Зато теперь его мозг работал совершенно ясно, и вместо ненависти в душе его водворился покой.

Дэвид подстрелил по дороге несколько белок и, когда наступила ночь, он развел костер, зажарил их, приготовил себе ложе из сосновых ветвей, накрылся походным одеялом и вскоре спал глубоким сном — впервые после многих бессонных ночей.

Проспав несколько часов, он проснулся и убедился, что уже достаточно светло и можно продолжать путь. Спина уже не так сильно болела, но зато она была вся сведена, словно стянута железным обручем, — так усердно перевязал ее доктор Куэ. В пути, однако, и это ощущение понемногу сгладилось, особенно когда взошло солнце и несколько пригрело одинокого путника. Когда ему встретился по дороге коттедж, Дэвид зашел и накупил достаточно припасов, чтобы хватило до Ришелье.

Спокойно обдумывая свой поступок, он все же нисколько не жалел о том, что тайком ушел из Квебека, не дожидаясь Нэнси Лобиньер. Она поймет его желание остаться наедине с самим собой и простит его, когда он со временем вновь увидится с ней.

Как ни старался Дэвид прогнать от себя мысль об Анне, образ девушки снова и снова возвращался к нему. И в те часы, что он шагал по дороге, и в те короткие минуты, что он предавался сну, он неизменно видел ее перед собой. Но сейчас это была не та Анна, не та прелестная, веселая, жизнерадостная девушка с реки Ришелье, а бескровная, мертвенно-бледная, застывшая от ужаса Анна, какой он видел ее в каземате губернаторского дворца.

Дни шли за днями, а Дэвид все еще находился в пути, направляясь в долину Ришелье. Но наступил наконец чудный миг, когда он издали завидел старую мельницу и замок Гронден.

Уже целая неделя прошла с тех пор, как Дэвид Рок прибыл в сеньорию Сен-Дени, а между тем Нэнси Лобиньер ни словом не давала знать о себе.

Только одному Пьеру Ганьону Дэвид рассказал о том, что пришлось ему перенести в Квебеке. Однажды, когда они были одни, он обнажил спину и показал ему следы страшной плети. Но когда он кончил рассказывать, Пьер Ганьон достал письмо, которое прислала ему со

специальным нарочным Нэнси Лобиньер, подробно описывавшая все, что произошло с Дэвидом Роком.

«Я намереваюсь вместе с ним отправиться к реке Ришелье, но я бы хотела раньше убить Биго», — заканчивала письмо Нэнси.

Дэвид нашел своего друга совершенно изменившимся. Его инертность бесследно исчезла, а закаленные мускулы искали применения своей вновь приобретенной силы. Бывшая полнота всего его тела испарилась, и Пьер объяснил Дэвиду:

— Я десять часов в день провожу в работе на поле и в лесу, а половину ночи — у костра на голой земле.

Он также рассказал Дэвиду, что собрал маленький отряд из двадцати человек и только ждет минуты, когда придется двинуться в путь, ибо уже носятся слухи о приближении англичан к форту Дюкен. От него же Дэвид узнал, что Черный Охотник лишь дважды за последние пять месяцев показывался в Ришелье. В последний раз, когда он уходил, он предупредил, что долго не вернется.

— Он весь был в черном, когда покинул нас, начиная с головы до кончиков башмаков, — сказала Мэри Рок в беседе с сыном. — Сердце говорит мне, что он что-то такое знал, когда уходил, хотя ни словом не обмолвился со мной.

Было решено, что когда Пьер Ганьон отправится в путь, Дэвид Рок пойдет вместе с ним. Дэвиду очень недоставало сейчас Питера Джоэля, ибо в этом человеке он мог бы почерпнуть всю ту силу и мужество, в которых нуждался, но было бы, конечно, безумием отправиться в леса в поисках его.

В скором времени Дэвид убедился также в том, что любовь, которую, как казалось ему, он сумел вырвать с корнем из своего сердца, в действительности лишь покрылась тонким слоем пепла. Куда бы он ни пошел, что бы он ни делал — все неизменно напоминало ему об Анне Сен-Дени. И он был рад, когда наступил долгожданный день, и вместе с Пьером Ганьоном и с его двадцатью воинами он отправился к форту Дюкен. Маленький старый мельник крепко пожал ему руку на прощание и не преминул произнести новое «пророчество».

— Я читаю на твоём лице много такого, что ты скрываешь от меня, мой мальчик, но я все знаю. И, верь моему слову, ты скоро вернешься в замок Гронден и найдешь здесь нечто такое, что надолго переживет меня. И когда это случится, я со спокойным сердцем закрою глаза в последний раз.

Козебой на время оставил Мэри Рок, чтобы проводить Пьера и его воинов к форту Дюкен. С каждым днем подходил маленький отряд все ближе и ближе к неприятельской земле. И однажды Козебой исчез, а когда он на заре вернулся, Дэвид с трудом узнал его.

Старый индеец побрил голову, оставив лишь один клок, за который мог бы ухватиться храбрый противник, который осилит его и пожелает снять с него скальп.

В этом клоке волос торчало три орлиных пера, окрашенных в ярко-пунцовую краску. Лицо Козебоя пестрело белыми, красными и желтыми линиями, подобно рубцам от ножа, а на каждой щеке красовалось густое черное пятно. В ушах болтались большие медные серьги, а шею украшало ожерелье из шлифованных раковин. Его рубаха тоже была вся в красных пятнах, а на груди висел огромный нож, какого Дэвид никогда еще не видал на нем. На поясе, обвивавшем его тонкий стан, страшным пятном выделялся свежий скальп.

Еще накануне глаз Козебоя обнаружил то, чего не видели его белые союзники, — человеческий след. Он тотчас же пошел по этому следу, нашел того, кто оставил его, и принес его скальп. Это был индеец племени моговков. Следовательно, они уже находились на неприятельской земле.

Только такой испытанный воин и следопыт, как Козебой, мог прокладывать путь в самом

сердце неприятельской земли. Трижды они натыкались на следы людей, и каждый раз старый делавар обращал внимание Дэвида и Пьера на присутствие белых среди индейских воинов. Дважды Дэвид лежал с ним за прикрытием и наблюдал за кострами могавков и слышал, как тяжело дышал Козебой, еле сдерживая желание кинуться на индейцев-предателей, ставших врагами своих соплеменников ради «огненной воды» англичан.

Наконец отряд Пьера набрел на следы пребывания индейцев и англичан. Целый ряд хижин французских колонистов представлял собой еще дымившиеся руины. Тут происходил, очевидно, страшный, неравный бой, и удивительнее всего было то, что избиение французских колонистов происходило на расстоянии каких-нибудь двадцати миль от французского форта. Меж руин они обнаружили пять мужчин, с которых были сняты скальпы, и также трех оскальпированных женщин, и Дэвид вздрогнул, вспомнив парик, который он видел на голове маркиза Водрея.

Разгадка явилась на следующий день, когда вместо форта они нашли лишь груды почерневших камней, усеянных трупами французов и их союзников-индейцев. Это происходило, очевидно, совсем недавно, так как Козебой обнаружил кой-где горячую еще золу и, согласно его предположениям, в нападении на форт участвовало не менее ста винтовок.

Тем временем наступил май, и весна развернулась во всей своей красе. Повсюду, казалось, царили покой и довольство, и если бы не вид страшных пожарищ и оскальпированных трупов, то было бы трудно поверить, что тут могла вестись война. Но всякое сомнение исчезло, когда внезапно они увидели перед собой форт Дюкен, где собралось восемьсот дикарей в ожидании кровавого пира.

Дэвид не переставал думать о своей матери и Анне Сен-Дени. Чем чаще встречались ему группы индейцев, возвращавшихся со свежими скальпами, тем чаще думал он о дорогих ему существах. Теперь, когда в душе улеглось уже все пережитое, ему рисовалась прежняя Анна — Анна, которая никогда не была в Квебеке, которая слушала его так внимательно, когда он объяснял ей, что вырезано на пороховом роге, Анна, с которой он играл на мельнице, — и всем его существом овладевало безумное желание возможно скорее вернуться в замок Гронден.

Наступил июль, когда в ущелье меж гор близ форта Дюкен показался генерал Брэддок со своими двумя тысячами двумястами солдатами, и, попав в ловушку, был уничтожен почти со всей своей армией и кровожадными индейцами. Дэвид лежал за скалой и наблюдал с ужасом в душе за страшным избиением. Когда наконец жалкие остатки армий Брэддока бросились бежать, Дэвид встал на ноги и, пошатываясь, направился в противоположную сторону. Внезапно он увидел неподалеку от себя человека, который стоял, зажав ружье в руке, и с невыразимой скорбью на лице глядел на жуткую сцену внизу.

В продолжение нескольких секунд Дэвид, как бы не веря себе, глядел перед собой. Внезапно он услышал голос Черного Охотника:

— Дэвид, я рад, что ты не принимал участия в этом кровопролитии.

— Из Квебека пришел белый человек вместе с индейцами, — несколько минут спустя сказал ему Питер Джоэль, — он непременно хочет тебя видеть. Он еле держится на ногах от усталости. Я понятия не имею, кто он такой.

— Где он сейчас? — спросил Дэвид.

— С комендантом, который очевидно знает его, ибо он отдал приказ разыскать тебя немедленно.

В комнате коменданта слышались возбужденные голоса, когда дверь открылась, чтобы пропустить туда Дэвида Рока. Напротив коменданта сидел человек, который, очевидно, только что кончил есть. При появлении Дэвида он встал, и юноша увидел человека с сильно обветренным лицом, давно уж не стриженного и с густой бородой. Но, несмотря на все это,

Дэвид тотчас же узнал капитана Рэнэ Робино.

— Наконец-то я нашел вас! — воскликнул капитан. — Мсье комендант, — продолжал он, — вот это и есть Дэвид Рок, о нем я вам говорил. Я в такой степени обязан ему, что вряд ли сумею когда-либо отплатить. Благодаря ему, я избавил мир от вашего старого «друга» капитана Талона.

Комендант Контркер встал и протянул руку молодому охотнику.

— За что я вам бесконечно благодарен, лейтенант Рок, — сказал он. — Капитан Робино — лучший стрелок, чем я, и мне пришлось бы обменяться парой выстрелов с капитаном Талоном в связи с одним маленьким делом. Сейчас я вас на время покину, ибо капитан Робино хочет передать вам нечто такое, о чем лучше всего говорится с глазу на глаз.

Легкая усмешка мелькнула на губах Робино. Он жестом предложил Дэвиду сесть рядом с ним, а потом достал пистолет и положил его перед ним.

— Этот пистолет заряжен, и если вы пожелаете меня убить, то можете сделать это, не опасаясь последствий. Я взял слово с капитана Контркера, что он посмотрит на это как на несчастный случай. Я последовал за вами через всю эту глушь, чтобы очистить свою совесть от преступления, которое я совершил по отношению к вам.

— Я ничего не понимаю! — воскликнул Дэвид, глядя на него. — Вы явились напрямиком из Квебека? Может быть, у вас есть что передать мне от мадемуазель Сен-Дени?

Робино отрицательно покачал головой.

— Поскольку это касается Квебека, я исчез с лица земли. Никто не знает, где я, не исключая мадемуазель Сен-Дени. О чем вы хотите раньше слышать от меня — обо мне или об Анне Сен-Дени?

— Раньше о ней, если разрешите, — откровенно ответил Дэвид.

— В таком случае я должен сказать вам, что меня вынудили принять участие в заговоре, который должен был привести вас к гибели. Я знал, что произойдет во дворце в ту ночь, когда мадемуазель Сен-Дени пришла к вам в каземат...

И он стал рассказывать Дэвиду то, чего тот не мог знать. О возвращении Анны в кабинет Биго, о его, капитана Робино, опасениях за нее и о том, как он разбил планы интенданта, явившись в последнюю минуту с сестрой Эстер.

— И Биго решил убить меня за это через посредство капитана Талона. Но счастье оказалось на моей стороне, и я на следующее утро всадил Талону пулю в сердце.

За два часа до вашей экзекуции я отправился в монастырь, чтобы рассказать Анне Сен-Дени о том, каким образом в вашу куртку были нарочно вшиты обличающие Документы, чтобы можно было вас судить как предателя. Но в монастыре мне ответили, что мадемуазель Сен-Дени больна и что они опасаются за ее рассудок. Я требовал, я настаивал, но это ни к чему не привело. Но когда я собрался уже было уходить, дверь отворилась, Анна вбежала в комнату, и я действительно готов был поверить, что она помешалась.

Я наскоро изложил ей все события дня, и она схватила меня за руку и крикнула: «Достаньте мне немедленно экипаж!» А когда мы сели в экипаж, она приказала ехать ко дворцу Биго.

Робино встал со стула и, стоя перед Дэвидом, рассказал ему о том, что произошло между ними и Биго в покоях у последнего.

— Я могу вас уверить, лейтенант Рок, что Анна сторицей отомстила за вас. Но когда она покончила с интендантом, мне пришлось на руках отнести ее назад в экипаж. Она скоро пришла в себя и попросила отвезти ее к Нэнси Лобиньер, и там меня спрятал старый барон, а Анна три дня находилась между жизнью и смертью. Только она снова встала на ноги, как немедленно отправила вам письмо с гонцом, а потому я разыскивал вас не для того, чтобы передать весть о

ней, а чтобы спросить, сможете ли вы простить человеку временную слабость, превратившую его в орудие подлеца.

Робино рассказал Дэвиду, как Биго, пользуясь его бедностью, заставил его взять у него денег и, злоупотребляя безукоризненной честностью капитана, сделал из него послушное орудие.

— Я получил письмо от Нэнси Лобиньер, — сказал Дэвид, — но я ничего не слышал о мадемуазель Сен-Дени.

— И вы, следовательно, не знаете, что она и Нэнси Лобиньер вместе отправились в замок Гронден?

— Нет!

— В таком случае я еще больше виноват перед вами. Я мог бы взять письмо к вам, но я не хотел, чтобы кто-нибудь знал о моих намерениях. Когда я в замке Гронден узнал, что вы направились к форту Дюкен, я был в полной уверенности, что вы уже получили письмо мадемуазель Сен-Дени.

— Но где же она сейчас?

— Я полагаю, что сейчас она в замке Гронден.

— Но ведь вы говорите, что она была больна?

— Эта болезнь такого рода, что задевает лишь мозг, и раз она перенесла страшный удар, то теперь за нее опасаться нечего.

Дэвид крепко пожал руку Робино.

— Если для успокоения вашей совести вам необходимо мое прощение, то я от души прощаю вам все. Я даже считаю себя в долгу перед вами, и если случится, что я когда-нибудь вновь познаю счастье, благодаря вам, то вы займете в моей душе место наряду с другим честным солдатом, воспитавшим меня.

Их прервал Питер Джоэль. По его лицу видно было, что случилось что-то ужасное.

— В чем дело? — спросил Дэвид Рок.

— Индейцы принесли страшные вести. Англичане надвигаются на Канаду через Ришелье, и Вильям Джонсон имеет при себе свыше тысячи индейцев... а мы находимся в шестистах милях оттуда!

Никогда еще Дэвид не видел, чтобы лицо Питера Джоэля было так мертвенно-бледно, как в эту минуту.

Дэвид Рок не стал передавать Пьеру Ганьону страшной вести о том, что Нэнси Лобиньер находится, возможно, в замке Гронден, чтобы зря не прибавлять ему лишней тревоги. Было решено, что они пустятся через самое сердце неприятельской страны, чтобы по возможности сократить путь.

Путешествие было кошмарным. Москиты в такой степени овладели лесами, что не только все звери и животные бежали в горы, но даже индейцы и те оставили свои жилища. Отчасти это было на руку маленькому отряду, спешившему назад к реке Ришелье; но бывали минуты, когда Карбанак, лицо которого превратилось в кусок мяса, и Дэвид и Пьер Ганьон, с трудом видевшие что-либо сквозь вспухшие глаза, начинали уже думать, что в конце концов сойдут с ума от москитов.

А потом случилась катастрофа, которая в значительной степени задержала их. Карбанак не рассчитал своей тяжести, взбираясь по скале, которая легко выдержала Питера Джоэля и Козебоя, поскользнулся, и огромный валун рухнул на него и чуть не убил. Весь отряд вынужден был дожидаться в полном бездействии, пока наконец нога Карбанака зажила и он смог продолжать путь.

Наступил сентябрь, а они все еще находились на расстоянии доброй сотни миль от Ришелье.

Однажды, когда они проходили мимо небольшого пруда, Питер Джоэль вдруг наклонился, и даже с его уст сорвался крик ужаса. Пруд, в котором от жары вода совершенно высохла, был доверху полон человеческими телами. И, взглядевшись несколько пристальнее, Питер Джоэль сразу обнаружил работу индейских ножей. Он также увидел, что среди убитых не было англичан.

Только отряд миновал страшный пруд, как из кустов выполз какой-то человек. Дэвиду первым бросилось в глаза отсутствие волос и кожи на его голове. Несчастный представлял собой жуткое зрелище. Его офицерский мундир был сплошь залит кровью, а один глаз выколот. Черный Охотник опустился на колени, поднес флягу с водой к губам умирающего и приложил ухо к его устам.

И от умирающего офицера он узнал, что французская армия была разбита, а он, капитан Фольсон, был послан сюда, чтобы задержать индейцев, попал в западню, и весь его отряд был истреблен.

Умирающий хотел было еще что-то добавить, но только схватился за грудь и умер.

Дэвид и Пьер стояли на страже, пока Черный Охотник и Карбанак вырыли могилу и похоронили в ней несчастного солдата.

Дэвид шагал рядом с Черным Охотником, а за ними, не отставая ни на шаг, подобно двум привидениям, шли Пьер Ганьон и Карбанак. Когда Черный Охотник делал передышку, Карбанак, этот могучий гигант, как мертвый, валился на землю и засыпал непробудным сном. Они не позволяли себе больше трех часов сна, и тем не менее Черный Охотник, в отличие от остальных, нисколько почти не изменился внешне. Во всяком случае, он не так исхудал, как все другие, и не так пострадал от москитов.

Однажды, когда они предавались краткому сну на вершине холма, с которого открывался уже вид на долину Ришелье, раздался призывный крик Питера Джоэля.

В то же мгновение Дэвид вскочил и встал рядом с Черным Охотником, а Пьер и Карбанак были уже на ногах и протирали глаза. В нескольких милях от них горизонт покрылся багровым заревом. Черный Охотник сразу понял, в чем дело. Там жил воинственный и смелый сеньор Тонтэр, и, очевидно, от его сеньории и окружающих ферм остались лишь угли.

Не дожидаясь сигнала, все четверо почти бегом пустились в путь. Проходя мимо того места, где раньше стояла хижина старого отшельника, которого все звали Старый Поль, они нашли лишь несколько обуглившихся бревен и оскальпированный труп одинокого старика. Та же судьба постигла смелого Анри Ташеро и его двух сыновей.

Вскоре Дэвид различил уже огромную сосну, разбитую молнией, близ которой он так часто встречался с Анной, и только они миновали это место, как до их слуха донеслись ружейные выстрелы.

— Это стреляют в замке Гронден, — заметил Черный Охотник.

Теперь они уже бежали и в скором времени достигли леса Гронден, откуда, как на ладони, виден был замок и окружающие его строения.

Когда они находились возле сумах, среди которых Биго когда-то застал врасплох Дэвида и Анну, Черный Охотник опустился на землю и потянул Дэвида за собой. Пьер и Карбанак тотчас же последовали их примеру.

— Не шевелитесь, — крикнул Питер Джоэль, — не то мы все погибли!

Замок Гронден был пуст, и если он не горел, то это объяснялось лишь тем, что старый дом был сложен из каменных плит. На земле, возле тяжелой дубовой двери, что вела на мельницу, Дэвид различил неподвижную, скрюченную маленькую фигуру старого мельника Фонблэ с

окровавленным черепом.

Все те, кто оставались в живых в сеньории Гронден, нашли убежище в маленькой часовне, которая сейчас была окружена толпой краснокожих дикарей.

Из часовни послышалось несколько редких выстрелов, что вполне красноречиво говорило о слабых силах осажденных.

— Слушайте! — произнес Черный Охотник. — Стреляйте только тогда, когда я выстрелю, и постарайтесь убить каждый по одному из тех индейцев, что стоят возле двери. Мы пришли вовремя — как раз вовремя!

Черный Охотник выпрямился во весь рост, и из его горла вырвался страшный, жуткий, нечеловеческий крик. И этот крик означал, что Питер Джоэль снова стал тем страшным человеком, каким шестнадцать лет тому назад сделала его смерть жены и детей.

Словно демон мщения, стоял он на виду у индейцев, и едва замер его крик, как раздалось четыре выстрела и четыре индейца свалились замертво у входа в часовню. Случись это ночью, индейцы, без сомнения, кинулись бы врассыпную, ибо этот страшный крик был знаком им — он говорил о присутствии того таинственного духа, которого люди звали Черным Охотником и легенда о котором передавалась из уст в уста. Но сейчас перед ними стоял человек, а потому ужас индейцев вскоре уступил место спокойному рассудку, тем более, что позади Черного Охотника они видели еще троих белых.

Ипуская дикие вопли, Дэвид Рок устремился вслед за Черным Охотником; не отставая от него, неслись Карбанак и Пьер Ганьон.

Индейцы увидели, что на них несется четверо помешанных людей, но они были опьянены кровью и желанием взять последнее убежище белых, а потому остались на месте, дожидаясь врагов.

Черный Охотник еще раз выстрелил, и вместе с тем раздалось еще три выстрела, и опять четверо индейцев свалились, словно подкошенные серпом.

Теперь уже стало поздно стрелять; побросав свои ружья, все четверо ухватились за топоры, и начался страшный бой.

В лице Черного Охотника сейчас неистовствовал тот самый человек, который шестнадцать лет тому назад набросился с дубиной в руках на целый отряд индейцев. Что же касается Дэвида, то он дрался за десятерых. То и дело его топорик вонзался в голову, в грудь или спину индейца, и с каждым ударом надежда все больше окрыляла его.

Но самое страшное кровопролитие происходило там, где бился Карбанак. Его бешеное рычание покрывало даже нечеловеческие вопли Черного Охотника. Он, словно греческий полубог, возвышался над всеми, и его топорик рубил направо и налево, скашивая индейцев, как колосья! Могавки окружили его, и вскоре все тело Карбанака было покрыто кровью. Чей-то топорик вонзился ему в плечо, но как раз в это мгновенье, словно из земли, появился пятый человек, который с исступленными криками накинулся на могавков.

Это был Козебой, и следом за ним на могавков набросились четверо его друзей-делаваров.

Эта неожиданная подмога придала бодрости белым, и они с еще большей яростью стали пробиваться сквозь гущу индейцев к двери.

Внезапно Дэвид услышал голос, доносившийся из-за полуразбитой двери часовни:

— Дэвид! Дэвид! Дэвид!

Голос принадлежал Анне Сен-Дени. Это не только не остановило юношу, но заставило его с удвоенной энергией обрушиться на индейцев. А когда последние в ужасе отступали перед ним, они наталкивались на топорик Черного Охотника.

Лишь несколько могавков осталось в живых, и в конце концов они бросились бежать. Но даже тогда Черный Охотник пустился следом за ними, желая добить последних из тех врагов,

которые однажды уже убили любимую им женщину и теперь намеревались убить вторую.

Весь обливаясь кровью, Дэвид опустил топорик и оглянулся. Он увидел какое-то странное выражение на лице Карбанака и поспешил к нему. Огромный гигант стоял, широко расставив ноги, и слегка покачивался. Глаза его широко раскрылись, словно он вдруг увидел перед собой ту женщину, которая поступила с ним так вероломно, из-за которой он подвергся унижению и страшной экзекуции. Внезапно с губ Карбанака сорвался какой-то глухой звук, и в то же мгновение он протянул руки вперед и рухнул наземь.

Пьер Ганьон, израненный и весь залитый кровью, лежал у его ног, а рядом с ним, с суровой усмешкой на запекшихся губах, лежал с широко открытыми глазами Козебой.

Дэвид хотел было обернуться, чтобы посмотреть, что случилось с остальными бойцами и с Черным Охотником, но внезапно почувствовал, что земля разверзается у него под ногами, он услышал чьи-то рыдания, кто-то окликнул его, и тотчас же все покрылось мраком.

Прошло много дней, прежде чем Дэвид пришел в себя и сообразил, что находится в одной из комнат разоренного замка и возле него сидят его мать и Анна Сен-Дени. Вскоре он узнал обо всем, что произошло в сеньории Гронден незадолго перед тем, как они явились в последнюю минуту под предводительством Черного Охотника.

Совершенно случайно население замка находилось в маленькой часовне, и это лишило индейцев возможности тотчас же уничтожить всех белых.

Карбанак умер, а равно и Козебой и маленький мельник Фонблэ. Пьер Ганьон, весь в рубцах и с переломленной рукой на перевязи, стоял возле постели Дэвида, и рядом с ним была Нэнси Лобиньер.

От старого барона Дэвид узнал, что Черный Охотник исчез бесследно — возможно, сказал сеньор Сен-Дени, что он слишком увлекся преследованием индейцев и был ими убит.

Мэри Рок ничего не сказала при этом, но в ее глазах Дэвид прочел безумную тоску, которая говорила о том, что сердцу этой женщины снова нанесена неизлечимая рана.

И только Анна Сен-Дени отказывалась верить, что больше не увидит Питера Джоэля.

— Я не хочу думать, что судьба окажется столь жестокой ко мне и не даст мне возможности стать на колени перед этим благородным человеком и молить его о прощении, — сказала она.

И Дэвид посмотрел на нее с бесконечной благодарностью.

notes

Rock — по-английски скала.

Вашингтон, будущий президент Соединенных Штатов, которому было тогда лишь 22 года, потерпел поражение от французов в 1754 году и был взят в плен у Форта Необходимости.